

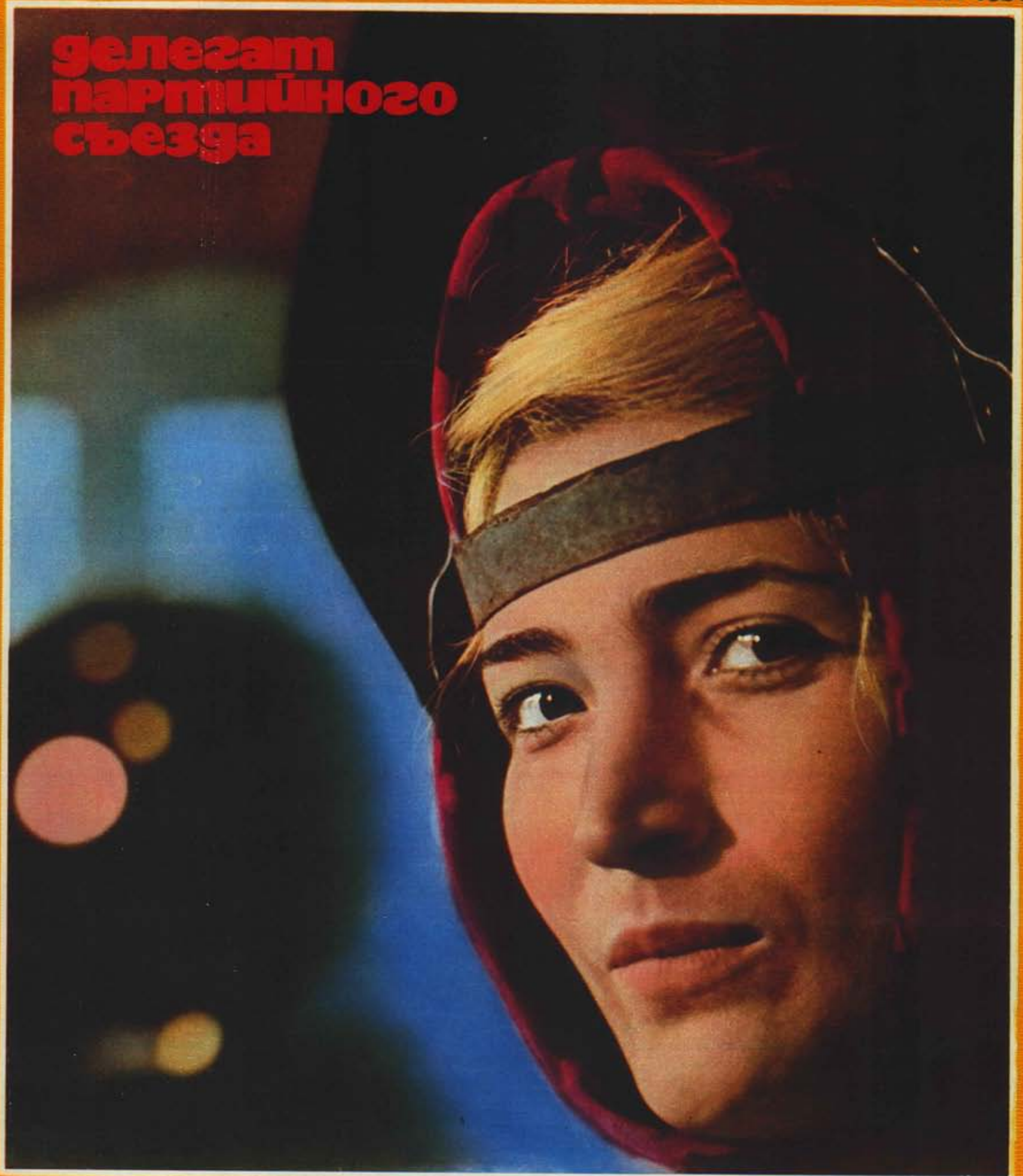

ISSN 0131—6656

СМЕНА

№ 6 МАРТ 1981

**делегат
партийного
съезда**

Игорь МИНУТКО.
Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные
корреспонденты «Смены»

XXVI
СЪЕЗД КПСС

ПОКОРИТЕЛЬНИЦА ОГНЯ

РАССКАЗ О ДЕЛЕГАТЕ
ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА

Просыпайся, Илона, просыпайся, моя девочка. Пора! Сажи легко тербит худенькое плечо дочери. Конечно, самый крепкий сон на восходе солнца. Особенно, когда тебе пять лет. Но Илона вскакивает мгновенно:

— Мы едем, едем! — Спутанные темно-каштановые волосы упали на лоб, маслинами сияют черные глаза. — Мы едем на озеро! А где папа?

— Он уже на улице. Умывайся, сейчас будем с тобой пить чай.

Они сидят друг против друга, мать и дочь, Илона торопится, дует на чай, быстро-быстро, как мышонок, жует бутерброд — скорее в дорогу!

— Тебе уже шестой год, Илона. Как летит время!»

В 1968 году, когда Сажи Умалатовой

исполнилось пятнадцать лет, она стала вести дневник. Вот одна из записей давних лет.

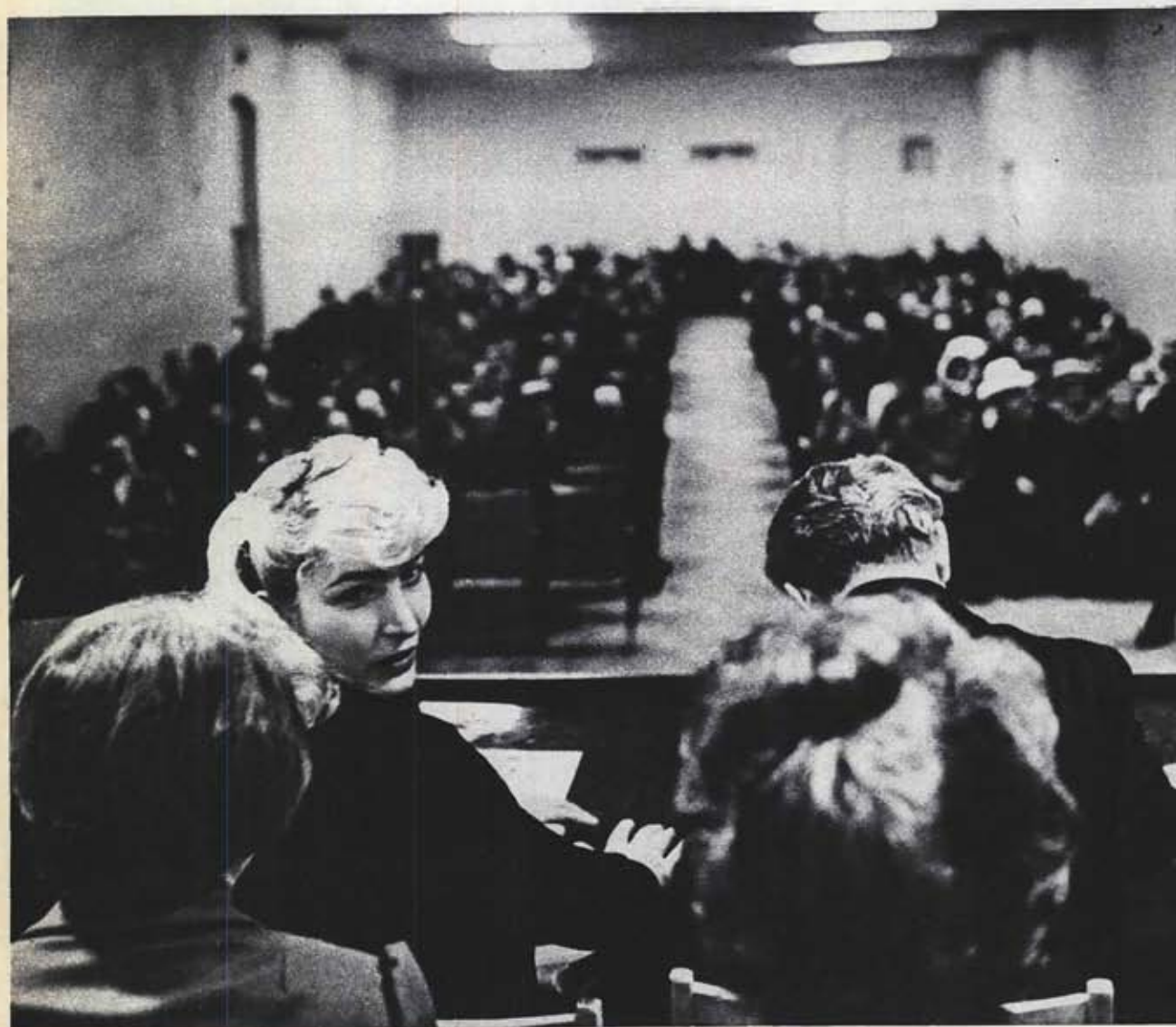
«10 мая 1975 года.
Сегодня Саид привез меня... нет, не меня, привез нас с Илоной из роддома. Какая я счастливая! Сразу пришли папа и мама. Мама почему-то заплакала. А отец сказал: «Сестра, не имеющая брата, — голая веточка». По-моему, он знает все пословицы и поговорки чеченцев. Саид тут же ответил: «Следующим будет мальчик». Отец на это сказал: «Без брата брат — что сокол без крыла». Тогда засмеялась мама, опять обняла меня, сказала: «Главное — первый ребенок. С него начинается семья. А потом... Вот у меня вес девять...» Мама опять заплакала. Отец улыбнулся: «Женщины есть женщины: слезы и слезы рядом. Покажи-ка нам ее, дочка». Я осторожно приподняла покрывало над кроватью. Илона спала, прическивая во сне. Крохотный комочек жизни. Какими же беспомощными приходим мы в наш мир!»

— Мама, я все съела! Бежим! — Уже в дверях Илона оборачивается. — А ты мне расскажешь сказку про то озеро, да?

— Обязательно. Приедем, там и расскажу. Я ведь тоже не была на нашем озере Кезеной-Ам.

— А откуда ты знаешь эту сказку?
— Ее рассказывал нам отец, твой дедушка.

Неужели все это было с ней? Сажи семь лет, а сестре Совде, братьям Ахмеду, Вашиду, Хамзату, Шахиду и того меньше. Вечер. Темный вечер в селе Рошни-чу, что прилепилось к подножию Черных гор. Дом Зайнди Зубайраева на самой окраине, к плетню подступил лес, который покрывает горы. Старые ореховые деревья, бук — его здесь называют чинарой. (Это уже потом, замирая от непонятной сладкой грусти, она прочи-

КАК ДЕПУТАТ САЖИ УМАЛАТОВА АКТИВНО УЧАСТВУЕТ В РЕШЕНИИ ВАЖНЕЙШИХ ВОПРОСОВ ЖИЗНИ СВОЕЙ РЕСПУБЛИКИ.

тает у русского поэта: «У синего моря чинара стоит молодая...») Издалека, от густого леса, горы кажутся черными, отсюда и их название. Страшно оказаться в лесу вечером. Даже на крыльцо выйти страшно. Но Сажи все-таки выходит — надо встречать папу, скорей бы он пришел! Отец работает в горах, в леспромпхозе, он возвращается до-

известной песни, будто написанной про нее:

...Мне ни на что не променять
Ту заводскую проходную,
Что в люди вывела меня...

Это сейчас безлюдно у проходной «Красного молота». А в рабочее утро, когда тебя подхватывает нетерпеливый человеческий поток и столько знакомых лиц кругом, ты становишься неотделимой частью этого потока. Вот так, каждый день вливаясь в людскую реку, стремящуюся к проходной завода, Сажи постигала суть великого понятия «рабочий класс». А началось все так...

«17 октября 1968 года.

Решено: я буду работать в нефтеаппаратурном цехе электросварщицей. С пятого класса я мечтала о какой-нибудь необычной профессии, неженской. Однажды сказала об этом папе. Он засмеялся: «Ты случайно родилась девочкой». Верно, у меня и друзей гораздо больше среди мальчишек, чем среди девочек. Мама в цехе

**КОМУ-ТО НУЖНА ПОДДЕРЖКА,
КОМУ-ТО СОВЕТ—И ЧЕЛОВЕК
ИДЕТ К СВОЕМУ ДЕПУТАТУ**

ПЯТИМИНУТКА ПЕРЕД РАБОЧЕЙ СМЕНОЙ.

мой, пропахший свежими опилками, усталый.

Сажи стоит на крыльце, пожевываясь от прохлады, глаза постепенно привыкают к темноте — рассыпались по бледному небу редкие звезды, нарисованы на нем контуры деревьев, и, если присмотреться, в каждом можно узнать какое-нибудь существо, доброе или злое, из папиных сказок. Пронзительно пахнет мокрой землей и травами — июнь на дворе; к этому вечному запаху гор примешивается запах дыма — постоянный спутник человеческого жилья. Тихо: слышно, как в низине бежит вода в речке Рошни; где-то далеко лают собаки. Но вот знакомые, родные шаги на тропинке. Сажи срывается навстречу:

— Папа! Папа!

После ужина вся семья располагается возле печки, в которой догорают поленья, и красные отсветы играют на полу только хозяйка дома, Маржан, убирает со стола, стараясь не греметь посудой.

— Сегодня,— обращается Зайнди к своим сыновьям и дочерям,— я расскажу вам легенду об озере Кезеной-Ам. Это озеро лежит среди гор Чечни на границе с Дагестаном и похоже на огромный драгоценный камень, вправленный в крутой утес. Днем оно голубое, и в него можно смотреться, как в зеркало, ночью — темно-синее, и звезды, отражаясь, падают в застывшую глубину. Но в давние-давние времена не было этого озера на белом свете. На его месте

находилось село Кезеной-Ам, и жили в нем жадные и негостеприимные люди: никого они не пускали к себе на порог, случайного путника готовы были затравить собаками, даже в гости друг к другу не ходили... Тут, дети; я хочу сказать вам... Сегодня от наших стариков вы услышите: «Гость — самый желанный человек в доме». Если к вам в дверь постучал человек — он для вас первый друг, зовите его к столу, нет в доме вкусной еды, ставьте хлеб, соль и чистую воду, затопите очаг, а для доброй беседы всегда найдется тема... Так вот однажды спустился с неба волшебник и вошел в село Кезеной-Ам. Постучался он в дверь первого дома. «Пошел прочь!» — закричал на него хозяин. Направился волшебник к другому дому. «Если ты не уйдешь,— сказали ему,— мы закидаем тебя камнями!»

Поленья прогорели в печке, угли подернулись пеплом.

«Все люди, которые придут ко мне в гости,— думает Сажи,— будут моими друзьями».

...Саид нетерпеливо прохаживался внизу у машины.

— Где вы застряли? Уже скоро шесть, в горах нужно быть до жары.

Машина быстро скользит по мокрому асфальту, мимо темного ряда зеленых деревьев, от которых лежат контрастные тени,— солнце висит над самыми крышами. Пустынен Грозный в это субботнее раннее утро. Поворот — и Сажи

РЕДКИЕ СВОБОДНЫЕ ЧАСЫ САЖИ ПРОВОДИТ С МУЖЕМ И ДОЧКОЙ.

невольно оглядывается: только что миновали проходную машиностроительного завода «Красный молот».

— Что,— улыбается Саид,— в родной цех потянуло?

— С понедельника работаем на срочном заказе,— говорит Сажи, а сама вспоминает в это время слова одной

среди огромных труб, грохота, всплеск сварки показалась мне такой маленькой. Это она из-за нас пошла на завод: папиной зарплаты не хватает, нелегко прокормить девять человек в городе. Я старшая, надо скорее помогать родителям. Я обязательно буду работать там! И только электросварщицей. Я видела: русская женщина варила металл, из-под ее электрода во все сторо-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 6 (1292) МАРТ 1981

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВДА

Фото
Сергея ВЕТРОВА

Наша обложка:
электросварщица
Сажи УМАЛАТОВА.

- 1 XXVI СЪЕЗД КПСС.
«ПОКОРИТЕЛЬНИЦА ОГНЯ».
Рассказ о делегате партийного съезда.
- 4 РАБОЧАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНИ».
Владимир МОРОЗОВ. «ЧТО ПО ПЛЕЧУ СТЕПАНОВУ».
- 7 Стихи Руслана НЭХАЯ.
- 8 Рассказ Владимира КЮЧАРЬЯНЦА «ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ».
- 10 МОЛОДЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ В «СМЕНЕ».
Владимир ГРИБОВ. «ДЕЛО О ПОЖАРЕ».
- 12 XXVI СЪЕЗД КПСС.
Владимир БАБИЙ, первый секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии. «ЗЕМЛЯ, НАПОЛНЕННАЯ МУЗЫКОЙ И СОЛНЦЕМ».
- 16 ЭНЕРГЕТИКА — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА.
Михаил ПУХОВ, Борис РОЗЕН. «ОКЕАН».
- 18 ЖУРНАЛ И ЧИТАТЕЛЬ.
Итоги заочной читательской летучки «Смена»-81.
- 20 «УСТЮГ ВЕЛИКИЙ». Фотоочерк Олега ДЗЮБЫ.
- 23 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Стихи болгарского поэта Николая ХРИСТОЗОВА.
Стихи Людмилы ИШУТИНОВОЙ.
- 24 Репортаж об интересном
Юрий УСТИНОВ. «ТЕАТР В ТЕАТРЕ».
- 25 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 26 МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 28 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «СРЕДА ОБИТАНИЯ».
- 32 К ЧИТАТЕЛЯМ И ДРУЗЬЯМ «СМЕНИ».
«ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКУЮ БИБЛИОТЕКУ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник А. В. Крикунов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда» — Смена — 1981 г.

ны летели искры, она была похожа на бога, который управляет огнем».

Так написала в своем дневнике пятнадцатилетняя Сажи. (Кстати, с этой записи и начинается ее дневник.) Уже восьмой год семья Зубайраевых живет в Грозном, Сажи окончила восемь классов (перед самыми экзаменами ее приняли в комсомол), попыталась поступить в нефтяной техникум — не получилось. 17 октября 1968 года она впервые попала в нефтеаппаратурный цех номер пять завода «Красный молот» — пришла проводить мать, которая была там разнорабочей. Цех, по размерам показавшийся ей беспредельным, простер над Сажи свою сферическую крышу. Могучий мостовой кран плыл под самым ее куполом и легко нес металлический цилиндр, в который могла бы свободно въехать грузовая машина! Еще более гигантские металлические емкости заполняли цех, теряясь в его перспективе. И всюду вспыхивали ослепительные звезды электросварки, с шипением разлетались белоогненные искры.

«Я научусь, — решила Сажи, — я сумею».

Вечером она впервые поспорила с матерью.

— Мама, я согласна: трудная профессия для женщины. Но мне нравится! Я справлюсь.

— Тебе надо учиться, дочка, — тихо сказала Маржан. — Учиться дальше.

— Я буду работать, чтобы помогать вам! — Непреклонность прозвучала в ее голосе. Потом, взглянув на мать, Сажи добавила: — И одновременно буду учиться. Заочно!

— Одной рукой два арбуза не удержишь, — сказал отец. — Хотя... Работают же другие женщины.

На следующий день Сажи пришла в отдел кадров завода «Красный молот».

— Паспорт, — сказала ей суровая на вид женщина.

— У меня нет паспорта. Мне пятнадцать лет. Разве нельзя...

Женщина невозмутимо перебила:

— Тогда ждем тебя через год.

— Хорошо. — У Сажи упрямо сжались губы.

Она пришла через год.

Вот тогда в трудовой книжке Сажи и появилась первая запись: «Принята на должность сатураторщицы в цех номер пять завода «Красный молот».

Сатураторщица — значит хозяйка газированной воды: ее тоже надо специально готовить, следить, чтобы была вкусна и холодна. Это очень важно: хорошо, если в горячем цехе всегда есть возможность попить холодную вкусную воду. Но... Цель оставалась целью.

Следующая запись в трудовой книжке Сажи: «Переведена на должность водителя электрокара».

Теперь эту девушку — веселую, приветливую, стройную, как кипарис, со светлыми волосами, рассыпанными по плечам (она не носила косынки, что считалось обязательным в чеченских селах), — знали все в огромном цехе: ее электрокар шустро сновал среди металлических конструкций, нагромождения готовых изделий, бытовок, развоза детали, оборудование, продукты для буфетов. Кто-то из рабочих однажды в шутку назвал ее Людой, и русское имя так и осталось за ней: «Люда! На второй участок, живо! Мастер тебя ищет!». «Людочка, давай к нам, самое время перекусить». Сажи-Люда стала своим человеком в нефтеаппаратурном цехе. А цеховое начальство скоро узнало одну, доминирующую, черту характера Сажи Зубайраевой: упорство в достижении цели. Она не устала повторять: «Прошу направить меня на курсы электросварки».

Трехмесячные курсы работали тут же, в цехе.

«5 августа 1971 года.

Наконец-то! Сегодня начальник цеха Дмитрий Григорьевич Клапчук подвел меня к пожилому дядьке: «Вот, знакомься, Иван Алексеевич Толмачев, наш старейший рабочий. Он будет тебя учить всему, что

должен знать электросварщик». Я заметила, что у Ивана Алексеевича очень внимательные и добрые глаза».

...Позади остались Грозный, промелькнули буровые вышки и качалки нефтепромысла Гойт-Корт, впереди показались горы, покрытые лесом, солнце уже высоко висит над ними, легким туманом курятся распадки. Ичкерия... Древняя земля праотцев.

Илона задремала, уткнувшись Сажи в колени. Руки Саиды крепко держат руль, и машина стремительно подминает под себя серпантин дороги.

...В прошлом году на завод пришел корреспондент областной газеты «Комсомольское племя» — собирался писать очерк о Сажи. Сидели в парткоме, она рассказала о себе. Корреспондент сказал в конце беседы: «Кажется, название я уже нашел: «Завод — судьба моя».

«Так оно и есть, — подумала Сажи, глядя на бурливый пенный поток реки Хулхулау, которая слева от машины быстро несется по каменному руслу. — Судьба... Ведь именно на заводе я нашла свое счастье».

«12 июля 1970 года.

Сегодня в цех на практику пришли студенты нефтяного института, пять человек. Один подошел ко мне и сказал: «Давай знакомиться. Я — Саид Умалатов, очень хороший парень». И засмеялся. А у меня что-то оборвалось внутри и упало... Он правда хороший. И красивый. Весь день думала о нем. И сейчас думаю, не могу заснуть».

В тот июль они встречались на работе каждыйдневно. Однажды Саид пригласил ее в кино, потом они гуляли по вечернему Грозному. Но кончилась практика — и Саид уехал. А она не могла забыть его и почему-то думала, что и он не забудет ее...

«Мы еще встретимся, обязательно встретимся!...» — твердила про себя Сажи.

И они встретились: осенью 1972 года Саид с дипломом инженера-механика пришел на завод, в ее цех. Сменным мастером.

— Здравствуй, Сажи, — сказал он буднично, как будто они расстались вчера. — И добавил: — Я о тебе все время вспоминал.

«Я тоже...» — сказала она про себя.

— Пойдем сегодня на танцы.

«Пойдем, куда хочешь», — подумала Сажи и ответила:

— Сегодня я не могу, у нас политзанятия.

Через неделю Саид ждал ее у проходной.

— Сажи! Выходи за меня замуж.

— Замуж? — Все — дома, желтые осенние деревья, серое дождевое небо, люди вокруг — поплыло у нее перед глазами в медленном хороводе. — Так сразу... замуж?

— Да. Завтра я украду тебя. — Он засмеялся. — Я снял для нас комнату. Не дворец, конечно. Но для начала...

«14 сентября 1972 года.

...И еще он сказал: «Я не обещаю тебе золотые горы. И на руках тебя носить не буду — вон как ты выросла за два года, пока мы не виделись. Сначала будет нелегко. Все мое имущество — это то, что на мне. Но у меня есть другое, более драгоценное: моя любовь к тебе. Я люблю тебя, Сажи! У нас есть молодость, сила, жажда жить. Все в наших руках, Сажи! Вместе мы всего достигнем». Я ответила: «Да! Я согласна...» Какая я счастливая!»

...Завод стал судьбой для обоих, Сажи и Саиды: они не мыслят жизнь без товарищей, забот, напряженных планов, без огненной работы. Именно «огненной»: здесь, в нефтеаппаратурном, создается — «варится» — уникальное оборудование для нефте- и газопромыслов, которое идет по многим адресам страны и даже в другие государства мира. Сажи виртуозно владеет всеми видами сварки — и ручной, полуавтоматической, в среде углекислого газа, и автоматической, электрошлаковой. У нее пятый

Владимир МОРОЗОВ

Взрыва он не слышал. Только что стоял на палубе и вдруг понял, что захлебывается в ледяной воде. Вынырнул и прямо над головой увидел неестественно задранную корму буксира. Гребной винт молотил лепестками воздух. «Так нельзя, — подумал Алексей, — двигатель вразнос пойдет... Неужели затопит котлы, ведь тогда...» Рвануло так, что у него заложило уши. Волна кипятка окутала Алексея...

Бывает, живет человек тихо и незаметно. Но вот случается нечто, и за какие-то часы и даже минуты он взрывается. У Алексея Васильевича Степанова такое событие произошло 2 мая 1943 года.

В детстве он, как и многие мальчишки, считал, будто ему крупно не повезло: слишком поздно родился — в 1926 году. Белых битв не успел. И потом, когда началась война, ему опять говорили: не дорос. А парни чуть постарше брали в руки оружие. И драться ох как хотелось! Особенно, когда бои шли уже на улицах его родного Сталинграда и Алексей слышал канонаду днем и ночью. Правда, на буксире, где он после окончания ремесленного плавал кочегаром, стояли настоящие орудия, но и к ним его тоже не подпускали: зелен ело.

Команда «Сергея Лазо» в шутку называла долгового пареня сына полка. Знали, что сирота, жалели. Хотя легкой жизни не было тогда ни у кого. Да и эта жизнь могла оборваться в любой момент. Ночные рейсы. Мертвенный свет висящих в воздухе ракет. Кипящая от близких разрывов вода. Забитая ранеными палуба. В Сталинград «Лазо» возил боеприпасы. Одно попадание в опасный груз хватало бы, чтобы буксир разлетелся в щепки.

Потом уже, много лет спустя, сын достал книжку про волжскую флотилию в годы войны. Читал и недоверчиво переспрашивал: «Пап, и ты там плавал?» — «Да». — «И тонул?» — «И тонул». — «Я тоже в моряки пойдю!»

Недавно Степанов-младший закончил мореходку. Дома бывает редко. А письма писать молодежь обычно не любит. «Вот у нас вместо писем», — Алексей Васильевич кивает на стены квартиры, где развешаны исполненные рукой юного штурмана летящие над волнами фрегаты и бриги.

...Закопченный «Сергей Лазо» совсем не походил на эти нарядные парусники. Но Алексею и его товарищам буксир был домом родным. И не в переносном, а в самом прямом смысле слова: их дома в Сталинграде давно были разрушены. Весну сорок третьего команда встречала, как праздник. Фашистов отогнали, и город снова наш. Правда, это одни развалины, но мы все отстроим заново, такой город построим... Алексею казалось, что, может, и войне-то скоро конец. И больше никогда не надо будет помогать матросам отдраивать с палубы запекшиеся бурые пятна крови...

Второго мая вахта у Алексея начиналась ровно в восемнадцать ноль-ноль. Уже и склянки пробили, а с палубы уходить не хотелось. Чтобы протянуть еще хотя бы минуту, он пошел на корму к питевому баку. Долго прищмыкая, цедил холодную воду. Только поставил кружку — взрыв! Буксир наскочил на мину.

Проходивший недалеко тральщик выловил из воды раненых и контуженых. Из двадцати членов экипажа уцелели семеро — те, кто находился на палубе. Машинная команда погибла вся целиком. Кроме Степанова.

— Как же ты уцелел? — спрашивал его потом на берегу строгий темноволосый майор. — Ты же в восемнадцать ноль-ноль должен был находиться у котлов!

— Опоздал, — съезжаясь, ответил Алексей. Алексей много размышлял о случившемся. Если по справедливости, то его, Алексея Степанова, место там, на волжском дне. Он чувствовал какую-то вину перед погибшими товарищами. Хотя, спустись он в машинное отделение вовремя, он все равно никого бы не спас, даже сменщика. Просто разделил бы участь всей машинной команды.

С тех пор, с мая сорок третьего, он всю жизнь боялся опоздать. Первые годы это было настоящим кошмаром. «Не опоздай, — постоянно твердил он себе. — Не опоздай, как тогда на буксире». Войны хватало и на его долю. Первую боевую медаль он получил на Дальнем Востоке. Участвовал в освобождении Маньчжурии. Не раз ходил в штыковые атаки, лез в самое пекло.

Война окончилась, менялась жизнь вокруг. Степанов оставался прежним — он боялся опоздать. Демобилизовывать их не спешили: время было тревожное. И вот в одной части, в одной казарме, койка к койке, жили теперь «салаги» — вчерашние школьники и бывалые бойцы, которые успели уже и с немцем повоевать и с японцем. Молодежь уважительно косилась на «старичков», начальство не слишком досаж-

дало им напоминаниями о дисциплине. И молодые не роптали: такой был порядок. Для всех. Но не для Степанова. Он в наряды молодых за себя не гонял и в праздники медалями своими особо не бренчал. Вместе с «салагами» ходил в наряды и выбирал себе работенку потяжелее. «Чудит парень, — рассуждали солдаты, — авторитет наш подрывает: глядишь, и нас начнут гонять, как молодых». Кончилось тем, что старослужащие решили поговорить с Алексеем по душам. На всякий случай выбрали для этого местечко потемнее.

— Ты чего, друг, наперед батьки в пекло лезешь? Первым везде хочешь быть? Тебе кто велел?

— Совесть велела, — спокойно ответил Алексей. Другому бы такого ответа не простили: ишь ты, у тебя совесть, а у нас вместо нее бородавка выросла? Но то другому. А Степанов как-то так сказал, что весь воинственный пыл у «старичков» разом прошел. Видя, что вопросов к нему больше нет, Алексей вежливо отодвинул одного из солдат и пошел. Оставшиеся сконфуженно глядели ему вслед. «Может, ребята, у него кто-нибудь из родных погиб?» — предположил один. — «Ведь писем ему никто не шлет». Другой угрюмо поддержал: «Мы на него окрысились, а он, может, оттого на работе так стерженет, что горе свое забыть хочет». Это было совсем близко к истине.

Потом и на гражданке, за какую бы работу ни брался Алексей, все норовил потяжелее найти. Шел с заводской дружиной охранять порядок — опять чуть где шум, драки, лез первым. Не спеша, лицо к лицу подходил к разбушевавшемуся хулигану. И самые буйные сникали. Почему? Черт его знает! Действовало. Чувствовали не только силу, но главное — уверенность.

— Ты что, Леша, и не боишься их, что ли? — спрашивали товарищи по дружине.

— Боюсь, — пожимал плечами Степанов. — Как все. — А чего же ты так на рожон?

— Как же еще-то?

Алексей и в самом деле уже не понимал, как можно по-другому. Только вот так — первым. Чтобы не опоздать! С годами это стало привычкой, второй натурой. Нет, первой. Таким пришел он в 1949 году на Волгоградский завод нефтяного машиностроения имени Петрова (теперь — производственное объединение «Волгограднефтемаш»). Возиться с «железками» привык еще в ремесленном, потом на буксире. Поэтому профессию слесаря освоил быстро. И снисхождения к своему малому стажу Степанов не терпел. Как-то мастер, раздавая задания, на минуту остановился перед новеньким:

— Нет, тебе, Степанов, это пока рановато. Запорешь деталь.

— Кто! — побелел Алексей. — Я запорю?!

— Молодой он у нас, горячий, — снисходительно пояснил один из бывалых слесарей и, желая, видимо, приободрить парня, положил ему руку на плечо.

— Я запорю?! — повторил Степанов, стравивая руку с плеча и поднимаясь.

— Черт бешеный, — огрызнулся мастер. — На, если охота попотеть. Но смотри у меня, если в брак загонишь. Я с тебя с живого не слезу!

Степанов и сам с себя живого не слез. Сколько времени потратил он тогда на эту деталь? Раза в два больше положенного, а может, и больше. Потом мастер вертел штангенциркуль и так и эдак, мерил, перемеривал, только на зуб деталь не попробовал. Затем подошел к Алексею. По плечу его хлопать не стал, знал уже, что дело рискованное.

— Твоя взяла. Я-то думал, ты только глотку драть мастак.

С тех пор Степанову стали все чаще поручать ответственные заказы. Была уверенность, что если у него и не достанет еще мастерства, то уж старанием он свое наверстает.

При всей своей настырности Алексей не стеснялся признавать, что чего-то не знает или не понимает. Нередко обращался за советами к опытным слесарям или просто приходил и смотрел, как они работают. Его старательность вызывала у ветеранов желание помочь, с ним охотно делились секретами мастерства. И в скором времени никто не удивился, когда именно Степанову первому в цехе доверили личное клеймо.

А город понемногу вставал из руин. Тогда, весной сорок третьего, легко было мечтать: мол, все отстроим заново. В жизни это оказалось гораздо сложнее. Туго приходилось с жильем. Предлагали строить хозспособом. Что за способ, никто толком не знал. Говорили, дадут материалы, инструмент, выделят участок, а вот строить придется самим, от фундамента до крыши. Шутка сказать, дом в два этажа на десять квартир. Дело, конечно, заманчивое — получить целую квартиру на семью. Но когда его строить, дом-то? Со смены приходишь, тут бы отдохнуть. Люди колебались. В это время Степанова и пригласили в партком завода. Секретарь парткома, явно желая подзадорить Алексея, спросил:

— Слава идет, будто ты самый настырный в цехе?

— Вроде бы так, — без улыбки ответил Степанов, уже привыкший к тому времени к репутации человека энергичного и пробивного.

— Так вот, — уже серьезно продолжал секретарь, — если и в самом деле все у тебя получается, то, может, пойдешь бригадиром дом строить? Конечно, хозспособ — дело новое. Тут не каждый сможет... Возьмешься?

Степанов и сам давно подумывал о том же и поэтому, к удивлению секретаря парткома, не колебался, не попросил пару дней на размышления и советы с женой, а ответил коротко:

— Возьмусь. Когда начинать?

Первым в заводском поселке дом, построенный хозспособом, сдали в марте. Новое жилье пришлось как нельзя кстати — в апреле в семье Степановых появился второй ребенок, на этот раз сын, тот самый — будущий штурман. Ну, а с того первого дома хозспособ пошел веселее. Лиха беда начало.

Удачно началось для Степанова и техническое творчество. Произошло это в первые же годы его работы на заводе. Началось, как считает теперь сам Алексей Васильевич, с сущего пустяка. Сегодня на такую мелочь и внимания бы не обратили. Но тогда, в первые послевоенные годы, уровень производства был другой... Словом, дело было так. У них в цехе готовые изделия красили с помощью пульверизаторов, сжатый воздух к которым подавали переносными электрическими компрессорами. Приходились таскать эти компрессоры за собой по всему цеху, из-за чего нередко повреждалась проводка, случались замыкания. Алексей задумался: а зачем нам эти компрессоры, ведь сжатый воздух подается в цех централизованно? Значит, и всего-то надо сделать несколько отводов для пульверизаторов. Это предложение оказалось настолько простым, что на первых порах вызвало... протест. Уже потом, став рационализатором со стажем, Степанов уяснил себе такую закономерность: новая, непохожая на прежние идея почти всегда вызывает чисто инстинктивные возражения. Никакие бюрократы тут не виноваты. Просто таково свойство человеческой психики. Предлагают менять давно привычное, испытанное, проверенное. Первая реакция — не вышло бы хуже!

— Везде так заведено, — сказал Степанову мастер.

— Но почему? — недоумевал Алексей.

На такие вот простые вопросы обычно труднее всего отвечать.

ЧТО ПО ПЛЕЧУ СТЕПАН

— Почему-почему! — обозлился мастер — Тебя забыли спросить. Подумаешь, яйца курицу учить будят.

Так уж сложилось, что Алексей смолodu не очень почитал авторитеты. Может, сказались безотцовщина.

— Больше меня умеешь, знаешь — вот тогда ты мне и авторитет, — убежденно поясняет Степанов. — А так что за авторитет — он с должностью не дается. Его зарабатывать надо.

Собственно, с таким утверждением могли бы согласиться многие из нас. В принципе. Теоретически. А Степанов — практик. Он этого принципа придерживается в обыденной жизни.

Так и в тот раз, не сумев договориться и разругавшись с мастером, он сразу же пошел к начальнику цеха. Тот внимательно его выслушал, потом неожиданно хлопнул себя рукой по лбу и сказал находившимся в кабинете инженерам:

— Надо же, как просто! А мы-то с вами... Парень у нас без году неделя, а сразу все увидел. — И, обращаясь к молодому рабочему, добавил: — Ну, оформляй рацпредложение.

— Как это? — простодушно спросил Алексей, чем вызвал всеобщий хохот.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ОВУ

— Так ты в первый раз? — отсмеявшись, сказал начальник цеха. — Ну, тогда поздравляю с боевым крещением. Теперь твори. У тебя получается. А на бумаге все оформить мы тебе поможем.

Что и говорить, начало было удачным. Потом так здорово дела складывались далеко не всегда. Но Алексей уже успел войти во вкус. Нельзя сказать, что идеи сыпались как из рога изобилия. Просто на всякое поручаемое ему задание он теперь смотрел с одной точки зрения: а нельзя ли здесь что-нибудь улучшить? Снова шел к мастеру (успели помириться, и поругаться, и снова подружиться: «Иначе и нельзя — одно дело делаем!»), шел к инженерам, к начальнику цеха. Предлагал. Советовался.

И постепенно крепло убеждение — вот дело на всю жизнь. Не просто возиться с «железками», что само по себе нравилось ему всегда, но еще и творить. Подавал одно предложение за другим. К сожалению, поначалу нигде их не фиксировал. Поэтому точный счет его рацпредложений начал лишь с 1965 года, когда на заводе завели специальные учетные карточки на каждого новатора. Так вот, за эти годы он подал и внедрил 213 предложений. Экономический эффект — более 150 тысяч рублей.

Что же придумывает Степанов? Конечно, его пред-

ложения далеко ушли от того, самого первого. Он совершенствует металлорежущий инструмент, штампы и оснастку. Улучшает способы обработки металла. Работает сейчас уже не слесарем, а наладчиком штампов. Именно здесь пригодились его опыт и сметка.

Теперь на счету знатного рационализатора немало усовершенствованных штампов. Многие из них он не просто усовершенствовал. Бывало и по-другому. Инженеры, создавая новое изделие, готовы для этого инструмент, первым делом шли к Степанову, предлагали вместе подумать, как сделать лучше.

— Это не оттого, что я такой уж «профессор», — поясняет Алексей Васильевич. — Сейчас иначе нельзя. Одна голова хорошо, а две лучше. Не случайно все чаще слышим: та или иная новинка создана творческой группой новаторов. А в группе и инженеры и рабочие. Один в одном силен, другой — в ином. Веление времени! — объединять силы.

Веление времени! Для него это не просто красивые слова, а практика повседневной работы, которая неизбежно приводит к однозначному выводу: в одиночку с современной техникой не справиться.

— Одно время, — посмеивается сейчас Алексей Васильевич, — после нескольких удачных разработок я

уже начал было думать, будто я самый смекалистый работяга. Стал уже и нос маленько задирать. И тут же получил по этому самому носу. За каким-то заказом послали меня на одно волгоградское предприятие. Приезжаю туда и вдруг вижу, что они моим приспособлением работают. Но я-то этот инструмент, может, и месяца не прошло, как сделал. Откуда у вас, спрашиваю. «Да вон, — отвечают, — Иванов придумал. Года три назад». Я так и подскочил: «Как года три?! Да я только-только...» Посмеялись они надо мной: «Голова садовая, приехал бы к нам да и взял готовые чертежи. И вся недолга».

Взял Алексей Васильевич у них чертежи. И решил «отплатить» тем же. Пригласил к себе. Те приехали. В своем деле короли, ну что им Степанов покажет нового? Ан нет, шалишь! Тут и он выложил им несколько инструментов, за которые они ухватились обеими руками.

— Вот так, — сказал Степанов, — и мы не лаптем щи хлебаем.

После этого случая, чтобы больше не изобретать велосипед, Алексей Васильевич бывал еще на нескольких заводах. Картина примерно та же: люди, оказывается, тоже зря времени не теряют, но поездки на соседние предприятия — дело нерегулярное. Значит, надо что-то менять. Как раз в это время на заводе да и в городе стали поговаривать о советах новаторов. Вроде бы везде такие советы создают. И областной совет ВОИР рекомендует. Но Степанов со свойственной ему прямолинейностью заявил:

— Мало ли что они там рекомендуют. А все-то дело, может, для одной галочки и сгодится.

Так думал Степанов. Но вот довелось ему побывать в Ленинграде. На Балтийском заводе действовал совет новаторов, и польза была большая. Значит, если взяться с умом, привлечь инициативных людей, то совет может горы своротить. Про эти горы и рассказал Алексей Васильевич на очередном заседании парткома завода, членом которого он к этому времени являлся.

— Ну что ж, — подвел итог его выступлению секретарь парткома, — ты нас убедил. Создание совета устроило. И уж раз ты всю кашу заварил, то тебе и поручим советом руководить.

Новое поручение пришлось Степанову по душе. Он бессменный председатель совета со дня его создания. В первую очередь совет занялся распространением передового опыта, своего и чужого. Добились, чтобы каждый из членов совета получил один творческий день в месяц: можно школу передового опыта собрать, отправиться к коллегам на соседнее предприятие или просто вволю посидеть в технической библиотеке. Прочитал кто-то в техническом журнале о новом инструменте, тут же расскажет товарищам, глядишь — уже сделали такой инструмент для себя. Увидели на соседнем предприятии толковое приспособление, просят чертежи — новинка и нам пригодится.

Но не всякое приспособление так уж легко сделать. Нужен металл, часто не любой, а специальный, нужны станки — самые разные, и, конечно, необходимо немало времени. Откуда все это добыть? Выход — создать свой экспериментальный участок, так сказать, полигон для обкатки новых идей. В инструментальном цехе, куда Степанов пришел с таким предложением, его встретили без особого энтузиазма:

— Хочешь изобретать — пожалуйста. Но людей и станки мы тебе дать не можем: дорого обойдется!

— Так мы все окупим.

— А где гарантия? В Волгограде ни на одном заводе такого экспериментального участка нет.

— А в Ленинграде есть. У токаря Чуева на Балтийском заводе.

— Ну, ты хватил! У Чуева. Да он же член ЦК партии и дважды Герой Труда. Такому человеку все двери открыты.

К тому времени Степанов давно уже ходил в передовиках, но орден Ленина был у него еще впереди, не был он тогда еще и членом Центрального совета ВОИР. И получалось вроде — не по чину берет, не «пробить» ему экспериментальный участок. Но Алексея Васильевича не так просто остановить. Он был убежден: и Чуеву удалось создать участок не потому, что он, Чуев, на всю страну известен, а потому, что дело предложил, доказал его выгоду. Так решил действовать и Степанов. Вместе с товарищами из совета новаторов подсчитал, сколько и каких изделий сможет изготавливать их участок. Цифры убеждали, что не только для экспериментов затевается дело.

Наконец ему поверили, выделили небольшое помещение. Рационализаторы сами его отремонтировали, покрасили. А на фасаде укрепили необычную вывеску: «Экспериментальный участок заводского совета новаторов». Такого и впрямь не было ни на одном предприятии города.

Вскоре участок стал чрезвычайно популярен среди работников завода. И не только потому, что сюда можно было принести для обкатки новую идею. По заказам основных цехов участок делал самые различные инструменты и приспособления, сберегавшие

станочникам драгоценное время. Завод получал десятки тысяч рублей экономии. Это сразило последних скептиков. И через некоторое время участок переехал в другое, более просторное помещение. Устроились на двух этажах: на первом — пара токарных станков, сверлильный, фрезерный, шлифовальный; на втором — конференц-зал, выставка рационализаторских работ, стенды и плакаты с описанием наиболее интересных предложений. Тут же телевизор — приз ВДНХ.

Для новаторов завода участок стал настоящей школой. Но это только одна сторона его деятельности — занятия со станочниками основных цехов, обучение тому, как обращаться с новым инструментом. Причем практические занятия ведут свои же ребята — рабочие, члены совета новаторов. Тут же преподают инженеры, у которых можно «набраться» теории, а если в вечерней школе учиться, в техникуме или институте, то и консультацию тебе дадут. Но рабочие заходят сюда не только учиться. Если у кого-то есть замысел, можно обсудить его с товарищами. Приходят и просто так, как в знакомую гостеприимную семью, как в клуб. Участок, собственно, и стал клубом рационализаторов. Сюда не надо тащить силком, люди идут сами и приводят друзей.

На участке прошли отличную выучку нынешний председатель совета ВОИР объединения ученик Степанов Геннадий Илларионович Нагайцев и многие другие рационализаторы, те, кто перешагнул проходную учеником, ничего не умеющим и не знающим, и кем теперь по праву гордятся коллектив «Волгограднефтемаша».

Степанов ведет меня по выставке последних работ новаторов. Резцы, штампы, протяжки.

— Ну разве осилить бы нам все это без экспериментального участка? — говорит Алексей Васильевич. — А вот это, а это! — Он достает из шкафа чертеж и припечатывает его к столу широкой ладонью. Безымянный палец левой руки расплюсчен широким шрамом.

— Что, — спрашиваю, — технику безопасности нарушили?

— Нет. Это в сорок пятом один самурай хотел меня на штык насадить. Мы в их окопы ворвались... Хорошо, хоть правую руку не изуродовал, а то как бы работать потом.

В сорок пятом. Тридцать пять лет назад. Казалось бы, как давно это было. И прошло. Но нет же, не прошло. Остались шрамы на теле и в памяти. Нет-нет да и напомним война о себе порой самым неожиданным образом...

Как-то дочка, еще школьницей была, готовилась к праздничному вечеру и читала перед зеркалом какие-то стихи. Алексей Васильевич отдыхал перед телевизором, почти не слушал, и вдруг резанули строки:

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие
Не пришли с войны.
В том, что они —
Кто старше, кто моложе —
Осталась там.
И не о том же речь,
Что я их мог,
Но не сумел сберечь, —
Речь не о том,
Но все же, все же, все же...*

Вот как! Вот как, значит! И других тоже годами мучило это чувство, та же вина перед погибшими.

— Кто? Кто написал? — глухо спросил Алексей Васильевич.

— Твардовский.

А, Твардовский! Тот, что и про Василия Теркина. Да они его еще в окопах читали. Точно пишет. Как будто про меня написал, подумал Степанов и тут же одернул себя. Да что я, не только про меня. Мало ли нас, уцелевших. Вот ходит себе человек по земле, радуется — жив, жизнь вокруг. И семья — детей народил, внуки вокруг копошатся. Живи, радуйся! Забудь все к чертовой матери. А как забудешь! Десять лет прошло, двадцать, тридцать. Все бы уже в памяти стереться должно, вытравиться. Свойство, говорят, у памяти есть — неприятное забывать. Ан нет, не срывает это свойство. Помнят они все, фронтовики. Видимо, должен человек помнить, все в себе нести. До гробовой доски. И радости и горести. Свои и чужие. Может быть, как раз память и делает нас людьми.

Но все ли помнят? Все ли носят в себе? Вот молодежь взять. Им красивую жизнь подавай. Тряпье разное модное, джинсы всякие, магнитофоны, транзисторы. А что люди за эту жизнь в землю легли, они этого не помнят.

Да что я, оборвал себя вдруг Степанов, брюзгой становлюсь. Старее, видно. Разве молодежь не помнит? А кто же тогда толпой валит на Мамаев курган? Разве не они же — в джинсах этих, в батниках цветных, в юбках выше колена — дети наши и внуки. Со стариками вместе идут на курган. И в глазах у молодых не любопытство, нет, а горе, как у всех. Молодые, старые, всякие — какие мы ни есть — один

народ, и горе у нас одно. Общее горе, вечное. И потому память тоже вечная. В каждом поколении она живет. Вот площадь Павших Героев. Горит Вечный огонь, и пионеры на посту стоят. Может, пионеры с самого-то первого поста уже и детей своих сегодня пережили. А на их месте возле Вечного огня другие вахту несут. Вечная память.

— Какие стихи! — только и сказал он тогда дочери. — Какие стихи... верные.

Ну, а экспериментальный участок — это гордость «Волгограднефтемаша». Не зря приезжают сюда с других предприятий. Ведь до сих пор такие участки, да и то гораздо менее мощные, удалось создать лишь на трех-четырех предприятиях Волгограда. Да и в других городах их не больше. «А зря, — вздыхает Степанов, — ведь нужное дело. И заводам и людям нужное. У нас как-то место на участке освободилось, так, представляете, конкурс был».

Да, конкурс на замещение вакантной должности токаря! Претенденты были и свои и чужие — с других предприятий. Победил Петр Андреевич Самсонов, хоть и «чужой», но известный в городе человек, отличный рационализатор, председатель областного совета новаторов. Работал он раньше на тракторном и уже несколько лет был на пенсии. Вдруг появилась возможность попасть на экспериментальный участок, и старый токарь выставил свою кандидатуру. С тех пор уже не один год ездит Самсонов на свою новую работу через весь город на электричке, час туда, час обратно. Как-то Степанов ему посочувствовал:

— Тяжело, небось, Петр Андреевич, каждый день такие концы сообрашаешь. При твоей-то квалификации нашлась бы хорошая работа и поближе к дому.

— Мне хорошая не нужна, — улыбнулся Самсонов. — Мне подавай интересную. У меня самый творческий возраст.

Остается добавить, что Петру Андреевичу Самсонову исполнилось семьдесят пять лет.

— Когда человек на всю железку вкалывает, ему о старости и подумать некогда, — так считает Степанов. И действительно, случай с Самсоновым далеко не единственный факт творческого долголетия. К примеру, слесарь «Волгограднефтемаша» Григорий Федорович Синельщиков тоже давно перешагнул пенсионный рубеж, но многотиражная газета объединения по-прежнему нередко печатает чертежи и описания его новых разработок... и его стихи. «Быть у самых истоков прогресса — в жизни нету сильней интереса!» Может, с точки зрения высокой литературы и не шедевр, но сказано верно и о самом Григории Федоровиче и о многих его товарищах. Этот сильный интерес помогает им, несмотря на возраст, сохранять бодрость и молодую энергию.

— А энергии нам надо немало, — говорит Алексей Васильевич. — Бывает, наш брат, рационализатор, не столько головой работает, сколько ногами. — И добавляет, не жалуясь, просто и спокойно: — Сколько инстанций порой надо обойти, чтобы внедрения добиться!

Да только ли в таких случаях нужны человеку настойчивость и принципиальность? Года два назад начальник цеха, где трудился Степанов, ушел на пенсию. На его место прислали инженера из заводоуправления. Алексей Васильевич не раз встречался с ним и раньше по делам совета новаторов и знал как отличного конструктора. Но в цехе новый повел себя как-то странно, замкнулся в кабинете, не поддерживал никакого контакта с общественными организациями, неохотно и неумело решал организационные вопросы. Цех понемногу сползал в отстающие, людям становилось ясно, что новый руководитель хоть и отличный инженер, но просто не имеет практики и, главное, способностей организатора и управленца.

— Словом, занимался человек не своим делом, — говорит неслухонный к особому деликатничанию Степанов. — Да мы об этом начальнику цеха прямо в глаза говорили на партийном собрании, и я и другие рабочие. Мы же видим: старается человек, только ничего у него не получается.

Но критика критикой, а дело ни с места. И решил Степанов пойти к генеральному директору объединения. Сальникова он знал хорошо. Они почти ровесники. В свое время Геннадий Алексеевич работал мастером в цехе, где Степанов слесарил и был секретарем партбюро. Так что по партийной линии нынешний генеральный находился тогда у него в подчинении.

Пробиться к директору оказалось не так просто. Как ни зайдешь в приемную, секретарша говорит: «Занят». То совещание у него, то представитель из министерства. Можно было, конечно, записаться на прием, как все, подождать немного. Но Степанову «как все» не хотелось; когда ему что-нибудь надо, он ждать не любит. Хотел было уже шум поднять, но тут повезло: встретил директора на территории предприятия.

— Геннадий Алексеевич, никак на прием к тебе попасть не могу.

— Что, Алексей Васильевич, секретарша не пускает?

— Она самая.

— А мы ее обманем. Ты позвони вечерком часов в шесть, когда она домой уйдет.

Степанов так и сделал.

— Сейчас у меня люди, — ответил директор, — приходи к восьми часам.

Но и в восемь у генерального все еще толпился народ, так что пришлось подождать. Наконец уже в девятом часу Сальников сам выпроводил последних посетителей и пригласил Степанова.

— Ну, Геннадий Алексеевич, и служба у тебя, не позавидуешь, — с сочувствием сказал Степанов, глядя в серое от усталости лицо директора. — Я уже дома и подремал, и с внучкой понянчился, и телевизор посмотрел, а ты все еще на работе.

— На вторую смену остался. Сверхурочные. Ты только профсоюзу нашему про это ни слова, — невесело отшутился директор. — Народ сегодня одолел. Сам знаешь, поставщики нас геруд без ножа, металла не хватает. Вот пытаемся выкрутиться... Рассказывай, что у тебя.

Алексей Васильевич рассказал. Генеральный слушал внимательно. Потом со вздохом сказал:

— Говорили мне об этом уже, и немало. Ты добивал. Так сказать, последняя капля. Все! Будем менять начальника цеха. Придется. А жаль! Отличный специалист. Но, видно, одного этого мало. Спасибо, Алексей Васильевич, что зашел.

...Сейчас с новым руководителем цех постепенно отвоюет утраченные позиции...

Удачливый он, Степанов. Иногда может показаться, будто идет по жизни, как танк по кустам, только треск стоит. Нет, конечно, нет в его жизни сплошного везения, чтобы захотел — и сделал. Бывают и неудачи.

Как-то член совета новаторов токарь Галахов Николай Павлович ездил в Киев. И, кроме всего прочего, привез оттуда интересную идею — создать в объединении централизованный участок по заточке инструмента: так сделали на одном из заводов в Киеве. Мнение совета новаторов было общее — вот бы и нам такой участок! А то сейчас весь инструмент затачивают сами станочники, кто во что горазд. А на участке — специалисты, и все нужные приспособления у них под рукой. Значит, повысится у станочников производительность, это и людям выгодно и предприятию.

В техническом отделе идею поддержали. Никто не против, а дело ни с места. Тогда Алексей Васильевич пошел в многотиражную газету объединения, и вскоре вышла заметка под названием «Почему горят сверла?». Ответственные за решение вопроса инстанции сделали вид, будто ее не читали. Тогда была опубликована вторая заметка — «А сверла все еще горят!». В этот раз редакция получила и опубликовала ответы на критику. Однако во и ныне там. Правда, Степанов не теряет оптимизма:

— Мы это дело пробьём. До пенсии мне еще далеко.

Бывали и другие неудачи. Впрочем, Алексей Васильевич воспринимает их иначе: «Не неудачи, а издержки производства».

Придумал он как-то приспособление для резки металла. Внедрили его. А вознаграждение оказалось значительно меньше, чем рассчитывал рационализатор. Только не подумайте, что Степанова жадность одолела. Просто он полагает (и вполне справедливо), что каждый труд должен вознаграждаться сполна. Между тем при оплате изобретений и рацпредложений часто проявляется прямо-таки фантастическая скардность. Будучи членом Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, Алексей Васильевич хорошо осведомлен о подобной практике.

— А взять внедрение! — с досадой говорит Алексей Васильевич. — Внедрение рацпредложений, а особенно изобретений. Сколько уже говорим, что надо ускорить это дело, и никак не можем ускорить. Вот есть в Москве токарь, — продолжает Степанов, — причем токарь известный — Данилов Борис Федорович. У него рацпредложение без счета и пять изобретений. Был Данилов несколько лет председателем московского городского совета новаторов, несколько книг издал о своей профессии, в журналах выступает, в «Литературной газете». Словом, человек на виду. А из пяти его изобретений внедрено лишь одно. И в Волгограде таких примеров хватает.

Да, действительно, если известному токарю Данилову приходится туго, то каково обычному рабочему — рационализатору или изобретателю, у которого грудь медалями не увешана и нет пробивных качеств Степанова? Не в этом ли одна из причин ухудшения деятельности ВОИР? Активность его членов в прошлой пятилетке снизилась. Меньше, чем прежде, подали предложений и рабочие и инженеры.

— Был я на заседании Центрального совета ВОИР, — рассказывает Степанов. — Там называли нам интересные цифры. Обязались новаторы создать рационализаторский фонд пятилетки — 22 миллиарда рублей дать стране, и выполнили это обязательство досрочно. Здорово, конечно! Но вот число невнедренных и даже нерассмотренных предложений

по стране не уменьшается, а даже растет. Это как в строительстве незавершенка. Только здесь мысль человеческая омертвевает, а полке лежит и пылится. Так людей не привалеч. Особенно молодежь. Неинтересно им. Я по своему заводу знаю.

В прошлом году на «Волгограднефтемаше» работала школа молодого рационализатора: И всего-то там учился человек пятнадцать. Но и тех на занятия собрать — проблема. Человек пять сами придут, а за остальными надо бегать по цехам, висеть на телефоне, уговаривать администрацию цехов, чтобы молодых рационализаторов на занятия привели чуть ли не за ручку.

Сейчас при Дворце культуры объединения хотят организовать молодежный клуб технического творчества «Поиск». В квалифицированных преподавателях недостатка нет. А вот как завлечь в этот клуб молодежь? Какими коврижками заманить? Как интерес вызвать?

— Интерес — вот главная человеческая пружина, — считает Степанов. — Чтобы человек в клуб этот или на работу, как в кино, шел. Ведь есть же такие люди. Вот Володька Воробьев...

Слесаря центральных авторемонтных мастерских Воробьева в Волгограде хорошо знают как отличного рационализатора. Человек он своеобразный. Смены ему обычно не хватает. Все сидит, все чего-то придумывает, до девяти, до десяти часов вечера из цеха не уходит. Вахтеры выпроваживают, не положе, говорят, по инструкции, чтобы свет в цеху горел в такое время. Начальство знает эту слабость Воробьева, поэтому, чтобы он выспаться мог как следует, приказом его обязали на работу положе выходить. Даже, кажется, и час не оговорен. В десять так в десять, а можешь и в одиннадцать. Все знают, что он свое делает и еще вдвое лишку даст.

— У нас шутят, — рассказывает Степанов, — мол, стал Владимир вольным художником. По вдохновению работает, когда хочет. Но шутки шутками, а ведь в будущем так каждый работать станет. И адвокат, и инженер, и слесарь — все. Я не рабочее время имею в виду, а интерес к делу. Это когда-то было: рабочий — золотые руки, а теперь этого мало, нужна еще и голова, рабочий — золотая голова! Чтобы интересно ему было и руками работать и головой. Интересно!

Размечтался я здесь, — вдруг перебивает себя Степанов. — Над землей воспарил. А вот как с тем же «Поиском» быть, не знаю. Плохой у нас контакт с комитетом комсомола. Мы к ним заходим, а они к нам нет. Молодежь... — И Алексей Васильевич замолкает, продолжая какую-то свою, давно, видимо, занимающую его мысль. — Жалуемся на некоторых молодых. А кто их такими воспитал? Мы сами! С одной стороны, высокие принципы им пропагандировали, а с другой стороны, от всякого труда ограждали, от всех тягот. Он тебе про высокие принципы может наговорить что твой лектор. А надо работу делать, так тут он уже не о принципах думает, он спрашивает: что я с того иметь буду?

Знакомые сетования. Многие из нас рассуждают точно так же. Но верно ли это? У многих ли из нас, старших, хватает рассудительности попробовать охватить проблему всю целиком, а не только слегка побрюзжать? Степанова на это хватает.

— Может, и не все так плохо, — сомневается он. — Может, просто мерка у нас старая, а времена-то другие? Ведь есть же среди заводских новаторов молодежь, и немало. Вот Алленцев Александр, токарь, участник ВДНХ. Слесаря Евсеичева Геннадия взять — часто предложения подает. А на самом экспериментальном участке с ветераном нашим Самсоновым кто работает? Сергей Глуценко. Только что из ПТУ. Мы же только его, как самого способного, выбрали. Самсонов Петр Андреевич у него наставником. Он Сергея на пятьдесят семь лет старше. Велика дистанция, а понимают друг друга старый да малый. Недавно рацпредложение совместное подали. У Глуценко оно первое в жизни. Чем тебе не эстафета поколений! Побольше бы нам таких парнейков. А чтобы их побольше было — тут все от нас зависит, от старой гвардии. И мы-то тоже неодинаковые. Иной — воз на него нагрузки — везет, два нагрузки — крикнет и опять везет. А другой к концу месяца нарочно бездельничает, ждет, когда начальство подойдет и попросит: мол, выйди в субботу, заказ надо в срок сдать. Также способ лишнюю денюгу зашибить. Или сдельщину эту взять — на что она толкает? Чтобы больше. А качество? Может, изжила она себя, сдельщина?.. В общем, тут вопросов — говорить не переговорить.

И эти вопросы мучают Степанова. Это главные для него вопросы, он причастен к их разрешению. Он и многие такие же рабочие, как он. И вопрос вопросов — не сдельщина, не оплата рацпредложений, не «железки», а все это, вместе взятое.

— Вот мы говорим — производительность, качество. Конечно, это важно. Но главное — человек, каким мы его воспитываем. Если таким, как надо, тогда будет и производительность и качество. А если нет... Но такого быть не должно. Не допустим. Что же мы, зря, что ли, город наш, развалины его у фашистов

отбивали! Не напрасно ведь товарищи мои здесь в землю легли, а дне волжском остались!

Вот он какой, Алексей Васильевич Степанов. Этим покритиковал, тех пожурил, обо всем свое мнение имеет. А не слишком ли он положительный? Знаете, вроде того отличника в школе, который за одну парту с двоечником сесть брезгует: чистеньким хочет быть. А ведь таких чистильщиков очень жалуется. Как относится «класс» к Степанову? Бывает ведь: возле станка или на собрании авторитет у человека большой, а вышли покурить — вдвое меньше.

Вот молодые ребята задумали в раздевалке выпить. Как отреагирует старший? Один поворчит и уйдет. Другой придвинет в круг и свой стакан. Степанов навел порядок. Еще эпизод. После раскрытия металла двое рабочих большие куски выбрасывают в отходы. Степанов приводит председателя группы народного контроля — сколько терпеть бесхозяйственность!

Вроде бы правильно действует. Но что-то уж слишком правильно. Почти как тот отличник. Не случайно один из провинившихся как-то на людях спросил его напрямик:

— Ты, Василич, с кем? За начальство или за работу?

— Я за правду!

У него свое представление об этой правде. Вот еще был случай. Обсуждали на участке, кому дать первое место по итогам соревнования. Фамилия Степанова не упоминалась. Он сам о себе напомнил: «Мне первое место положено!» Не всякий так сможет. Не всякому такое простят. Нескромно? Пожалуй. Но ведь у него и в самом деле все показатели выполнены и перевыполнены. И нарушений — никаких. Он за тридцать лет работы на заводе ни разу не опоздал, и все это знают. Так что если кто-то и считал его тогда нескромным, то другие считали: свое требует по праву. По правде!

Неважно, чем дело тогда кончилось. Ясно: Степанова в ложной скромности не упрекнешь. Он, что называется, не умрет от скромности. Хорошо ли, плохо ли — это черта его характера. Вполне объяснимая черта. Как-то Степанов вспомнил:

— Я, когда на демонстрации заводское знамя нес, все сутулился. Неловко было, знаете: весь завод за мной, вся наша колонна. Но с годами привык. Иду себе — грудь колесом. На каждой демонстрации. Уже сколько лет...

Закономерный процесс. Иначе, наверное, и нельзя. Попробуйте представить себе сутулого знаменосца. Знаменосец — это рост в сажень, медалей иконостас, и чтобы грудь колесом. Как Степанов.

Впрочем, человек сложен. И не всегда наш герой, как гвардеец на параде. Как-то ездил Алексей Васильевич в центр города, в областной совет ВОИР. Волга там рядом. Вышел на набережную. Акация цвела. У причала стояли белые теплоходы. Алексей Васильевич привычно скользнул по ним взглядом и вздрогнул: на борту одного из них красовалось «Сергей Лазо». Неужели со дна подняли? Потом опомнился: тот «Лазо» был маленький буксирчик, а этот — многопалубный «пассажир». Может, в честь погибшего и назвали? Что, если пойти и сказать: я кочегар с «Сергея Лазо»? Обычно у Степанова: решил — сделал, а тут вдруг заколебался. Подошел было к борту и уже хотел шагнуть на трап, но его опередила стайка туристов. В глазах зарыбило от ярких юбок девчонок, заливались магнитофоны — несколько сразу. Тут еще и на теплоходе врубили радио, и бойкая девица грубым голосом стала что-то выкрикивать про любовь.

Не до меня им сейчас, подумал Степанов, и отошел в сторону. Молодежь. Веселится. Пусть. Он сел на скамейку, попробовал читать газету. Но глаза против его воли продолжали упорно следить за «Лазо». На судне отдавали швартовы. Потом завели новую пластинку.

*Я сегодня до зари встану,
По широкому пройду полю.
Что-то с памятью моей стало:
Все, что было не со мной, помню.*

Значит, у них хорошие песни есть. «А ты...» — упрекнул себя Степанов. — Может, еще успею зайти к ним? Нет, судно медленно отваливало от причала. Вот так, всю жизнь опоздать боялся, а на «Лазо» не поспел. Рассказал бы им... о ребятах с буксира. О себе. Вообще поговорили бы.

*Просытаемся мы, и грохочет над полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.*

Алексей Васильевич поднялся со скамейки и пошел в сторону своей автобусной остановки. Что там завтра с утра? Технолог говорил, будто новый штамп не пойдет. А я говорю — пойдет! Только надо помозговать еще малость, и будет порядок. На участке не согласятся, к начальнику цеха пойду, в техотдел.

Над городом, над широченной рекой торжествовал май. Такой же теплый и солнечный, как тогда, в 1943-м. «Сергей Лазо» набирал скорость.

Руслан НЭХАЙ

*Земля моя,
Послушай сердца слово.
Хочу, чтоб засухи не знала ты.
Чтобы весна вернулась снова
И снова зацвели сады.
Хочу, чтоб ты не знала горя,
А только радость — лишь ее.
Пускай, моим надеждам вторя,
Лишь мирный дождик с неба льет.
Пусть замуж дочери твои выйдут,
И женятся пусть сыновья.
А тех, кто ненависть к нам копил,
Пусть победит любовь твоя.*

Адыгейский сыр

*Коптят его над очагом
И соль в него кладут.
В ауле дружно для него
Корзинки круглые плетут.*

*Он может пролежать лет сто,
Свой прежний вкус храня.
В середине — мягкий, но зато
Нет тверже корки — как броня.*

*Как к мамальге он идет —
Пахучий жирный сыр!
Зубам с ним никаких забот:
Во рту растает — и ты сыт!*

*Живут от солнца в нем лучи,
Живет тепло огня.
Про вкус его не умолчит
Ни старец, ни дитя.*

*Пусть неказист он — ничего,
Морщинист, тевен.*

*Что ж!
Старуха делала его —
Он на ее лицо похож.*

Солнце

*Ручейком
Вливается в оконце,
Разгоняет*

тень

*По углам.
Поднимайтесь, люди,
Вместе с солнцем,
Поспешайте
По земным делам!
Рады голубому небосводу
Люди и деревья.
Поутру
Солнцу говорят они:
«С приходом!» —
И за руки жаркие
Берут.*

*А оно
Лучи свои готово
Ради жизни
С радостью отдать.
Травку каждую,
Птенца любого,
Как ребенка,
Хочет приласкать.
Добрый дедом
Выходя из дома,
Все большущим взглядом
Оглядит.*

*Длинными руками
Тихо, скромно
Дел полезных
Много сотворит.
Цельный день
Без усталости
Он льется —
Этот щедрый,
Животворный свет.
Каждый вечер,
Провожая солнце,
Громко я
Кричу ему вслед:
«До свиданья, солнышко,
Счастливо!
Завтра снова
Люди показались.
И опять яви
Свое нам диво,
У него простое имя —
Жизнь!»*

Перевел с адыгейского
Николай ШУМАКОВ.

ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

«Твое отсутствие прошло сквозь меня, как нитка, сквозь иглу—что бы я ни делал, прошито его цветом».

У. С. Меруин

-А

ба, мацони — мацони-и-и-и!

Стоит лишь скрипучему пению тугоухого Зурико раздаться под моими окнами, солнце, малиновое и пузатое, как духанчик, неуклюже вылезает с другой стороны света и, пытая и отдуваясь, усаживается на плешивой макушке старого Мтацминда.

Устроившись поудобнее, оно принимается за свои обычные штучки: трясет за шиворот проспавшую дворничиху Софу, подстерегает у парадного бухгалтеру Бунию, который с пятницы на субботу ходит ночевать в соседний подъезд и думает, что никто об этом не знает; воскрешает в очередной раз Розалию Богдановну, спугнув мертвецов и прочую нечисть, что являются за ней еженощно...

— Кияясси-ии!

Дядя Григор разносит керосин на соседней улице, а заодно прочищает глотку после вчерашнего застолья.

Потолковав со всем кварталом, Зурико поднимается к нам. Всякий раз вместе с мацони он подносит бабушке Катарине букет редиски и, сняв шапку, долго уговаривает «мадам» переехать к нему, вести его холостяцкое хозяйство и присматривать за ишаком.

Позавтракав, я выхожу на улицу. Неподдалеку в сени конского каштана сапожник Гурген принялся за первую подошву. Брезентовый фартук скрывает два деревянных чурбака, на которых Гурген преодолевает те несколько метров, что отделяют сапожную будку от двери его дома.

— Здравствуй.

— А, Нико... Привет, привет. Великому Шаталисту—мое нижайшее! Куда сегодня?

— Никуда. Сегодня у меня экзамен.

— Бедолага! Что думаешь делать?

— Что-нибудь придумаю.

— Ну что ж, ты спокоен, и это приятно. Никогда не стоит терять лицо. Да, погоди... Можешь зайти вечером, забрать щенка, как и договорились.

— Как ты его назвал?

— Напальён.

— Солидно.

— Вот и я так думал. А потом глянул, а он, оказывается, девочка. Но дело уже сделано...

От того горбатого бульжного места, где как победный щит водружена вывеска «САПОЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ ПО РЕМОНТУ ОБУВИ», улица стремительно падает вниз. Там, в конце ее,—наша школа. Самым непонятным образом она вылезла почти на середину мостовой. В этом большом красном здании раньше помещалась гимназия: стрельчатые кружевные окна, остроконечные крыши—Гулливвер в толпе лилипутов...

Я прохожу мимо серого дома, в котором живет хромой дантист, нашедший у меня какой-то «собачий прикус». Два бородатых атланта уперлись плечами в тяжеленный балкон над подъездом. Работка не из приятных, но каждый выбирает ее себе сам, не так ли?

У школы безнадежно пусто. В кои-то веки соберешься прийти вовремя и непременно попадешь в положение белой вороны. Ну конечно! Старый Мугуч сидит на своем табурете у входа и перебирает по обыкновению четки. Вроде бы весьма безобидное занятие, правда? Но уж раз он столь старательно углубился в четки, прятаться не имеет смысла—засек.

Мугуч, наш школьный сторож, состоит при этих воротах с незапамятных времен. Во всяком случае, здесь в окрестностях не найдется, пожалуй, никого, кто помнил бы, когда он тут появился. Мугучу идет уже девятый десяток, но годы не легли бременем на его плечи. На них уже лежал горб.

— Красный перец — в этом все дело...— время от времени загадочно изрекает он.

Изгнанные с уроков, мы неизменно приходим к нему, чтобы вывести пятна со своей совести и получить отпущение грехов. Мугуч долго и сварливо учит нас праведности. Это не мешает ему изрядно плутовать, если вы, упаси боже, садитесь играть с ним в нарды. Да, если Мугуч сел за нарды, тут нужен глаз да глаз!

— Доброе утро, Мугуч.

— Ва! Нико? Что-нибудь случилось?

— Почему ты спрашиваешь?

— У тебя правда ничего не случилось?

— Да что ты ко мне пристал!

— Я так и подумал сначала, что это ты. Потом подумал—нет, не он. Что ему здесь делать без нужды в такую рань...

Ну вот, допрыгался! Теперь старый колдун растрезвонит по всей школе, что своими глазами видел, как Серапионов решил поспеть раньше всех.

— Гиви жду. Договаривались.

С карканьем проносится над моей головой стая ворон. Послывав пальцы, Мугуч подкручивает усы, будто я не вижу его ухмылки. На нем сегодня черкеска. Почему-то он всегда влезает в черкеску, если у нас экзамены. Не следует ли это понимать так, что наше мучничество—его тайный праздник? Я как раз собирался спросить его об этом, но на горизонте замаячила сутулая фигура Маятника. В непомерно длинном макинтоше, несмотря на жару. Маятник, наш физик, говорят, преподавал еще в гимназии.

Физик подсаживается к своему приятелю Мугучу, а я на всякий случай заруливаю во двор. Как и всегда при встречах с Маятником, пытаюсь припомнить закон Бойля-Мариотта. Почему-то всегда именно этот закон. И как всегда безуспешно.

Я сажусь на раскаленную каменную ступеньку, и солнце тотчас вонзает в меня свои слепящие иглы. И хотя тут же я отвожу глаза, дело сделано—они начи-

нают слипаться, и солнце растекается в моем теле горячими искрящимися потоками...

Я парю над огромным белым городом. В бездонном синем небе неподвижно повисло большое воспаленное солнце, а подо мной в беззвучном плавном полете проносятся странные человеческие фигуры, широко раскинув перепончатые крылья.

Внезапно, будто по неведомому сигналу, город начинает кружиться, словно гигантский волчок. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, превращаясь в белое бешено вращающееся веретено. Оно вытягивается, становится все тоньше, и вот уже—одна лишь сверкающая нить, натянутая, словно струна, которая вот-вот должна лопнуть. И что-то должно произойти... что-то произойдет... Вот оно! Нить рвется—и нет на свете человека несчастнее меня, ведь случилось самое непоправимое—порвалась нить. В тот же момент огромное неподвижное солнце медленно поворачивается вокруг своей оси со ржавым металлическим скрежетом и, словно гремящий медный поднос, катится по прямой...

Просыпаюсь я от оглушительного звона. Мугуч звонит надо мной в свой колокол. Считают, что этот медный агрегат остался у него еще от гимназии, однако я думаю, он снял его с какой-нибудь колокольни. Хотя наш школьный звонок исправно звенит в положенное время, Мугуч никогда не забывает потрясти своим громыхалом.

...Обычно я сижу один за последней партой. А по таким торжественным случаям, как экзамен, Маятник меня изолирует совсем—передо мной никого нет, и он спокоен: то, что я получу «пару»,—для него аксиома. В окне напротив сооружает прическу Марина—тайная любовь всего класса. Мое место у окна—причина нашей смертельной вражды с рыжим Семой. Но, как говорит Маятник, «Квод лицет йови нон лицет бови»¹.

...Я зазевался. У доски еще безмерно страдает Гиви, а Маятник уже смотрит на меня с отеческой улыбкой.

— Итак, Думава, до осени. Осень, осень... Прекрасная пора, не так ли, Думава. Ваша парта будет мемориальной. Обещаю вам это. Прощайте.

— Поставили бы мне, а?—на всякий случай еще раз угрюмо проверяет Гиви.

— «Фортитер ин ре суавитер ин модо»². Вы свободны, Думава.

Обретя таким образом свободу, Гиви исчезает за дверью, пиная перед собой скомканное лето и перешагивая через останки белой яхты, которую его отец обещал взять нам напрокат на полмесяца.

— Серапионов, прошу.

— Можно, я потом? Я еще не готов.

— Ничего, сударь, здесь и поговорим. Прощу к доске.

Что поделать—плетусь к доске, отдаю Маятнику билет.

— Ну-с, закон Бойля-Мариотта, если не ошибаюсь.

— Бойль-Мариотт был, бесспорно, незаурядным физиком. Я бы даже сказал—гениальным. В силу этого... Он открыл закон, известный нам под его именем...

— Минутку... Как вы сказали—«был»?

— Ну?

— Что «ну»?

— Ну, есть...

— Возьмите себя в руки, Серапионов. Так, повторяю ваши слова: вы сказали «... был незаурядным физиком». Не так ли?

— Ну, сказал, сказал! Не химиком же он был... Ладно, может, я и не знаю точно—был или есть, но то, что он гений—факт! Додуматься до такого! Конечно, гений.

— Понимаю ваш восторг. Но все же, не скажете ли вы мне для начала, Серапионов, сколько их было, этих Бойлей-Мариоттов?

— Тоже мне загадка сфинкса!

— Два,—поразмыслив, твердо говорю я.—Их было два. Братья они были.

Я не встретил поддержки в его ледяных очках.

— Нет. Не братья. Просто знакомые.

— Отлично. «Экс нихило нихил»³. Оставим это. Чему равна газовая постоянная?

Представляете, я чуть было не вспомнил! Она, как всегда, болталась где-то совсем близко в памяти, и я чуть было не выловил ее! Я уже было подцепил ее на крючок, и тут... это дурацкое солнце!

Оно притаилось вслед за мной к окну и, выждав момент, брызнуло мне в глаза пригоршней сверкающих осколков.

Голова у меня завертелась, совсем как тот Город-Веретено, и мне уже было наплевать на постоянную, и на Бойля-Мариотта, и на все на свете... Стремительный жаркий поток увлек меня в своем радужном, искрящемся вихре, соткал и в мгновение ока рассыпал множество миров, пустив по ветру то, что было недавно мыслями, швырнул мою опустошенную оболочку прямо на безлюдное плоскогорье возле стола Маятника...

— Вы что, спите, милейший?! И так, газовая постоянная?

— Можно, я сяду?

— Не можете говорить стоя?

— Могу.

— В чем же дело?

— Стоя я не могу сосредоточиться. Знаю, но никак не вспомню. Если б чуть-чуть посидеть...

— Сделайте милость. Кто следующий?

Я сажусь неподалеку от Маятника и концентрируюсь. Если в упор смотреть на какую-нибудь точку, а потом закрыть глаза, то эта точка не исчезает и ее можно даже перемищать с места на место...

Дверь открывается, в щель пролезают два уса. Мугуч подмигивает мне, делает

¹ «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку» (лат.).

² «В трудную минуту сохраняй благословитанность» (лат.).

³ «Из ничего—ничто» (лат.).

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

несколько магических пассов, и Маятник послушно ковыляет к дверям. Тотчас неведомо откуда взявшийся духовой оркестр грянул вразнобой про кузнецов и ключи. Воспользовавшись суматохой, обрадованное светило нахально влезло в окно и начало раздвигаться на глазах до чудовищных размеров. Оркестр неистово гремел маршем. Гигантский золотой шар занял почти всю комнату, подпрыгивал и покачивался между полом и потолком, и в нем, словно в кривом зеркале, начали отражаться наши физиономии, огромные носы и уши, оружие рты... И тогда я проткнул его пальцем. Шар пискнул, съезжился и проворно юркнул за шкаф, в темную душную расщелину. А на его месте я вдруг разглядел физика. Он был не выше стручка. Уставившись на меня из невообразимой дали, он пищал:

— Ну-с, значит, вы утверждаете, что он был гений? Чуть! Чуть! Это вы гений! Это у вас незаурядные способности! Совершенствуйтесь, не дайте им угаснуть. А теперь — марш домой. Домой, вы меня поняли?!

Затем стручок стал мгновенно расти и, покачиваясь, навис над мной, длинный и плоский. Я не успел даже охнуть, как плоский Маятник выхватил из заднего кармана такую же плоскую авторучку и всадил в ведомость жирную тройку.

— Эээ-ээ-ээ?... — спросил я.

— Да, да! Идите, Серапионов. Идите. Уверю вас, это не сон.

Как же, как же! Если не сон, с чего бы это стал я проходить сквозь закрытую дверь, нацепив тройку вместо пенсне, или с чего бы Мугучу сидеть в обнимку с Гиви на подоконнике и то и дело шлепать друг друга по спине что было силы? К тому же, если для Мугуча вполне сносный повод для веселья — сам факт, что он жив и настолько бодр, что может вскарабкаться на подоконник, то у Гиви поводов кот наплакал. И если это все же не сон, то как светилу удалось выбраться из пыльной щели за шкафом и опять бесчинствовать здесь всюду? Оно раскалито каменный подоконник добела, и теперь оба грешника поджаривались на этой скородке: один за нерадивость, другой за плутовство. Увидев меня, они переглянулись и заухмылялись. Гиви что-то сказал сторожу. Тот

запротестовал столь энергично, что высокая каракулевая папаха грянула на пол и исчезла в невыносимо сверкающем потоке, которым струился коридор. Не обратив на это никакого внимания, приятели подплыли ко мне на своем подоконнике и, отпустив его на волю волн, принялись неистово дергать меня, обнимать, целовать, щекотать, пихаться, меля невообразимую чепуху, в которой я не мог разобрать ни слова!

В пылу этой бурной встречи я еле успел поймать соскочившую с переносицы тройку и лишь собрался крикнуть, что надо осторожней, она ведь стеклянная и того и гляди расколется, как в щеку мне впиваются прокуренные усы Мугуча, а над ними — ухмыляющаяся физиономия Гиви сверкает на солнце акульими оскаленными зубами. Приплясывая, усы что-то говорят мне, и издали большими, вырастающими пузырями выплывают и лопаются фразы:

— Отец!.. Твой отец вернулся, Нико! ...Эй, думбала-думбала-думбала-думбала-думб! Думбала-думбала-думбала-думб! Таши-и-и! Танцуй, дуралей. — твой отец дома!

И вдруг все смолкло. И Мугуч и Гиви умчались куда-то далеко, словно я смотрю на них не в те окуляры бинокля. Они что-то говорят, пляшут и рядом ухают в огромный тяжелый барабан...

— Что ты сказал? — спросил кто-то. — Что ты сказал?

— Сказал! Сказал! Твой отец вернулся — вот что сказал! Да беги же ты, не заставляй его ждать.

...Я спускаюсь по лестнице медленно, словно на тонких стеклянных каблучках. Кто-то незримый гулко отбивает во мне ступени-секунды. Тысяча ступенек. Тысяча секунд. Как странно звучит — «Отец», «Отца нет дома», «Спрошу у отца»...

Он, наверное, постарел, мой отец. Ему тогда было тридцать два. Я проснулся, когда он поцеловал меня. И тут же снова уснул. Утром мама сказала, что он ушел на фронт и это надолго. Мама умерла очень скоро.

Я выхожу на улицу. Мостовая, скользкая от солнечного света, то и дело исчезает из-под ног, тяжелая вязкая волна зноя мешая идти, и кажется, будто я медленно перебираю ногами на одном месте. Разбухшие от жары каменные паруса домов неторопливо плывут мне навстречу. Один... другой... Вот и атланты. Согнулись уже в три погребели под своим балконом, а бороды взмокли от пота. Они о чем-то уныло толкуют между собой, но при виде меня умолкают и начинают старательно, изо всех сил подпирать балкон.

За горбом улицы, в районе Дырявой Подошвы ничто не изменилось. Гурген все так же протыкает шилом набойку и заколачивает в нее деревянный гвоздь. Я подхожу совсем близко, но он так увлечен, что не видит меня. Или это я стал невидимым? Вообще-то мы с ним приятели, хоть он и высмеивает меня постоянно. Но если я захожу к нему одолжить для нас немного денег, он никогда не откажет. Однажды он сказал: «Э-э, Нико, если бы твой отец вернулся... Ты даже не знаешь, что бы тогда было!»

Я действительно не знал, и он мне все объяснил: «Если бы он вернулся, я бы такие сапоги ему сшил! Он бы прошел по Головинке¹, и все онемели бы от зависти. Они бы все потом бросились сюда и предлагали что угодно за такие сапоги. Но я бы больше не стал шить».

Он мечтательно закатил глаза и еще долго читал мне лекцию о сапогах и о моем отце, единственном человеке, достойном носить сшитые им, Гургеном, сапоги.

Отец... Значит, он дома. Как же так? Ведь он... А-а, не все ли равно! Главное, он дома теперь. У меня есть отец! Надо быстрее, он, наверное, ждет меня. И я скажу ему, что мне удалось спихнуть физику.

А-а, вот и дядя Григор! Он уже распродал керосин и торжественно гремит пустыми бидонами. Его бритая голова сверкает под солнцем, как полированная дыня. Солнце сосредоточилось на его лысине, и Григор шествует, увенчанный искрящимся нимбом.

— Здравствуй, дядя Григор. Мой отец вернулся.

— Что?!

От удивления Григор роняет бидон, и тот, гулко ухая и подпрыгивая, катится вниз по булыжной мостовой. Не задерживаясь, я прохожу мимо опешившего керосинщика. Григор удивленно дергает себя за торчащие антеннами длинные усы и пускается вдогонку за бодро удирающим бидоном. Немного погодя до меня доносится его крик:

— Эй, Нико, это правда? Это правда?!

...В нашем доме закрыты все окна. Слово палто, застегнутое наглухо. И никого. Только один бухгалтер Буния плетется мне навстречу, взгромоздив на плечо прекрасный, новенький, белый, как снег, унитаз. Не стану ему говорить, еще выронит, как Григор. Вхожу в подъезд, здесь, как всегда, темно. Но в нашей лестнице десять ступеней, это знает каждый, и поэтому никто не разорится на лампочку...

Я перешагиваю через последнюю. И мне вдруг становится страшно. Откуда-то снизу поднимается холодная пустота, а сердце колотится так громко, что его, наверное, слышно на улице. Я ведь его почти не помню, отца: суровый он или добрый, веселый или серьезный. Что, если я, выросший, ему не понравился? Он тогда, наверное, снова уйдет...

Я открываю дверь, ведущую на общую галерею. Там, в конце ее, наша квартира. Шумно и много людей. Весь дом собрался у нашей квартиры. Даже дворничиха Софа, рассорившаяся со всем светом, и та притащилась снизу и улыбається.

Я медленно прохожу галерею и останавливаюсь, не дойдя до них. Шум смолкает, и все поворачивается в мою сторону. И все на одно лицо. Только один, самый высокий, очень высокий... Наверное, отец. Да-да, это он. Я это знаю. Только никак не могу разглядеть его лица, хотя вижу все очень близко и отчетливо. Никак не могу уловить его, собрать в одно целое: глаза, губы, подбородок... Оно все время ускользает и рассыпается. Отец что-то говорит, но я не слышу. Я делаю шаг ему навстречу и падаю, пропадая, пропадая в его объятиях. Резкий свет обжигает глаза. Отец чуть-чуть отстраняет меня и крепче сжимает мне плечи. Бойтесь, что я исчезну? Но разве я могу исчезнуть теперь?! Или даже уйти по обыкновению неизвестно куда...

— Ты... — говорю я с трудом, — ты... Вы совсем приехали? Постоянно?

Все смеются. И громче всех Сёма. Но он-то откуда здесь взялся?! Что, что они все смеются? Разве я сказал что-нибудь смешное? Они просто лопаются от смеха, будто в жизни ничего смешнее не слышали! Может быть, они смеются от радости? За меня, за отца, за всех нас? Или... Нет-нет, просто это солнце. Оно, как всегда, все искажает. Ему бы только дурачиться да дурачить других. Вон и сейчас оно раздулось, как сверкающий пузырь, и тарашит на меня свои пронзительные очки...

— Двум, двум равна ваша постоянная, уважаемый Серапионов, — холодно замечает Маятник.

¹ Головинка — старое название проспекта Руставели.

В конце прошлого года в Москве состоялось II Всесоюзное совещание молодых журналистов, организованное ЦК ВЛКСМ и Союзом журналистов СССР.

Наш журнал всегда поддерживал молодых авторов, способствовал их творческому росту. Теперь материалы молодых будут появляться на наших страницах еще чаще — мы открываем новую рубрику «Молодые журналисты в «Смене»».

Представляем Владимира Грибова из Москвы. По профессии он журналист, работает в Министерстве внутренних дел СССР и потому пишет о людях, которых лучше всего знает, — о работниках советской милиции.

Евгений Калинин проснулся утром от той же мысли, что так долго не давала ему уснуть. Посмотрел в окно. Несмотря на ранний час, яркие лучи солнца, словно золотистые стрелы, пронизывали зеленую запыленную листву высоких раскидистых деревьев. Ночью где-то за Волгой похлякали зарницы, но долгожданный дождь так и не пролился над Саратовом.

Жару Евгений переносил так же легко, как и холод. Старался просто не обращать внимания на превратности погоды. В уголовном розыске среди его товарищей эта тема была непопулярной. Считалось, что разглагольствования о погоде идут от праздности и незанятости ума. Позвольте себе такую роскошь ни капитан Калинин, ни его коллеги не могли. Особенно в эти последние дни.

На работу Евгений собрался быстро: хотелось узнать, не случилось ли чего за короткую летнюю ночь, не поступили ли в дежурную часть новые сообщения по делу о пожаре. Вчера в Волжский районный отдел внутренних дел пришло заключение судебно-медицинской экспертизы, из которого следовало, что смерть гражданина Пименова наступила в результате удушья узким гибким предметом: ремнем или веревкой. Значит, это убийство, а не несчастный случай, как поначалу было решено в РОВД, когда отправляли обгоревший труп с места происшествия на экспертизу. Следовательно, пожар кем-то инсценирован, чтобы уничтожить следы преступления.

Как только стало известно об убийстве, была создана оперативная группа, которую возглавил подполковник Максимов. В группу вошли братья Калинин — Евгений и Иван, начальник отделения уголовного розыска Грибовский. Евгения временно освободили от расследования других дел, так как преступление представлялось запутанным и сложным.

С чего же начать поиск? Капитан милиции по пути на работу сосредоточенно анализировал отдельные, пока не связанные между собой логической нитью факты. Дело трудное, как бы не осталось «висяком» на отделе, тогда и коллективу одни неприятности и на душе будто камень будет лежать. А отвечать-то в первую очередь ему, Евгению Калинину, сотруднику уголовного розыска, и его брату, участковому инспектору Ивану Калинину.

Войдя в свой кабинет, Евгений посмотрел на часы. До оперативки оставалось сорок минут. Калинин решил еще раз прикинуть, какая из версий преступления наиболее вероятна. На листке бумаги начал вычерчивать схему связей погибшего. Она получилась довольно обширной. Но, к сожалению, на совещание идти придется с пустыми руками: о преступнике сказать что-либо определенное он пока не может.

Не успел капитан сосредоточиться, как в кабинет вошел Иван. Такой же невысокий, плотный, скупой на слова и движения, он многими чертами походил на старшего брата.

— Горим мы с тобой, Иван, — поднял глаза Калинин старший.

— Горим, — отозвался брат. — Такой пожар нам устроили, что не знаю, как и погасим.

— Погасим, — коротко сказал Евгений. — Новостей нет?

— Пока нет.

Оба ясно представили себе, каким бесконечно длинным будет сегодняшний жаркий день.

На оперативном совещании, которое проходило в кабинете Максимова, присутствовали все сотрудники отдела.

— Вы уже знаете, — обратился начальник к сотрудникам, — об убийстве с поджогом на Большой Затонской улице. Поиск преступников мы ведем, но результатов пока мало. Что мы знаем о Пименове? Если не ошибаюсь, Евгению Калинину раньше приходилось с ним встречаться...

— Да, знал я старика. Несколько лет назад, когда работал участковым инспектором на этой территории, поручили мне расследовать квартирную кражу: у Пименова гармонь украли. В доме все знали о его трехрядке. Выйдет, бывало, во двор, сядет на скамеечку и потихоньку что-нибудь наигрывает. Самая ценная вещь и была у него — эта гармонь. Жил он спокойно, бояться ему было некого, на ночь даже двери не всегда запирали. Вот кто-то этим и воспользовался.

Я тогда с ног сбился. Сначала думал, из соседей кто пошутил или из близких знакомых: заходили к нему

ребята посидеть, гармонь послушать. Всех соседей опросил — безрезультатно. И все же нашли вора. Он когда-то жил на Затонской, вот соседи и вспомнили, что крутился здесь накануне кражи вечером какой-то подозрительный тип. Вскоре его задержали, высмотрел я его в соседнем поселке. Гармонь у его приятеля изъяли, преступник ее по дешевке продал, деньги на водку понадобились. После того, как Пименову возвратили гармонь, он на ней долго не играл, все боялся, что придут дружки того вору и отнимут.

— Над этим стоит подумать. — Подполковник взглянул на оперативников. — Хоть и давно случай был, а все связи того парня нужно проверить. И вообще проверить всех, кто заходил в последнее время к Пименову. Не исключено, что к убийству причастен кто-то из знакомых старика, а знали его в районе многие. Но нельзя упускать из виду и другие версии. Убийство могли совершить посторонние, случайно оказавшиеся на нашей территории люди.

Сотрудники притихли, слушая задание начальника. — Участковый Калинин, вы займетесь родственниками. Тактично и осторожно поговорите с сестрой Пименова, возможно, она что-нибудь знает о знакомых старика. После совещания сразу отправляйтесь к ней. А вы, Евгений Александрович, начните глубокую проверку преступного элемента. Сначала проверьте «своих», одновременно поинтересуйтесь «залетными», а также теми, кто раньше жил в нашем районе.

Пока Максимов говорил, Калинин не сиделось на месте. Хотелось побыстрее окунуться в работу, встретиться со свидетелями. Наверняка многие в микрорайоне знают о пожаре и о том, как сгорел Пименов. Что говорят по этому поводу? Капитан всегда очень внимательно собирал мнения разных людей, спокойно выслушивал обывательские домыслы, «кошмарные» истории. По этим крупяцам ему уже не раз удавалось устанавливать истину.

После оперативки сотрудники отправились на свои административные участки. Евгений Калинин за день встретился и поговорил со многими людьми. Мнения о причинах пожара были разные. Большинство же людей сходилось в одном: это несчастный случай, Пименов не имел врагов.

Уже стемнело, когда Евгений вышел из райотдела и неторопливо направился домой. В голову лезли невеселые мысли. Весь день протоптался на месте, вперед не продвинулся ни на шаг. К сожалению, не удалось застать и Веткину — соседку Пименова, она обычно была в курсе всех событий, происходивших в микрорайоне, даже тех, которые ее не касались. Значит, завтра с утра все начнется сначала: тщательная отработка каждой версии, проверка и перепроверка показаний соседей и родственников погибшего, утомительное ожидание возможных очевидцев.

Но утром версию «родственники» пришлось отвергнуть. Иван Калинин выяснил у сестры Пименова, что никто из родных давно не навещал старика: лето, разъехались кто куда. Сам же Пименов не любил ходить в гости. Известно, что между родными всякое может случиться. Внешне все благополучно, а приглядишь повнимательнее, колни поглубже, чего только не встретишь: зависть, ненависть, месть. Но Пименову никто не завидовал, скорее сочувствовали.

Иван Калинин подключился к брату, проверил дом за домом, но тоже безрезультатно. Ему называли разных людей, которых видели со стариком, но при проверке выяснялось, что у каждого имеется надежное алиби.

Вечером Евгений решил еще раз зайти к Веткиной. Два раза инспектор не заставал ее дома, вызывать же в РОВД не хотелось: болтливая и острая на язык в привычной обстановке тихой улицы женщина могла замкнуться в казенном кабинете райотдела.

Евгений подошел к старому дому, в котором жила Веткина, в сумерках. Дверь открыла сама хозяйка. В темном дверном проеме она не сразу разглядела сотрудника милиции, а когда узнала, глаза забегали. В нерешительности поправила волосы, переступала с ноги на ногу.

— Приглашай, хозяйка, не в дверях же нам стоять. — Инспектор улыбнулся и прошел в квартиру мимо нее.

— Давно не заходил, даже не узнала сначала, — засуетилась женщина.

Калинин оглядел обстановку комнаты. Стол, стулья, железная кровать, рассыпавшийся обшарпанный шкаф. Куда уж тут до накопительства. Живет тихо, скромно, но в округе пользуется известностью как незаменимый для компании человек: попросят мужи-

ки стакан — снабдит, застолье всегда поддержит, упрасивать не надо.

— Дело есть, Степановна. — Инспектор уселся поудобнее.

— Только по делу и заходите, а нет, чтобы просто так заглянуть... Сидишь тут одна, и поговорить бывает не с кем, — игриво посмотрела на гостя Веткина.

— Вот давай и поговорим, дело действительно серьезное. Слышала, что Пименов сгорел?

— Как же, как же, хороший, тихий человек был.

— Вот именно — был. Убили его.

— Убили? — Глаза Веткиной округлились. — А говорят, пьяным сгорел, заснул с папиросой...

— Кто говорит?

— Да все так говорят. Только я-то сомневаюсь, редко он выпивал.

Веткина притихла, посмотрела в незащторенное окно, за которым тял тихий летний вечер. Век бы ей не видеть этого дотошного оперативника. Как бы и ее не привлекли, хотя за что? Ну, заметила последний раз рядом с Пименовым у магазина какого-то незнакомого парня. Сразу обратила на него внимание: одет опрятно, в отглаженных кремовых брюках, свежей полосатой рубашке.

— Ты когда последний раз Пименова видела? — Голос инспектора вывел ее из оцепенения. «Словно мысли читает», — пронеслось в голове.

— Недавно, перед пожаром. Но я с ним не разговаривала.

Веткина заколебалась: рассказать ли о парне? А вдруг тот узнает и отомстит? За свою многотрудную жизнь разного она насмотрелась. Но, встретившись с нетерпеливым взглядом сотрудника милиции, решила ничего не скрывать и сбивчиво поведала о приметах виденного с Пименовым парня.

— Отличается он от наших мужиков, которые отираются у магазина, это я тебе точно говорю. Прическа — волосок к волоску, рыжеватый немножко.

— А кто с ними еще был?

— Кто-то стоял в стороне, но я не обратила внимания, торопилась.

— Может, слышала, о чем они говорят?

— Кажется, выпивать собирались, деньги считали. Вспомнила. Пименов его Славкой назвал: дуй, говорит, Славка, может, без очереди дадут, надоело на солнце жариться.

— Ну, спасибо, Степановна, и на этом. — Евгений Калинин поднялся. — Если вдруг увидишь того парня, позвони мне, запиши телефон на всякий случай.

На следующий день приметы парня, разговаривавшего с Пименовым, стали известны всем оперативным работникам отдела. Аккуратно причесанного, опрятно одетого рыжего парня по имени Славка искали повсюду. Среди ранее судимых, состоявших на учете в милиции, похожих на него не значилось. Может, это «залетный»? Если действительно парень приезжий, поиск может затянуться на неопределенное время. Версии «родственники» и «соседи» к этому времени были полностью отработаны.

Утром, после оперативки, Евгений решил отправиться в общежитие речного порта, где проживало много людей, которые совсем недавно приехали в город. Предстояло проверить каждого, чье поведение вызвало сомнение. Правда, Евгений месяц назад уже был в порту, интересовался новичками и многолюдными, но подозрительных среди них не обнаружил.

После рабочей смены капитан подошел к зданию общежития. В вестибюле его окликнули двое парней: у инспектора здесь было немало знакомых. Дружинники, общественники хорошо знали сотрудника милиции, помогали ему.

— Привет. — Один из них протянул руку. Второй тоже поздоровался, но руки не подал, видимо, постеснялся.

— В гости к нам?

— Проходил мимо, решил заглянуть. — Евгений боковым зрением наблюдал за шедшими с работы людьми.

— Заходи к нам. Если кто нужен — позовем.

— Да нет, ребята, спасибо, я вот тут на скамейке лучше посижу, выходите, поговорим.

Он вышел на улицу, присел на скамейку, закурил и стал внимательно всматриваться в прохожих. Никто бы не смог догадаться, что это сотрудник милиции. В светлой рубашке с закатанными рукавами, открывавшими крепкие, загорелые руки, он ничем не отличался от закончившего смену рабочего, присевшего отдохнуть в тени. Неожиданно он заметил пожилую женщину в белом платке с тяжелой кошелкой. Евгений даже привстал от удивления — до чего же похожа

О О ПОЖАРЕ

на мать. Нет, показалось, конечно. Мать с отцом на пенсии, но все равно редко бывают в Саратове, а если приезжают — это целое событие, братья заранее готовятся к встрече. Да и сыновья нечасто навещают родителей. Хоть и недалеко до Двоек от города, а выбраться удается редко. Вот и в это лето собирались на выходные, да все пришлось откладывать поездку — то дежурство, то учеба. А тут еще этот пожар с убийством Пименова...

Калинин проводил взглядом женщину, вздохнул. На улицу вышли знакомые ребята, присели рядом, закурили.

— Ну, нашел, кого ищешь? — поинтересовался один из них.

— Да вот смотрю, новеньких поселилось много у вас, познакомиться бы надо. Кстати, этого парня знаете? — Он указал взглядом на молодого человека в светлых брюках, стоявшего на автобусной остановке.

— Колька Коркин, с весны у нас работает, после демобилизации.

Евгений еще с полчаса беседовал с ребятами, расспрашивал о новостях и уже собрался прощаться, как неожиданно внимание его привлек рыжеватый парень, появившийся из-за угла общежития и теперь стоявший неподалеку от них.

— А это что за рыжий такой? — кивнул он в сторону парня.

— Это Славка, на днях поселился, парень вроде неплохой. Откуда-то издалека приехал. — Приятели поднялись, протянули руки: — Ну ладно, нам пора, а то в кино опоздаем. — Они ушли, так, видимо, и не поняв, кто нужен инспектору уголовного розыска.

Славка явно кого-то поджидал. Капитан незаметно наблюдал за ним. Он все больше убеждался, что перед ним именно тот парень, про которого рассказывала Ветка: аккуратно причесан, румянец во всю щеку. Наконец Славка, никого не дождав, направился по улице в сторону Волги. Евгений последовал за ним: он решил не откладывать знакомства. На всякий случай позвонил из уличной будки в дежурную часть и вызвал оперативную машину. Затем нагнал Славку, который остановился у афиши.

— Молодой человек, я из уголовного розыска. Прошу пройти со мной.

Славка обернулся и с удивлением посмотрел на плотного, решительно преградившего ему дорогу парня, пожал плечами и спокойно пошел рядом с инспектором. Калинин показалось, что в этот момент он как-то съезжился, румянец на щеках заметно побледнел. Подъехал милиционерский «уазик», который через десять минут доставил их в райотдел.

В кабинете Калинина Славка односложно, безучастно отвечал на вопросы, рассказал свою короткую нехитрую биографию. Когда же Евгений стал допытываться о его друзьях, парень заволновался.

— Ты в городе недавно, друзей, как говоришь, не завел, с кем же время проводишь?

— С девушкой. Ждал весь вечер, не пришла.

— А вот позавчера тебя у магазина видели в мужской компании и никакой девушки с тобой не было.

— Кто видел?

— Ты, Слава, не задавай, а отвечай на мои вопросы. Так будет лучше — не запутаешь ни себя, ни нас. Зря бы тебя сюда не пригласили. У нас для этого есть основания.

— Так как же зовут твоих друзей? — Евгений строго смотрел на поникшего, растерявшегося парня. Нет, такой вряд ли пойдет на убийство.

— Витя Аверкин и Толька Смирнов, они у кинотеатра «Маяк» живут.

— Дома был у них?

— Был раза два.

— Адрес помнишь?

— Не точно. Дом 32 или 34.

— Сейчас проверим.

Капитан позвонил в адресное бюро.

Ответ он получил быстро: Аверкин и Смирнов в Волжском районе вообще не значились. Явная ложь парня усилила подозрения о его причастности к преступлению.

— Ты хорошо знал Пименова? — неожиданно спросил капитан.

— Первый раз слышу о таком.

В кабинет вошел Грибовский.

— А врешь ты тоже в первый раз? — Он подошел вплотную к Славке. — Ну, рассказывай все по порядку. Где познакомился с Пименовым?

При виде подполковника Славка сдался.

— Я сам хотел к вам прийти, но боялся.

— Кого боялся?

— Седого...

Уже несколько дней Седой не находил себе места, не зная, на что решиться: уехать из города или жить, затаившись где-нибудь в укромном месте. Но дни шли, никто его не трогал, и появилась надежда, что милиция не сможет разобраться в деле о пожаре на Большой Затонской. Ведь следовало не осталось, все сгорело — в этом он был уверен. Сам пару раз подходил к дому, смотрел на обугленную деревянную стену. И все же перед глазами вновь и вновь проплывали события того злоручного вечера...

...Из дома парни выскочили почти одновременно. Только Седой немного отстал — замешкался из-за гармони, которую на бегу вскинул на плечо. К счастью, никто из соседей навстречу не попался.

— Всем в разные стороны, и молчок, — скомандовал Седой, выделявшийся, несмотря на молодость, серебристо-седой шевелюрой, худым, морщинистым и злым лицом.

Он обернулся. В окне второго этажа начало вырваться пока еще робкое оранжевое пламя.

— Седой, где встретимся? — спросил маленький, крепко сбитый парень.

— Завтра вечером у кинотеатра. Все, разбежались, нас никто не видел.

Седой быстро зашагал по улице. Прохожие не встречались, будто кто специально очистил путь к отступлению. Мозг работал лихорадочно. Наверное, ни разу в жизни он так не волновался, как сейчас. Даже тогда, несколько лет назад, когда совершил первое преступление. Правда, в то время он верил, что ему повезет, милиция его не обнаружит, а если и поймут, много не дадут — мол, молодой, доверчивый, пошел на поводу у старших; да и друзья научили, как себя вести, что отвечать, когда припрут к стенке. Приятели не выдали его, но милиция и без них быстро нашла преступника. Он взял все на себя: сам срывал шапки, сам продавал, а кому — не помнит. Деньги нужны, чтобы матери помочь, единственный сын ведь должен заботиться о родном человеке. В инспекции по делам несовершеннолетних внимательно слушали его «признания». Инспектор, молодой лейтенант, сначала сочувствовал, но увидев, как Седой изворачивается, изображает из себя наивного школьника, резко изменил отношение к нему, стал строгим и жестким. Седой только смеялся в душе над молодым лейтенантом и неумелыми попытками наставить его на истинный путь. В нем словно было запрограммировано дурное начало, которое вопреки всем «воспитательным мероприятиям» влекло его в водоворот «веселой» жизни со своими жестокими законами. Он и сам-то не осознавал, откуда у него это стремление все делать наперекор, поставить себя выше других.

Сейчас он считал себя опытным, бывалым человеком, поэтому и не доверял своим новым друзьям, с которыми его объединяла бутылка. Заводилой в выпивках всегда был Седой. Только в последний раз Славка проявил инициативу, встретив старика Пименова. Он познакомился с ним недавно и решил устроить пьянку под музыку. Седому идея понравилась, музыку он любил, выпив, всегда затягивал что-нибудь протяжное или блатное.

...Седой замедлил шаг. Эх, если б можно было повернуть время вспять, снова оказаться с ребятами у магазина в прохладной тени высоченного тополя! Разве пошел бы он к малознакомому скучному старикашке, который весь вечер зудел, чтоб поменьше пили и не шумели. Лучше бы к Райке поехал — хоть и далеко, зато спокойно и никаких тебе вопросов, можно и покуражиться, все стерпит.

Отяжелев от водки и вина, Седой еще долго петлял по улицам и, когда наконец протрезвел, четко увидел картину прошедшего вечера. Он не жалел Пименова, бог с ним. Ему стало жалко себя. Седой мучительно вспомнил, как требовал денег у старика еще на одну бутылку. Приятели захмелели больше, чем он. Один подпирал голову руками, что-то мычал. Другой свернулся на диване и храпел. Седому же выпитого было мало. Казалось, еще «пузырек» — и веселье разгорится вновь, Пименов перестанет допытывать вопросами, сыграет на гармонии что-нибудь забористое.

«Деньги давай, быстрее!» — слышался в ушах его же собственный голос. Седой снова увидел перед собой небритое лицо старика, его глаза, полные тоски.

А дальше вспоминать совсем не хотелось. От удара

кулаком Пименов рухнул на пол. С ужасом глядя на озверевшего парня, он все же попытался подняться, и в этот самый момент Седой в иступлении схватил кожаный брючный ремень, болтавшийся на спинке стула, обхватил им шею старика и с силой затянул петлю...

Только после того, как Пименов перестал дышать, Седой осознал, что убил человека. Славка поднял голову, тупо посмотрел на обмякшее тело старика, и, когда понял, что произошло, глаза его приобрели осмысленное выражение и округлились от страха.

— Буди Сергея, надо сматываться, — прохрипел Седой.

Вдвоем они перенесли труп на диван. Седой достал спички и поджег газеты на столике, одежду в шкафу. Славка в это время растолкал Сергея. Втроем они выскочили за дверь. В последний момент Седой прихватил гармонию.

О том, что Славка попал в милицию, Седой узнал от Сергея. Тот прибежал к нему поздно вечером:

— Хана нам теперь. Это ты, Седой, во всем виноват. Я тогда ничего не соображал, вырубился.

— Врешь, все помнишь. — Седой зло посмотрел на трясущегося приятеля. — Учи, опьянение — отягчающее вину обстоятельство, пора бы знать. Только пики — придушу, ты меня знаешь.

От дружка и след простыл. А Седой решил, что пора бежать. Теперь он знал точно, что уничтожить следы не удалось. На дружков положиться нельзя, пусть выпутываются сами. Временно можно скрыться у Райки, за городом, а там...

Сергея арестовали в ночь после его встречи с Седым. Он, как и Славка, быстро понял бессмысленность заперательства и начал давать правдивые показания.

«Седой будет сопротивляться, — не сговариваясь, твердили приятели. — Когда выпьет — на всех бросается, мимо милиционера не может спокойно пройти, еле сдерживали его».

Где может скрываться Седой, удалось установить Евгению Калинину. Хотя «дружки» и помогли, а пришлось капитану перепроверить с десяток Раек, пока не нашли именно ту, у которой скрывался Седой.

Оперативная группа, уточнив детали захвата опасного преступника, выехала на задержание. Все было продумано, но риск в таких делах неизбежен. И потому, как только свет фар выхватил одноэтажные частные строения городской окраины, было принято решение к дому подходить рассредоточившись. Евгений и Иван Калинины направились к двери.

— Ставни почему-то закрыты, может, нет никого? — Иван, взглянув на брата, кивнул на окна.

— Там он, некуда ему деться.

Калинины замерли. За дверью послышался негромкий разговор, затем протяжный звук гармони. Кто-то пытался сыграть «Тонкую рябину», но пальцы плохо слушались музыканта.

Евгений сильно постучал. Звуки за дверью резко оборвались.

— Кто там? — спросил приглушенный женский голос.

— Открывайте, милиция.

— Я не вызывала.

Хозяйка долго препиралась, наконец щелкнула задвижка, но вместо женщины оперативник увидел на пороге высокого парня с растрепанной седой шевелюрой. В поднятой правой руке он держал топор.

Капитан едва успел шагнуть в сторону. Лезвие топора вспороло широкую полу его плаща, зацепившись за карман. Седой хотел одним прыжком проскочить за дверь, но не смог. Евгений мгновенно захватил его правую руку, резко рванул на себя. Топор упал на деревянный пол, подскокший на помощь брату Иван захватил левую руку бандита. Вдвоем они вытащили упиравшегося Седого во двор. Он мотал головой, ругался сквозь зубы, обещал разделиться со всеми «ментами» и протрезвел только тогда, когда его ввели в отделение милиции. При обыске в доме Райки обнаружили несколько пустых бутылок из-под вина и гармони, в которой Евгений сразу признал трехрядку Пименова.

Оформив протокол задержания преступника, Калинины вышли из райотдела вместе. После теплового вечернего дождя на улице веяло прохладой.

— Эх, в деревне сейчас хорошо дышится, — сказал Евгений, сворачивая трубочкой порванный плащ.

— Какое может быть сравнение, — вздохнул Иван. — Давай в этот выходной съездим... Только не проговорись. — Он кивнул на сверток в руке брата. — Знаешь ведь, мать опять будет волноваться.

XXV
СЪЕЗД КПСС

Владимир БАБИЙ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии

ЗЕМЛЯ, НАПОЛНЕННАЯ МУЗЫКОЙ И СОЛНЦЕМ

Беседу ведет специальный корреспондент «Смены» Светлана ПОДОРВАНОВА.

Красив Кишинев в октябре. Сады и парки его полыхают разноцветными листьями, на газонах все еще цветут розы, и кажется, им не страшны ни наступающие ночные холода, ни покрывающий их утром тончайшей паутиной иней, который тает под первыми дневными лучами солнца, превращаясь в туман.

В октябре месяце, золотыми и багряными красками расцвеченном осенью, в Кишиневе вот уже четвертый год проходит праздник молодых деятелей искусств — Неделя творческой молодежи.

— Владимир Васильевич, октябрь, видимо, выбран не случайно для проведения Недели творческой молодежи. Театры вернулись с гастролей, писатели, поэты и художники — из творческих командировок. Самое время для подведения итогов, своеобразного творческого отчета.

— Да, время выбрано удачно: закончена уборка урожая — не забывайте, Молдавия в основном сельскохозяйственная республика. Стало быть, напряженнейшие дни в колхозах и совхозах позади, и жители деревень и сел могут встречаться с предста-

ДАР СОЛНЦА И ЗЕМЛИ МОЛДАВСКОЙ.

вителями творческой интеллигенции уже не на полях, куда артисты, музыканты и поэты приезжали с концертами и выступали в кратких рабочих перерывах перед тружениками полей, — теперь сельские жители принимают творческую молодежь в клубах, домах культуры, где проходят вечера поэзии, выставки, демонстрируются новые кинофильмы, спектакли.

Неделя не замыкается в рамках одного Кишинева, молодые деятели искусств ездят по всей республике, встречаются и с ветеранами труда и со своими сверстниками — рабочими и колхозниками.

Одновременно каждая Неделя — своеобразный конкурс, строгий отбор лучших произведений молодых, в котором значение имеет не только мнение профессионалов, но и зрителей. И самая большая награда для молодых деятелей искусств — выступления на заключительном торжественном концерте в Кишиневе. Конечно, награда приятна, но главный итог, на мой взгляд, в том, что произведения, получившие одобрение, переходят из стадии творческих экспериментов в качественно новую — получают право на жизнь в искусстве. И начинают активно влиять на направление поисков молодых художников, идущих вослед.

Не менее важной представляется мне и другая сторона Недели, не находящая яркого выражения в отчетах, но очень и очень плодотворно влияющая на атмосферу жизни творческой молодежи респуб-

**МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ,
БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ
СЛАВЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ
В ГОРОДЕ БЕНДЕРЫ**

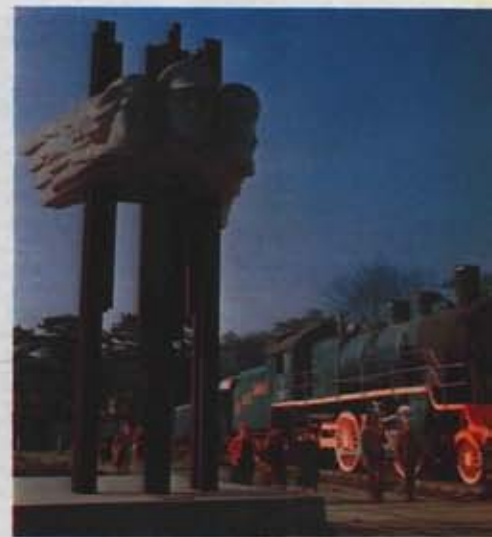

Фото Сергея ВЕТРОВА

**ОНИ КРАСИВЫ И СВОЕОБРАЗ-
НЫ — ЗДАНИЯ, ПОСТРОЕННЫЕ
ПО ПРОЕКТАМ ГЕННАДИЯ
СОЛОМИНОВА.**

**В ОСНОВЕ ПРОГРАММ НАРОДНОГО ОРКЕСТРА
«ЧОБЭНАШ» — САМОБЫТНАЯ МОЛДАВСКАЯ
МУЗЫКА.**

лики. Я имею в виду споры, столкновение различных взглядов на ту или иную проблему искусства, совместный поиск художественных решений тех или иных задумок... Ведь не могут, не должны жить молодые творцы в неведении о делах друг друга — тогда не будет пищи для ума, начнут, того и гляди, изобретать велосипеды, перебарщивать в оценке себя. Конечно, кому-то приятнее считаться гением в среде ровесников-дилетантов, чем выслушивать порой нелицеприятную критику. Но споры, горячие обсуждения — не только родители истины, они способствуют завязыванию контактов между молодыми представителями разных направлений искусства.

— Со дня принятия постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» прошло уже четыре года. За это время в республике накоплен достаточный опыт. Создан Совет творческой молодежи при ЦК ЛКСМ. Семинары и совещания,

ПЕДАГОГИ ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ КАЛАРАШСКОГО РАЙОНА С РАННЕГО ВОЗРАСТА ПРИВИВАЮТ ЮНЫМ ВОСПИТАННИКАМ ЛЮБОВЬ К КРАСОТЕ РОДНОГО КРАЯ.

фестивали и смотры молодых сил, выставки изобразительного искусства, Недели молодежного фильма, как известно, стали в Молдавии уже традиционными. В чем главное направление работы комсомола с творческой интеллигенцией?

— Прежде всего хочу отметить отличительную черту многих наших фестивалей, конкурсов, смотров — бережное отношение к народному творчеству. У нас нет необходимости ездить по самым отдаленным уголкам Молдавии, чтобы собирать, записывать или даже восстанавливать старинные обычаи, сказки, песни, художественные промыслы. Для нас это не далекое прошлое, а то, чем и сейчас мы живем, дышим, из чего черпаем представление о прекрасном, на чем воспитываем своих детей. Народные традиции, обычаи — это вечный источник, который питает творчество. Сохранение их, развитие — первостепенная задача комсомола и творческой молодежи.

А главное направление работы комсомола с молодыми художниками — помощь в выборе правильного жизненного ориентира, в обретении высоких нравственных принципов. Для художника необходима гражданская зрелость, высокая идейность, чтобы в творчестве молодых находило отклик все то основное, существенное, чем живет страна, что стало частью личных судеб советских людей. Как показала практика, Недели, семинары, фестивали для молодых, особенно для тех, кто только делает первые шаги в большом искусстве, просто необходимы. Ведь на этих встречах литераторы, художники, архитекторы не только рассказывают о своем творчестве, но и просто знакомятся друг с другом. И это общение приносит свои результаты. Поэт знакомится с композитором — и рождается песня. Художник рассказывает о людях труда, с которыми встретился в поле или на фабрике, а у писателя, может быть, подсудно появляется новая тема рассказа. Я говорю схематично. Процессы, которые происходят в такой непринужденной и в то же время истинно творческой обстановке, гораздо сложнее, глубже...

В работе с творческой молодежью комсомол обращает внимание на то, чтобы у молодых деятелей искусства не было оторванности от жизни. К сожалению, часто молодой талантливый человек не знает ее. Ведь как зачастую складывается биография начинающего художника? Школа, затем институт. Все ясно, определено, и, пожалуй, единственная сложность, которая порой возникает, — так это то, что в институт не с первого раза поступил. А все «страсти человеческие» где-то в стороне, и о жизни — со всеми ее сложностями, взлетами и падениями — чисто умозрительное представление. И вот у такого, часто действительно талантливого человека появляются на свет то стихи — неизвестно о чем, с размытыми образами и фальшивыми переживаниями, то полотна — вторичные, словно уже где-то тысячу раз виденные.

Поэтому наша задача — помочь начинающему художнику, как говорится, «походить по белу свету». Например, творческие командировки. ЦК комсомола охотно предоставляет молодой интеллигенции возможность ездить по стране, встречаться с людьми на комсомольских стройках, на фабриках, заводах, выезжать в колхозы и совхозы. Как известно, только жизнь может в полной мере питать и даже воспитывать талант. Видеть, знать, чувствовать, чем живет страна, проникаться ее заботами, радоваться ее победам — без всего этого не может состояться настоящий, глубокий мастер. Отраднее, что героические и революционные подвиги нашего народа вдохновляют молодежь на создание интересных, подлинно народных произведений. Образ Павки Корчагина и легендарного героя гражданской войны Григория Котовского воспевает в стихах Серафим Беликов; образ современника, тракториста, комсомольца семидесятых годов Николая Грибова, отдавшего жизнь при защите урожая хлеба, воплотил в поэме «Огненный тракторист» Юлиан Филип. Эти поэты молоды. Вообще в поэзии республики в последние годы появилось много новых имен: Николай Дабижка, Марчела Бенья, Василий Романчук...

Они сразу привлекли внимание своей проникновенностью, лиричностью, патристическим пафосом.

*Я сердце раскрываю для объёма.
О Родина, меня благослови.
Нет радостней, земля, твоей любви
И нету горше твоего проклятья...*

Эти строки принадлежат перу Юлиана Филипа, чувство же полного слияния с судьбой Родины едино для всех наших молодых поэтов.

— Вы ничего не сказали о молодых прозаиках...

— К сожалению, не по забывчивости — нечего сказать. Нет ярких произведений, а в тех, что есть, не видишь жизни — только неумело сконструированную модель. Видно, в прозе мало даже самых чистых и возвышенных чувств, которые проявляются в стихах молодых поэтов, нужен более основательный жизненный багаж.

— Владимир Васильевич, для того чтобы художник стал всесторонне развитой личностью, с большим жизненным багажом, важна, думается, не только забота о нем комсомола и творческих организаций. Для начинающего поэта или писателя, художника или актера важна еще и поддержка, совет или просто доброе слово старшего товарища по искусству, авторитетного зрелого мастера.

— Вы имеете в виду творческого наставника?

— Конечно. «Учитель, воспитай ученика». Творчество всегда индивидуально, но на протяжении веков все великие мастера имели учеников, которым передавали свои знания, делились секретами и тайнами мастерства...

— Да иначе и нельзя. Было бы нелепо и даже дико, если бы человек, достигший вершин в мастерстве, шедший «сквозь тернии к звездам», утаивал свой путь от младших, неопытных товарищей. Настоящий мастер всегда будет думать о воспитании достойной смены, заботиться о новом поколении — продолжателе дел его, учить искусству создания произведения, достойные советского народа. Преемственность традиций, наставничество развиты не только в профессиональном искусстве, но, может быть, в еще большей мере — в народном творчестве. Испокон веков в народе бережно хранилось искусство, которое передается от деда к отцу, от отца к сыну. В Молдавии живет народ, щедрый на таланты, но он также щедрый на отдачу этого таланта людям. И сейчас мы с благодарностью произносим имена таких известных у нас в стране и за рубежом деятелей искусств, как Мария Биешу, Домника Дариенко, Тамара Чабан, Мефодий Апостолов, которые помогают становлению молодой творческой интеллигенции. Мы также с благодарностью вспоминаем имена самодеятельных наставников, которые, сохраняя исконно народные промыслы, передают свое умение детям, односельчанам. Это и учитель из села Речула Гождеану Деонис Иванович, возродивший старинный промысел — плетение из лозы; и Гончар Иван Иванович, который все свое село Годжинешты обучает гончарному искусству.

— Именно общими силами — комсомола, наставников, творческих союзов — воспитывается молодая творческая смена. Но нет ли опасности, что эта забота превратится в опеку, оберегающую начинающего художника от трудностей, превратностей?

— Ни в коей мере. Помощь — это только помощь. Направление, поддержка, облегчение определенных трудностей. Не создавать же искусственные препятствия, чтобы вышло по формуле: через страдание познается радость. Нет, все это не так. Сложностей для каждого творческого человека и без этого предостаточно: определить свой путь в искусстве, найти свое неповторимое лицо, манеру, почерк, индивидуальность. А ведь для художника все это необычайно важно и очень трудно. Но это уже другой разговор.

Наша задача — воспитывать художника с четкими гражданскими позициями, не созерцателя, стоящего в стороне от всех дел и свершений народа, а убежденного борца за свои идеи. И помогать ему в этом. Но, конечно, становление художника зависит от него самого, от степени таланта, а порой даже от энергии.

Когда вы ехали из аэропорта в Кишинев, видимо, обратили внимание на комплекс двадцатипятиэтажных домов?

*Действительно, эти дома невозможно не заметить.
Узкие железобетонные великаны стояли по сторонам автострады, привлекая внимание и необычайной высотой и круглыми балконами, окрашенными в*

ярко-оранжевый цвет, — когда смотришь снизу, запрокинув голову, кажется, что двадцать круглых солнц убегают вверх, в небо — и причудливыми фонтанами, и декоративными круглыми шарами, и веером расходящихся лестниц у оснований домов... «Гордость Кишинева, — сказал водитель, заметив наше восхищение. — Таких домов ни в одном городе не увидите».

— Проект этого комплекса принадлежит Геннадию Соломинову. Как вы можете судить, Геннадий — талантливый архитектор. И еще добавлю — необычайно трудолюбивый, настойчивый. Для архитектора это немало. Чтобы воплотить замысел в жизнь, необходимо суметь доказать, что твой проект, твоя мечта может быть полезной, реально применимой.

Когда Геннадий представил проект, многим казалось, что для неспокойных сейсмических условий двадцать этажей — смелая мечта, не более. Автор не отступился от своей мечты, от своего детища. Не позволил, чтобы появились на свет каменные уродцы. И, как видите, сумел убедить в правильности своего первоначального решения.

Должен сказать, что в нашей республике молодым архитекторам уделяется особенно пристальное внимание. И вот почему. Архитекторы, как правило, занимаются коллективным творчеством. И в этом — определенные трудности. Но нельзя забывать, что в душе почти каждого выпускника архитектурного института живет художник. И вполне естественно, каждому молодому творческому человеку хотелось бы видеть результат своего труда. Как поэт — книжечку своих стихов, как художник — толпу, стоящую на выставке возле его картин, так и архитектор хочет видеть, например, дом не на ватмане в чертежах, дом, не запечатленный в красках, как некий памятник утраченным иллюзиям, а дом, в котором могут жить люди. И можно было бы сказать: дом, в котором ты живешь, — мои бессонные ночи, мое вдохновение...

Но от замысла до его реализации порой проходит слишком много времени. И нет гарантии, что со временем не растеряются в человеке смелость, свежест и оригинальность, которые присущи молодости.

Комсомол совместно с республиканским телевидением проводит конкурс «Наш город — нам строить». Он рассчитан специально на молодых архитекторов. Для них открывается широкая возможность воплощения неожиданных, остроумных замыслов. Сначала выбирается место в городе. Как правило, это или пустырь, или дома, предназначенные на снос. Затем определяется тема. Например, детские игровые площадки. По телевидению показывается место, называется адрес, назначается срок. Награда одна — проекту дается право на жизнь. К этому могу добавить — уже двадцать проектов внедрены в производство.

За последнее время благодаря молодым архитекторам удивительно изменился облик городов и сел нашей республики. Современность ставит перед архитекторами и художниками-монументалистами сложные проблемы. В частности — слияние архитектуры и изобразительного искусства. Ведь их синтез придаст строениям неповторимость, национальное своеобразие. И кому как не молодым предстоит решать эту задачу, претворять ее в жизнь.

Пожалуй, сейчас ни один строящийся или проектирующийся объект не обходится без участия молодых архитекторов. Так, в создании проекта комплекса крупнопанельных жилых домов и гостиниц в городе Ургееве принимали участие комсомольцы и молодые коммунисты Ебсенко, Гордеев, Исаков, Выхованко, Заярская. Они недавние выпускники архитектурного института.

— В последнее время по всей стране в больших и малых городах возникают любительские театры. Станут ли они профессиональными — не главный вопрос. Важно другое — молодые люди самых разнообразных профессий увлеченно и самоотверженно отдаются искусству. Кишинев в этом плане не исключение. Нам часто попадались написанные от руки афишки-объявления самодеятельного театра «Данко». А однажды, проходя по тихой, безлюдной улочке, мы увидели старинную церковь, у входа в которую висел огромный яркий щит с надписью: «Молодежный театр-студия «Данко».

Ребята с гордостью показывали нам внутреннее оформление церквушки «под театр»: сцену, маленький, уютный зал, примерно на сто мест, скром-

ные, скорее условные декорации. И все сделано своими руками. Сколько сил, умения, выдумки приложили студийцы для оформления театра! Шутя, что выполняют сразу две функции: приобщаются к искусству и охраняют памятники старины. Рассказывали, что некоторые студийцы перешли сюда работать, чтобы все время отдавать любимому театру. И хотя это единичные случаи, но они достойны уважения.

— С оговоркой: когда имеешь действительно большой талант. Иначе в итоге — плачевная судьба. И если произошла ошибка в смене профессии, то она может слишком дорого обойтись и человеку и обществу.

— Председатель республиканского Совета творческой молодежи Вениамин Апостол, который является главным режиссером театра имени А. С. Пушкина, отмечал высокий профессиональный уровень многих ребят студии «Данко».

— Ребята из «Данко» хорошо знают не только у нас в республике, но и во многих городах нашей страны. ЦК комсомола Молдавии направлял театр-студию в творческие командировки на БАМ, в Красноярский край, в Тюмень. Со спектаклем «Малая земля» студийцы побывали на Саяно-Шушенской ГЭС, в Минусинске, Абакане.

Думаю, известность театра в нашей республике объясняется не только броским репертуаром, но, я бы сказал, демократичностью... Сюда может прийти любой человек, который когда-либо мечтал или мечтает стать актером, здесь нет конкурса. И знаете, кто этим воспользовался в первую очередь? Родители. В театре-студии три возрастные группы: детская, подростковая, ну и, конечно, взрослая. Так вот, родители стали приводить подростков. 14—16 лет, сами знаете, — трудный возраст. Кружки при Деме пионеров для них уже не интересны, в музыкальную или художественную школу идти поздно, а увлечь надо ведь чем-то. Главный режиссер студии Борис Довженко считает, что задача любительского театра еще и в том, чтобы помогать семье и школе воспитывать подрастающее поколение. И что интересно — в студии железная дисциплина, требования самые жесткие, без поблажек и оговорок, а подростки, часто самые непослушные и избалованные, считают большой честью попасть сюда.

— Театр-студия мечтает когда-нибудь перейти на профессиональную сцену. Может быть, даже стать столичным ТЮЗом. Это стремление можно понять. Некоторые любительские коллективы настолько сильны, что порой могут даже соперничать с профессиональными...

— Как бы талантлив человек ни был, но школа, определенные законы мастерства, познаваемые только в процессе учебы, ему необходимы. Действительно, многие известные теперь у нас и за рубежом актеры — например, Мария Биешу и Тамара Чабан — пришли из самодеятельности. И довольно-таки часто некоторые самодеятельные коллективы переходят в профессиональные. Как правило, вокально-инструментальные ансамбли. Но что характерно: истинно народные коллективы, в основе которых лежит самобытная, чудесная молдавская музыка, которые словно бы хранят музыкальный фольклор в своей первозданной свежести и чистоте, не спешат переходить в профессионалы. Это и народный оркестр «Чобзнаш», вот уже более тридцати лет прославляющий народное и современное молдавское искусство, и народный ансамбль песни и танца, один из первых коллективов, удостоенный звания лауреата премии молдавского комсомола имени Бориса Главана — «Приетения». А по уровню мастерства эти коллективы смело можно назвать профессиональными.

Главное не в том, каков статус коллектива — любительский или профессиональный. Главное — постоянный творческий поиск, растущее из года в год исполнительское мастерство.

Большое развитие получило шефство профессиональных коллективов над художественной самодеятельностью предприятий, колхозов и совхозов республики. Столичный театр имени А. С. Пушкина многие годы шефствует над народным театром села Бужор Котовского района. И здесь важно не только то, что профессиональный театр оказывает помощь народному: оформлением спектаклей, реквизитом, показом основ сценического мастерства. Важно и другое — бужорский народный театр стал дружить кадрами профессиональный театр. Режиссеры от-

бирали наиболее талантливых молодежь для учебы в студии при театре, а затем приглашали работать уже на профессиональной сцене. Как видите, происходит взаимообогащение.

Хочу подчеркнуть, что театральная молодежь вообще пользуется, может быть, даже повышенным вниманием. В последнее время в республике главные театральные площадки были почти полностью отданы молодежи. Например, ни один спектакль молдавского театра оперы и балета не прошел так, чтобы не представить любителям музыки нового певца и танцора. В этом еще и заслуга мастеров сцены. Ведущие солисты театра Мария Биешу, Алла Алешина, Борис Раисов внимательно следят за поисками молодых, радуются их успехам, помогают в начинаниях. И, может быть, благодаря этому молодым не только доверяют исполнять ведущие партии в репертуаре театра, но и создаются целые молодежные спектакли. Например, большим событием стали оперы «Евгений Онегин» и «Зори здесь тихие»: в них была занята только молодежь.

— Наша редакция часто получает письма от работников клубов и Домов культуры, в которых звучит тревога: молодежь неохотно идет в клубы, предпочитая посещать дискотеки — там звучат современные ритмы, происходит знакомство с новыми эстрадными именами, а кружки и самодеятельность, мол, вызывают у парней и девушек скуку, никто их не посещает...

— Хочу вас сразу перебить. У нас в клубах и Домах культуры кружки народного танца или музыки настолько популярны среди молодежи, что нет необходимости «затаскивать» молодежь насильно, чтобы сохранить традиции национального искусства. Ведь наш народ часто называют «танцующим народом». Всему миру известен прославленный коллектив, лауреат премии Ленинского комсомола, Государственный академический ансамбль народного танца «Жок». А сколько подобных ансамблей по всей республике! Действительно, Молдавия — край танцующий. Разумеется, любят танцевать не только в Молдавии, но это характерная национальная черта, которая сразу бросается в глаза, особенно со стороны. Ни одно семейное торжество не обходится без народных танцев: зажигательных, быстрых, под цимбалы, скрипки...

Видимо, две формы — старая и новая — в досуге и организации самодеятельности должны развиваться параллельно. Но какие бы модные увлечения ни набегали волнами на молодежь, они быстро отступают, оставляя неизменными вечные формы народного искусства.

К организации же дискотек комсомол привлекает в первую очередь молодых, но уже широко известных композиторов. Сейчас настало именно то время, когда к вопросу о дискотеках комсомол подошел вплотную. Думается, без участия творческой молодежи, вернее, помощи с ее стороны, эти проблемы не решить. Ведь дискотека — это не только досуг. Это и воспитание молодежи, развитие эстетического вкуса, правильного понимания всевозможных направлений в музыке, ее стилей. К тому же дискотеки должны быть красиво оформлены, а для этого необходимо участие художников, дизайнеров. Нужно приглашать туда музыковедов, которые рассказали бы о рок- и поп-музыке, о джазе, о стиле кантри, приглашать исполнителей балетного танца.

Еще рано говорить о результатах проделанной работы в этой области — не везде она ведется эффективно. Но все чаще и чаще появляются положительные примеры. Так, в Тирасполе горком комсомола организовал дискотеку при Дворце культуры «Современник». Для оформления ее были приглашены студенты художественно-графического факультета педагогического института. Диск-жокеи, как правило, — студенты музыкального училища. А когда в Тирасполе приезжал один из самых популярных композиторов Молдавии, Евгений Дога, комсомол пригласил его выступить в дискотеке. Диск-жокеи провели с композитором своеобразное интервью. Звучала его музыка, песни, Евгений Дмитриевич рассказывал ребятам о своем творчестве, о современном направлении в музыке.

— И последний вопрос. Мы говорили об организационных и воспитательных формах работы с творческой молодежью. Но материальная помощь — я, естественно, не имею в виду только денежный ее выражение — это ведь тоже немаловажный аспект?

— Разумеется. Комсомол помог создать в крупных культурных центрах республики хозрасчетные мастерские для начинающих художников, содействовал увеличению ежегодных ассигнований на заказы и приобретения работ молодых драматургов, композиторов, добился учреждения для выпускников художественных вузов золотых и серебряных медалей с предоставлением медалистам права на стажировку у крупных мастеров.

Одновременно идет поиск новых дарований и талантов, чтобы активно вовлекать их в общественную жизнь и пропагандировать их лучшие произведения. Райкомы и горкомы комсомола совместно с Советом творческой молодежи организуют выставки молодых художников, архитекторов, мастеров прикладного искусства, а лучшие произведения рекомендуют для участия в республиканских и всесоюзных выставках. Работы многих наших молодых художников, графиков, скульпторов — назыву лишь некоторых: Мария Сака-Рэчилэ, Сергей Галбен, Михаил Статный — отмечены дипломами Союза художников СССР.

Учим мы молодых и умению выполнять конкретный социальный заказ. Допустим, строится детский клуб или детское кафе. Комсомол поручает художникам и дизайнерам оформить его. Прославились молодой рабочий или солдат своими делами — опять же комсомол шлет художника, поэта, писателя с наказом: показать в своих произведениях героев труда, будни Советской Армии. Нужно сказать, что творческая молодежь республики на самом высокохудожественном уровне выполняет эти почетные задания.

Праздничная Неделя творческой молодежи подошла к концу. В Кишиневе, в концертном зале «Октомврие», заканчивались последние приготовления к заключительному торжественному концерту. Молодые актеры, композиторы, художники, кинематографисты возвращались из городов и районных центров республики, где встречались с такими же молодыми людьми — рабочими и колхозниками, которым дарил свой талант, свое вдохновение.

А в Тирасполе, может быть, в это самое время четыре парня и одна девушка пришли на обычную репетицию своего оркестра народных инструментов «Тараф». Но Дворец культуры готовился к ремонту, комнаты с вылезавшей мебелью выглядели уныло и сиротливо, и ребята взяли скрипки под мышку, подхватили легонько, казалось, неподъемную цимбалу и спустились в парк. Солнце медленно скатывалось за деревья, когда веселая, необычайно жизнерадостная «Молдовеняска» разогнала теньку засыпавшего парка. Редкие прохожие стекались на зовущую к безудержному танцу музыку и, прильсывая, стояли поодаль, боялись подойти ближе к музыкантам, боялись спугнуть музыку. Но осторожность была излишней. Молодые музыканты были настолько увлечены мелодией, что, казалось, только эта музыка и сверкающие в лучах заката листья кружились в осеннем золотом парке.

СКОЛЬКО СИЛ, УМЕНИЯ, ВЫДУМКИ ПРИЛОЖИЛИ СТУДИЙЦЫ ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕАТРА «ДАНКО»? НАСТУПИТ ВЕЧЕР, И КАЖДЫЙ ИЗ ЭТИХ ПРЕДМЕТОВ НАЙДЕТ СВОЕ МЕСТО В ОРИГИНАЛЬНОЙ ПОСТАНОВКЕ СПЕКТАКЛЯ.

КОГДА НЕПТУН ДЫШИТ

Океан — это великий силач. Он никогда не остается в покое. День и ночь вздымается его исполинская грудь. Через определенные промежутки времени вода наступает на берег и возвращается назад. В некоторых местах земного шара высота прилива достигает 18 метров, например, в заливе Фанди (Канада). В нашей стране самые большие по высоте приливы наблюдаются на побережье Охотского моря — 13,6 метра и на берегах Белого моря — 10 метров.

Что же заставляет «дышать» океан? Это силы притяжения Луны и Солнца. Долгое время люди не знали причины возникновения приливов и отливов, хотя еще древнегреческий географ Страбон старался разгадать их тайну... Хорошо зная астрономию (уже в те времена эта наука была довольно развита), Страбон пытался связать возникновение приливных волн с движением небесных тел. В одном из трактатов он писал: «Океан образует, согласно с Луной, периоды суточный, месячный, годовой».

Однако истинная причина «рождения» приливных волн долго еще оставалась загадкой. И только Ньютон спустя полторы тысячи лет после Страбона научно обосновал теорию их возникновения как доказательство закона всемирного тяготения. Теория великого английского ученого, несмотря на некоторые поправки, внесенные учеными позднее, справедлива и поныне.

Наблюдая, как огромные массы воды несут на берег волны прилива, человек с давних пор пытался заставить океан работать на себя.

В одной из жалованных грамот Ивана Грозного Кирилло-Белозерскому монастырю на земли и угодья в Турчасовской волости на Белом море упоминается о мельнице Никиты Павлова в Усть-Золотце, а также о других мельницах, разбросанных по берегам Онежского полуострова. Хотя в тех местах высота прилива не превышала 3,5 метра, однако и этого было достаточно, чтобы вращать мельничные колеса. На Соловецких островах до сих пор сохранились остатки водяных колес лесопилки, построенной в XVI веке. В Архангельске у купца Баженина было несколько лесопилок, работавших на энергии прилива. На них распиливали бревна на доски, из которых на верфи предприимчивого купца строили корабли для петровского флота.

В Европе океан заставили работать еще раньше. Имеются сведения, что почти тысячу лет назад во Франции, Англии и Шотландии на приливной волне работало много мельниц. Одни молотили зерно, другие дробили известковый камень. С давних пор существует водяная мельница в городе Вудбридже, неподалеку от Лондона. В самой английской столице приливная волна усердно трудилась два с половиной века — с 1580 по 1830 год, — вращая большие колеса мельницы, установленной в пролетах городского моста. Одно время она даже «поила» лондонцев, приводя в движение насосную установку.

Нехитрым было устройство приливных мельниц в те времена. Жернова вертелись лишь в одну сторону, и поэтому они работали только во время отлива — на стоке воды из бассейна в море или океан. Лишь в шестидесятые годы XVIII века, после изобретения криволипастного колеса французским инженером Белидором, водяные колеса мельниц завертелись в обе стороны — они

стали работать и во время прилива и во время отлива. Новшество улучшило работу приливных мельниц, но не послужило стимулом использования энергии приливов на фабриках и заводах.

ЗАДАЧИ И ЗАГАДКИ

Но уже с начала нашего века делаются попытки «запрячь» океан в силовую упряжку современной энергетики — использовать огромную силу приливов для получения электрического тока. Ведь, по самым скромным подсчетам, энергия приливов составляет один миллиард киловатт, что в три раза превышает современную мощность всех электростанций планеты.

Изобретатели и инженеры энергично берутся за дело. Они стремятся получить от прилива непрерывную энергию. Появляются сотни различных проектов. Порой очень сложных, хотя на первый взгляд в морской энергетике все так просто: достаточно поставить на пути приливно-отливной волны турбины, подключить к ним электрические генераторы и вырабатывать электрический ток.

Но сразу же возникли трудности. И самая главная из них — неравномерность прилива, обусловленная характером взаимодействия космических сил системы Луна — Земля — Солнце.

Дважды в сутки происходит прилив и отлив, следовательно, высота прилива уменьшается до нуля, и турбины придется останавливать, пока не создастся необходимый напор воды. К тому же два раза в месяц соответственно фазам Луны будет уменьшаться сила прилива, а стало быть, мощность ПЭС, как сокращенно называют приливные электростанции. Понятно, что потребителя энергии не мог удовлетворить такой режим работы ПЭС. Четыре раза в сутки перерыв в подаче мощности и каждые последующие сутки угасание или увеличение ее в зависимости от видимости лунного диска.

И вот для преодоления этих препятствий с начала века в головах инженеров-изобретателей рождаются десятки, а затем и сотни различных проектов, многим из которых нельзя отказать в остроумии. Разделяя залив, в котором намечалось сооружение ПЭС, на два или три бассейна, они поддерживали в одном из них уровень прилива, а в другом — уровень отлива. Турбины, расположенные в плотине, разделяющей бассейны, могли работать непрерывно.

Успех казался настолько очевидным, что некоторые из этих проектов были близки к осуществлению. В 1935 году в США даже начали строить грандиозную по тем временам ПЭС Кводи мощностью 210 тысяч квт. Но через несколько месяцев строительство ее замерло, а затем навсегда остановилось. Причина — дороговизна проекта. Строительство начали за счет кредитов по борьбе с безработицей, но без необходимого экономического анализа. Когда такой анализ был сделан, эксперты вынесли проекту этой станции приговор: «Техническая возможность, но экономическое безумие».

Тогда многим казалось, что этот приговор навсегда похоронил мечту человечества о покорении приливов. Но жизнь решила иначе.

НА РОДНЫХ ПРОСТОРАХ

Еще в двадцатые годы известный строитель портов, профессор В. Е. Ляхницкий в брошюре «Синий уголь», изданной Академией наук, выдвинул идею использования приливной энергии на побережьях СССР.

Дальнейшее развитие этой идеи не только в нашей стране, но и во всем мире связано с исследованиями и прак-

Энергетика —
вчера, сегодня, завтра

ЭКО

СТО МИЛЛИОНОВ КИЛОВАТТ
НА ГРЕБНЕ ВОЛНЫ:
УЧЕНЫЕ ВСЕХ СТРАН
СОЗДАЮТ ПРОЕКТЫ ПОКОРЕНИЯ
ЭНЕРГИИ МИРОВОГО ОКЕАНА.

ЗАДАЧА

тическими работами доктора технических наук Льва Борисовича Бернштейна. Своим исследованием он доказал, что неудача довоенных зарубежных проектов заключается в том, что ни один из них не реализовал положительных качеств приливной энергии. Главное из них — неизменность среднемесячной величины прилива (а следовательно, и энергии), что очень важно для современной энергетики. Приливная электростанция может быть надежным гарантом энергосистемы, в которой работают речные гидроэлектростанции.

В современных энергосистемах электростанции должны удовлетворять запросы потребителей, определяемые ритмом жизни в городе и деревне. Когда начинается трудовой день, резко увеличивается расход электроэнергии: фабрики, заводы, мастерские, транспорт, учебные заведения — все включают агрегаты и осветительные приборы. Второй «пик» наступает вечером — вечерняя смена на предприятиях, телевизоры, освещение, бытовые приборы... А когда ночь опустится на землю, наступает спад потребления электроэнергии.

Тепловые электростанции, которые несут основную нагрузку, наиболее экономично и качественно работают при равномерной эксплуатации в течение суток. Отсюда становится очевидным, что необходимо обеспечить такое сочетание различных электростанций, при котором они бы гармонично дополняли друг друга.

Тепловые станции, нуждаясь в равномерной работе, требуют от совместно действующих речных и приливных, чтобы те обеспечивали «пиковые» нагрузки. Для ПЭС эта задача состоит в том, чтобы совместить волны приливной энергии с волнами потребления. В работах Л. Б. Бернштейна было доказано, что задача эта может быть решена с помощью современной турбины, которая, превращаясь в насос во время слабого потребления энергии, например, ночью, использует свободную мощность тепловых станций для закачивания морской воды в бассейны ПЭС. В часы «пикового» потребления энергии эта вода возвращается в море, приводя в движение гидрогенератор. Но как же быть в дни новолуния и ущерба Луны, когда мощность ПЭС падает? Здесь на помощь должны прийти речные гидроэлектростанции, у которых имеются крупные водохранилища. Когда у ПЭС полный набор воды, гидроэлектростанция сокращает выработку электроэнергии, а речная вода, сэкономленная за счет приливной волны, накапливается в водохранилище.

Так родилась советская концепция о гармоничном использовании приливных электростанций в комплексе современных могучих энергосистем, в которых экономично сочетаются станции различных типов, взаимно дополняя друг друга. Понятно, что в таких комплексах приливная энергия больше не нуждается в дорогостоящих многобассейновых установках, авторы которых очень дорогой ценой предлагали получить от пульсирующей приливной волны непрерывную мощность, но не смогли преодолеть ее внутримесячную неравномерность.

ПРИЛИВНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ РАНС

Когда-то Ньютон сказал, что одинаковые мысли зреют в головах ученых и падают, как спелые яблоки с разных деревьев. Примерно в то же время, что и Бернштейн, проект подобной приливной станции разработали французские специалисты. В 1967 году во Франции вступила в строй ПЭС Ранс мощностью 240 тысяч киловатт. Ее двадцать четыре агрегата, превращаясь время от времени в насосы, трансформируют энергию из «лунного времени» в «солнечное». Но, добившись реализации этой прекрасной идеи, французские специ-

алисты не смогли преодолеть барьер эффективности: станция оказалась в три раза дороже речной. Возможно, поэтому интерес к приливной энергии в те же годы несколько угас. И тогда эстафету подхватили советские специалисты.

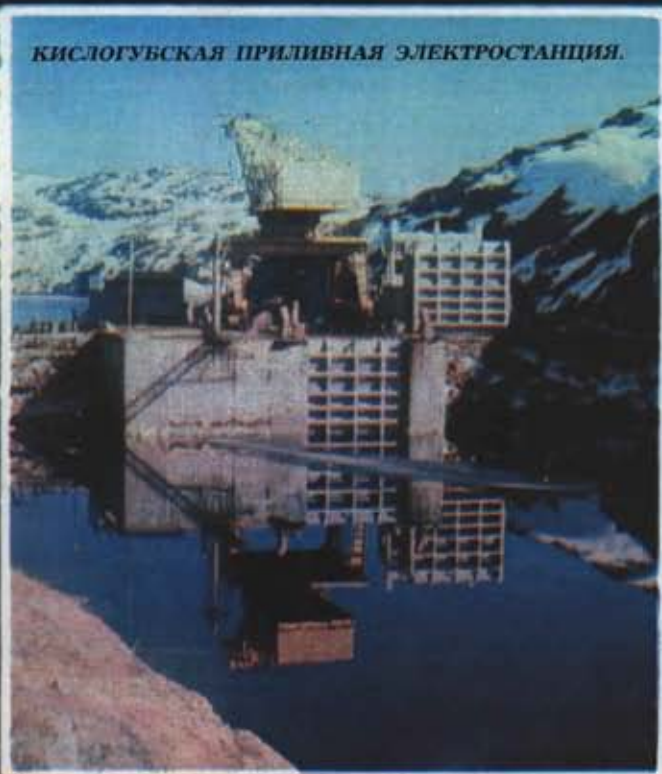
«МАЛЕНЬКАЯ СТАНЦИЯ, РОДИВШАЯ БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»

Именно под таким девизом демонстрировался макет Кислогубской ПЭС на Всемирной выставке «Океан-75» в Японии. Чем же объяснить, что сообщение о строительстве маленькой Кислогубской ПЭС мощностью всего 400 киловатт, построенной год спустя после французской станции Ранс, буквально облетело все технические журналы мира и вызвало большой интерес специалистов? Дело в том, что, изучая французский опыт в поисках путей снижения стоимости сооружения ПЭС, советские специалисты обратили внимание на главную причину ее дороговизны. Ею явились перемишки, огораживающие котлован, в котором строилась электростанция. Л. Б. Бернштейн предложил облегченную конструкцию здания ПЭС, которое можно построить в обычном доке в благоприятных условиях и в готовом виде вместе с оборудованием доставить на место. Это избавляет строителей от возведения временных и чрезвычайно дорогих перемишек, подверженных к тому же воздействию морской стихии. Такой способ особенно важен для нашей страны, где створы возможного строительства станций расположены в труднодоступных районах с суровым климатом. Вообще наплавной способ строительства морских сооружений известен давно. Но вот гидроэлектростанции, здания которых выполняются из массивных элементов, так еще никто не строил. Поэтому было решено возвести подобное сооружение в небольшом масштабе, скорее в виде опыта. Для него выбрали красивую губу Кислая, расположенную на побережье Баренцева моря, в шестидесяти милях от Мурманска. Опыт оказался многообещающим. Двенадцать лет успешной эксплуатации кислогубской установки и позволили приступить к работе над проектами сверхмощных ПЭС на берегах Белого и Охотского морей. Речь идет в первую очередь о Мезенской ПЭС, плотина которой длиной 86 километров отсекает мелководную часть залива. Несколько сот агрегатов, расположенных в ней, дадут в объединенную энергосистему Центра 10 миллионов киловатт. Кроме того, регулирование прилива значительно улучшит условия судоходства и уменьшит деформацию берегов. В Охотском море может быть сооружена ПЭС в Тугурском заливе примерно такой же мощности. А затем настанет очередь грандиозной приливной электростанции в Пенжинском заливе, мощность которой может составить 100 миллионов киловатт. Для сравнения надо напомнить, что мощность крупнейшей в мире Саяно-Шушенской ГЭС составляет 6,4 млн. квт.

Понятно, что переход от маленькой Кислогубской станции к таким гигантам требует тщательной проработки и решения ряда научно-технических задач. Если наплавной блок Кислогубской ПЭС имел размеры $36 \times 15 \times 18$ метров, то многоярусный блок Пенжинской ПЭС будет иметь размеры $85 \times 60 \times 70$ метров.

Такие наплавные сооружения под силу современной технике, и все же в качестве своеобразной репетиции создатели приливных станций разработали проект установки стометровых опор перехода высоковольтной линии через Кавовское море на наплавных фундаментах. Проект был успешно осуществлен. И эта «репетиция» показала, что строителям под силу сооружение мощных наплавных электростанций.

Для кардинального снижения стоимо-

КИСЛОГУБСКАЯ ПРИЛИВНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ.

сти дамбу, отсекающую бассейны ПЭС, предлагается соорудить с помощью серий концентрированных взрывов, которые и поднимут вверх морское дно. Нужно также модифицировать и приливный гидроагрегат. Для решения всех этих задач разрабатывается проект Лумбовской ПЭС, которая может быть построена отсечением одноименного залива в восточной части Кольского полуострова. Мощность этой станции 300 тысяч квт.

Советский метод строительства ПЭС положен в основу современных проектов сооружений приливных электростанций в Канаде и в других странах. Под воздействием энергетического кризиса, а также новых технических решений, осуществленных на Кислогубской ПЭС в СССР (наплавная конструкция) и станции Ранс во Франции (приливный гидроагрегат), в Канаде сейчас проектированы мощные однобассейновые ПЭС, две из которых (в заливе Камберленд мощностью 1 млн. квт и в заливе Коубквид мощностью 4 млн. квт) намечается построить в скором будущем. Подобные мощные приливные электростанции проектируются сейчас в Англии, Австралии, Аргентине, Индии и других странах.

В каждом из этих проектов широко использованы достижения советских ученых.

КЛАДОВАЯ ПУЧИНЫ

Наряду с использованием энергии прилива ученые и изобретатели в разных странах мира ищут другие способы отобрать у океана хоть частицу его титанической мощи, например, использовать энергию ветровых волн. Советский инженер Сидоренко сконструировал плавающую турбину. Металлический спиральный цилиндр при волнении моря вращается в ту или иную сторону. 14 соединенных вместе таких турбин вырабатывают в сутки 15 тысяч киловатт-часов электроэнергии.

Английские энергетики предлагают погрузить у западных берегов Британии на десятиметровую глубину километровый железобетонный цилиндр, внутри которого 40 турбин под действием волн будут вращать свои лопасти.

В водах Мексиканского залива на глубине 15 метров была установлена и успешно работала капсула турбины диаметром 1 метр, являющаяся моделью установки, предложенной профессором Новогоорлеанского университета В. Мугоном. Его установку мощностью 10 млн. квт и длиной 60 км(!) предполагается поставить на глубине 30 метров.

Аналогичный проект подводной станции для извлечения поглощаемой океаном солнечной энергии разработали сотрудники Массачусетского университета.

Японские специалисты предлагают и уже испытывают плавающие электростанции, используя для этого отслужившие свой срок суда. Гидроэлектродвигатели на таких установках по своей конструкции напоминают ветродвигатели. Главная сложность подобных станций заключается в необходимости устройства колес весьма большого диаметра. Так, например, для использования энергии приливных течений в Англии был разработан проект ротора диаметром 100 метров. При скорости приливного течения 2 метра в секунду этот гигантский ротор мог бы иметь мощность 10 мвт.

По мнению американских специалистов, только участок Гольфстрима у берегов США, если бы удалось полностью использовать его тепло, мог бы дать энергии в 75 раз больше всей потребности в ней страны в 1980 году. Разумеется, пока еще нельзя построить такую электростанцию. Необходимо решить множество важных технологических и транспортных проблем, связан-

ных с подобным строительством. Существуют и сложные экономические проблемы. А они-то в первую очередь решают все дело.

Для теплых морей источником электроэнергии может стать разница в температурах верхних и нижних слоев морской воды. По законам физики при уменьшении давления быстрее закипает вода и происходит образование пара, который будет вращать турбину с большей скоростью.

Использовать разницу температур в море для выработки энергии впервые предложили ровно 100 лет назад, в 1881 году. Это сделал французский физик Жак д'Арсонваль. Но путь от идеи к практическому воплощению был в те времена куда дольше, чем ныне.

Первая экспериментальная станция была создана учеником д'Арсонваля Ж. Клодом лишь полвека спустя, в 1930 году. Станция, построенная в заливе Матанзас на Кубе, имела мощность всего 22 квт и просуществовала всегонавсего полмесяца—за этот срок она была полностью выведена из строя прибоем. За эти две недели, как нетрудно подсчитать, станция Клода могла выработать не более 15 тыс. квт/ч электроэнергии—жители лишь одного современного многоквартирного дома расходуют за месяц примерно столько же.

Начало, что и говорить, скромное. Но уже в эту первую экспериментальную станцию были заложены многие принципы, которые позволяют ныне ученым и инженерам разрабатывать проекты громадных плавающих электростанций мощностью в 100 мвт и выше.

Пресловутый нефтяной кризис, постоянно угрожающий многим промышленно развитым государствам, заставляет специалистов обращать взгляды к новым, нетрадиционным источникам энергии. На программу ОТЕК (по первым буквам английских слов, означающих «преобразование тепловой энергии океана») США расходуют сейчас в год десятки миллионов долларов. Аналогичные работы ведутся и в других странах, в частности во Франции и Японии.

Каким образом будут станции ОТЕК превращать ласковое тепло океанских вод в послушное человеку электричество? Есть несколько путей. Можно использовать и прямое термоэлектрическое преобразование с помощью затопленных полупроводниковых батарей (совсем как в фантастическом романе Адамова «Тайна двух океанов»).

Расчеты показывают, что такой метод позволяет получить с каждого квадратного километра океана столько же электричества, сколько дают десять мощных современных атомных электростанций. Но более перспективен термомеханический способ преобразования энергии: тепло нагревает и испаряет рабочую жидкость, образовавшийся пар приводит в движение специальные турбогенераторы, а затем охлаждается и снова превращается в жидкость.

Именно так работала и самая первая станция Ж. Клода. Она была основана на простейшем цикле, использующем в качестве рабочей жидкости непосредственно морскую воду. Теплая вода подавалась с поверхности моря в испаритель низкого давления, где превращалась в пар, вращавший турбину. Этот пар охлаждался затем холодной водой с глубины, и отработанная вода сбрасывалась в море. Рабочая жидкость приходит и уходит, поэтому такой цикл называют открытым.

Важным преимуществом открытого цикла является то, что при его использовании, помимо электроэнергии, вырабатывается много пресной воды—вовсе не обязательно выбрасывать ее в море, как это делал Клод, она может найти другое, более полезное применение. На Земле ведь немало мест, где пресная вода—это дефицит, и особенно много их именно в прибрежных районах.

Тем не менее гораздо более эффективным для энергетики является замкнутый цикл. В качестве рабочей жидкости в такой системе применяются аммиак или пропан. Рабочая жидкость циркулирует в замкнутом контуре: нагревается теплой водой в испарителе, вращает турбину, а затем снова сжимается в конденсаторе, охлаждаемая холодной водой, подаваемой насосами с глубины порядка километра.

Первые относительно скромные по размерам экспериментальные станции ОТЕК вступают в строй в самые ближайшие годы. Но, чтобы стать настоящими производителями энергии, таким станциям необходимо основательно «подрасти».

Широко известна, например, станция, предложенная компанией «Локхид». Это настоящий плавающий остров водоизмещением 230 тыс. т. Над водой выступает лишь «верхушка айсберга»—цилиндрическая надстройка диаметром 20 м, а подводная часть (диаметр центрального сердечника 75 м) уходит далеко в глубину. Но еще дальше—на километр вниз—тянется труба (ее диаметр около 30 м) для забора холодной воды.

Пройдет, по-видимому, совсем немного времени, и такие станции станут привычной деталью на фотографиях пейзажей южных морей—наряду с зелеными пальмами и белыми пляжами коралловых островов. Во многих случаях связь между ними будет вполне материальной: подводные кабели свяжут станции с берегом. Но как быть, когда берега далеко? Ведь мало добыть энергию—ее надо как-то использовать...

Станции ОТЕК, расположенные в открытом море, станут, скорее всего, настоящими плавающими фабриками, вырабатывающими аммиак, алюминий и другие продукты, производство которых требует большого количества энергии. Именно эти продукты и будут перевозиться на Большую землю. Другая возможность—это производство водорода, того самого водорода, который, по многим прогнозам, не в таком уж далеком будущем станет работать в двигателях внутреннего сгорания, заменив собою дефицитную нефть. Ведь, если есть электричество и сколько угодно воды—а такая ситуация типична для станций ОТЕК,—водород можно добывать с помощью самого обычного электролиза. И легко представить себе армады рыболовных, грузовых и пассажирских судов с водородными двигателями, заправляющиеся у плавающего острова, в буквальном смысле черпающего энергию из океана. А излишки газа наполняются оболочки громадных воздушных шаров, которые вереницами буксируются на материк дирижаблями...

Технически возможно строить гидротермальные электрические станции и в районах Мирового океана с меньшим перепадом температур, даже в арктических морях. Для этого конструкторы должны лишь создать агрегаты, которые смогут работать при перепаде температур 10 градусов (в южных морях перепад 20—25 градусов). Ввиду небольшой разницы температур в глубинном и поверхностном слоях в морях, омывающих берега СССР, создание таких установок рассматривается с использованием солнечной энергии.

Гидротермальные электрические станции будут не только вырабатывать электроэнергию, они смогут также способствовать развитию жизни в океане. Отработанные глубинные воды, попадая обратно, внесут питательные вещества. За счет подобных «удобрений» увеличится количество фито- и зоопланктона—основного корма рыб и многих живых существ, обитающих в царстве Нептуна.

Человек XXI века превратит океан в неиссякаемый источник энергии, не загрязняющий природную среду, то есть наш дом, нашу планету.

Итоги заочной читательской
лестницы «Смена»-81»

о традиции в конце года редакция «Смены» обращается к читателям с просьбой высказать свое мнение о содержании и оформлении журнала, назвать интересные и офорыленные проблемы, подсказать редакцию адреса героев для будущих выступлений в журнале.

Редакция получила сотни ответов-пожеланий от читателей, как сделать нашу «Смену» интереснее, острее, действеннее. Заочная читательская лоточка состоялась и, как всегда, оказалась деловой и плодотворной. Результаты опроса были тщательно изучены, обсуждены на редколлегии, а наиболее ценные замечания и предложения учтены в тематических планах отделов и в работе редакции в целом на 1981 год.

Отрадно отметить, что общий уровень читательского разговора с редакцией оказался в этом году выше, чем в предыдущие годы, по своей гражданской направленности, деловитости, страстной заинтересованности не только в том, как сделать лучше «Смену», но как через нее и с ее помощью активнее вмешиваться в жизнь, исправлять недостатки на производстве, в быту, в себе самом, наконец. Подавляющее большинство авторов анкет — люди, по-настоящему активные в жизни, с разносторонними интересами.

Вообще следует отметить возрастающий интеллектуальный уровень современной молодежи, ее боевистость, критический ум, политическую зоркость. Конечно, главный наш читатель, что подтверждает и анкетирование, — рабочая и учащаяся молодежь. Какие же темы, поднятые «Сменой» в прошлом году, привлекали ее внимание?

Прежде всего, цитируя материалы отдела рабочей молодежи «Коллективный критический анализ: работа в тиготы, работа в радость», подынявший разговор о передовом опыте, о трудовой дисциплине, о совести как экономической категории, о бригаде как образе жизни. Эти вопросы очень важны, — пишет в анкете В. Филимонов из Калининграда Московской области, — рассказывайте о бригадной оплате труда, о калужском варианте». Читатель Борис Глазунов двадцати одного года, кинотехник из г. Дерзавинска Тургайской области, оценивает как лучшие материалы года блок статей «Профессионализм: квалификация плюс ответственность». Пожелавший остаться неизвестным двадцатидевятилетний шофер из Целиноградской области на вопрос анкеты: «Какие из материалов под рубрикой «Коллективный критический анализ» оказали вам помощь в повседневной работе?» — ответил: «Письмо Э. Малюкова в № 5 «Смены». «Все начинается с дисциплины». На просьбу редакции: какие новые проблемы следует поднять в 1981 году, — многие читатели, в том числе Д. Чулко из Майкопа, написали: «Важными вопросами остаются: жилищные, пьянство, плохая трудовая дисциплина, а также проблема жилья и детских садов».

Труд определяет жизненный путь человека, создает ежедневный тонус, настроение, особенно человека молодого, поэтому отношение к труду — проблема всегда актуальная, горячая. «Проблема номер один — удальствость трудом, — пишет в анкете Александр К., двадцатисемилетний преподаватель института из Пензы, — но как ее достичь, — вот тема для выступления «Смены». «Создайте в «Смене» клуб «Золотые руки» или «Мастерскую рационализаторской мысли», — предлагает один из читателей.

Освещение деятельности Ленинского комсомола по коммунистическому воспитанию молодежи было основным направлением работы одного из ведущих отделов редакции — отдела коммунистического воспитания. «Чаще рассказывайте молодежи о жизни вождя революции и создателя Советского государства, о нашем дорогом Владимире Ильиче Ленине, — он навсегда для нас останется прекрасным образом Человека с большой буквы», — предлагает редакция читатель А. Филинов из Иркутска.

Отдел продолжает публиковать материалы о том, как сегодня заветы Ленина претворяются в жизнь. Л. Марков из Ростова-на-Дону пишет: «Не перестаю восхищаться делами и жизнью старых коммунистов. Вся их жизнь — великий пример, ориентир для нас». О соратниках В. И. Ленина просит рассказать студентка А. Мудрая из Кременчуга.

Главная задача партийной советской печати — утверждение норм и принципов коммунистической морали, борьба с антиобщественными поступками — пьянством, хулиганством, равнодушием, эгоизмом, стремлением отдельных людей получать от общества больше, чем давать. Борьбе с подобным рода недостатками и будут посвящены публикуемые «Сменой» проблемные материалы о том, как выработать в каждом молодом человеке активную жизненную позицию борца за комму-

низм. В анкете редакция обратилась к читателям с вопросом: «Каковы, по вашему мнению, наиболее эффективные формы и методы решения этой задачи?» и попросила рассказать о своих друзьях и знакомых, чья активная жизненная позиция служит образцом для подражания.

Интересно, что почти в каждой анкете названо имя такого человека: значит, у каждого из нас есть свой достижимый, вполне реальный жизненный идеал, то есть человек, который, зная об этом или не зная, сознательно или бессознательно помогает другому стать подобным себе, — стать лучше, сильнее, умнее. Человек молодой очень чутко видит людей и отбирает из них себе в духовные «поводыри» достойнейшего. Может быть, не каждый из названных может стать героем очерка для «Смены», образцом для широкого круга, но надо быть благодарным каждому из названных в анкете уже за то, что он стал образцом хотя бы для одного человека.

«Моя мама, — пишет нам студентка Светлана Крупнова из г. Тольятти, — для меня образец во всем: у нее есть чувство ответственности, она всесторонне образованна». «Моя учительница Анна Ефимовна Репкина — человек, на которого я хочу быть похожей», — утверждает другая студентка, Ирина Пискун из Тюмени. Тринадцатилетний школьник из Брянска Алексей Смирнов взял за образец своего старшего брата: тот уже закончил школу, отслужил в армии и учится в педагогическом институте.

Семья, школа, товарищи по труду, по общественной работе — широк круг общения молодежи. «Наш комсорг Светлана Иванова служит мне образцом в жизни: она очень добрый, отзывчивый человек», — рассказала Ольга Петрова, учащаяся СГПУ № 245 из г. Сланцы.

Но есть еще скептики и даже шники, не желающие вдуматься в сущность и справедливость основ коммунистического воспитания. Таков Михаил А., 25-летний инженер-механик из Вильноса, написавший: «Что такое активная жизненная позиция? Выдуманная абстракция, которой в действительности нет».

Помочь молодому человеку выработать активную жизненную позицию призван комсомол. Задача комсомольского издания состоит в том, чтобы найти и распространить опыт работы лучших комсомольских организаций и передовых комсоргов. Как раз об этом нас просят в анкетах многие читатели, в частности, студентка Светлана Крупнова. Молодой преподаватель из Перми (фамилия не указана) предлагает «Смене» устроить встречу за «круглым столом» кадровых партийных и комсомольских работников с рабочими заводами. «Нам нужны материалы о настоящих, достойных комсомольцах», — требуют от «Смены» Л. Ничепорук из Свердловска и В. Кузьмин из Москвы. «Как правильно распределить время комсомольскому активисту?» — спрашивает редакция студент французского политэкономического института Байбосун Мамыралиев. Несколько дельных предложений высказал в анкете один из читателей: «Проведите рейд по комсомольским организациям, хорошим и плохим, и организуйте диспут по результатам рейда; опубликуйте рассказы ветеранов-коммунистов, представителей старших поколений, которые поделились бы с молодежью своим опытом, рассказали бы о смысле жизни, о значении их жизни для других, нужно повысить комсомольскую сознательность, чтобы каждый болей душой за порученное дело; нужно повысить ответственность за звание комсомольца, за комсомольскую организацию, за комсомольской значок; активизировать отношение молодежи к делам своего предприятия, города, страны». Какой горячей, заинтересованный человек стоит за этими строчками!

Прошедшая в прошлом году дискуссия «Что значит — порядочный человек?», остропроблемные материалы «Бесстыдство», «Кошунство», «Кушала доброты», где поднимались вопросы воспитания молодого человека, вызвали бурную читательскую почту. Судя по откликам, темы морали, нравственности, решаемые в конфликтных психологических ситуациях, всегда представляют живой интерес для молодежи. «Смена» продолжит публикацию материалов подобного рода.

Читатель справедливо чувствует себя соавтором журнала, заинтересованным другом, видя на его страницах многочисленные публикации писем. Для нашей постоянной дискуссионной рубрики «Прошу слова!» читатели предлагают новые темы, например, «Иждивенчество, как с ним бороться», «Процентомания: причины появления», «Молодой специалист и отвлеченность административной», «Пьянство среди молодежи и его последствия». Петр Лавров 24-х лет из Железногорска Курской области

хочет обсудить причины низкой культуры обслуживания в кинотеатрах, в магазинах, ателье.

Даже простое перечисление предлагаемых читателями тем говорит о возросшей социальной активности советской молодежи.

Чрезвычайно широки и научные интересы нашей юношества.

С удовлетворением прочтала в редакции анкету Димы К., девятнадцатилетнего токаря-расточника из Ижевска. Молодой рабочий увлечен вопросами генетики, кибернетики, робототехники, просит редакцию рассказать о поэте Евгении Баратынском, спрашивает об организации дискотек. Двадцатипятилетний слесарь Михаил К. из Пскова более всего интересуется философией; семнадцатилетний учащийся из Муромы Алексей Ларин предлагает «Смене» обсудить последние достижения в области астрономии, космонавтики, медицины. Во многих анкетах — просьбы читателей рассказать о последних достижениях в области биологии, химии, физики, о творческом наследии академика Н. В. Цицина; о новых открытиях в археологии академика Б. А. Рыбакова; о новых направлениях в бионике, биохимии, квантовой электронике.

Редакция учтет эти пожелания в своих планах, уделив особое внимание пропаганде достижений советской науки и техники, внедрению научных разработок в народное хозяйство, участию комсомольцев и молодежи в научно-исследовательских работах. Тематика многих выступлений будет посвящена работам советских биологов, успехи которых признаны в мировой науке.

Наш читатель заинтересованно относится к международным проблемам. Под рубрикой «Мир капитала» будут опубликованы очерки и статьи, анализирующие процессы внутри буржуазного общества, в которых отражены распад и крушение ценностных ориентиров пресловутого западного образа жизни, идейный и нравственный кризис общества без будущего. По многочисленным просьбам читателей известные журналисты-международники расскажут о жизни и проблемах молодого поколения планеты.

«Смена» — журнал не только общественно-политический, но и литературно-художественный. Добрую славу среди читателей завоевали традиционные рубрики «Этюды о художниках», «Молодые мастера искусства», «Конкурс одного стихотворения». Конечно, все эти рубрики продолжают работу. Открытый в прошлом году клуб «Музыка с тобой» вызвал большой интерес у молодежи. Задача клуба — пропаганда современной эстрадной музыки наряду с музыкой классической и народной. Участники и авторы клуба расскажут о работе молодежных дискотек, о зарубежных ансамблях. При обсуждении острых проблем будут широко печататься читательские письма.

Прошлый, олимпийский, год вызвал у читателей повышенный интерес к проблемам спорта. Читатели хотят узнать «секреты» блестящих побед наших спортсменов на Олимпиаде, просит подробно рассказать об их жизни, учебе, тренировках, а главное, об их взглядах на жизнь, их характерах, о том, как спорт формирует личность человека. Многие читатели интересуют не успехи отдельных спортсменов, а массовый молодежный спорт. Один из читателей просит опубликовать индивидуальную программу здоровья, по которой должен был бы заниматься каждый молодой человек. Он спрашивает о том, каким спортивным инвентарем и оборудованием можно пользоваться дома; как лучше наладить работу спортивного сектора в комсомольской организации. А вот какие темы предложили «Смене» тренер по боксу из пос. Кара-Балты Киргизской ССР двадцатитрехлетний Анатолий Терновой. «Спорт и физиология неразделимы; что нового в физиологии спорта?». И еще: «Трудные подростки и спорт». В нынешнем году будут продолжены традиционные шахматные олимпиада и конкурс, к еще тысячам читателей «Смена» присвоит спортивные разряды.

Тем, кто хочет путешествовать и, читая «Смену», побывать в самых красивых и интересных местах нашей необъятной Родины, мы предлагаем материалы рубрики «Красота родной земли», «Молодые города», «Жемчужины отечественной культуры».

А кто хочет проверить свою эрудицию и в сражении с сильнейшими «игроками» получить приз — книги и альбомы, тех мы приглашаем к участию в Конкурсе эрудитов.

Итак, лоточка проведена. Читатель высказал свое мнение о журнале, предложил новые темы, адреса героев. А редакция еще раз почувствовала интерес читателей к журналу, уточнила свои планы.

Редколлегия выражает благодарность всем принявшим участие в лоточке «Смена»-81.

Редколлегия

и всю свою страну. О странствиях Василия Шилова известно немного. В историю русской географии он вошел своей картой, за которую Екатерина II и пожаловала его медалью. Карта Шилова явилась негладким ответом на беспокойство великого Ломоносова. Дошедшие до ученых сведения о местонахождении тихоокеанских островов грозили повлиять на изменение маршрута экспедиции, снаряженной по его настоянию. Спешно посланный Адмиралтейств-коллегией курьер, мчавший на перекладных в Сибирь, вез тогда сообщение сибирскому губернатору о необходимости получить новейшие известия от промышленников, бывавших на островах. Шилов появился в Петербурге и заслушан был Адмиралтейств-коллегией только через три года — достаточно малый срок, если вспомнить тогдашние дороги и безоглядные дали, откуда он сумел вернуться.

Современный историк А. Алексеев,

подошло к острову Атту, выяснилось, что три российских купца уже торговали здесь, промышляли да приводили в российское подданство алеутов с Атту. А через три года, вновь вернувшись к тому же Атту, Толстых взял на борт, чтобы помочь их возвращению на Камчатку, еще двух устюжан да посадского из Тотмы с крестьянином из Сольвычегодска, близких соседей устюжан по Вологодской и Архангельской землям.

В пору воскликнуть: да что же это за народ жил в Устюге Великом! Хроники и летописи сохранили имена знаменитых купцов и промышленников, а сколько их, безвестных крестьян, растворилось по всей Сибири, Камчатке, Аляске? Любой, даже мало сведущий в истории, непременно вспомнит Дежнева, Атласова, Хабарова, а кроме них, из Устюга вышли приказчик Российско-Американской компании Коробицын, обошедший землю с Крузенштерном и Лисянским, Михаил Неводчиков, оставивший свое

Олег ДЗЮБА. Фото автора

Устюг Великий

Давным-давно не топили эту печь. Давным-давно никто не грел ладони, прислонив их к зеленому, гладкому, по моде, завезенной царем Петром из Голландии, изразцам. До сих пор не потушила глазурь.

В трехэтажном каменном особняке, построенном купцом Василием Шиловым два столетия назад, теперь детский сад. Юные устюжане радостно галдели за стеной, а воспитательница, заглянув в директорский кабинет, спросила: «Печку посмотреть?» Видно, не раз и не два художники, реставраторы и просто любопытные туристы, которых неисчислимо множество бродит по русскому

Северу, приходили сюда полюбоваться редкостными изразцами.

Я вышел на слякотную осеннюю улицу. Суетливо моросил дождь. Мокрые стены дома белели особенно ярко. Было заметно, где лепные украшения, дошедшие со времен строительства, переходили в свежие, восстановленные реставраторами. Шиловский особняк внесен в перечень архитектурных памятников Великого Устюга. Но не затем только пришел я к нему, чтобы полюбоваться на памятник русского городского зодчества. В доме этом некогда доживал свой век в довольстве и покое один из тех устюжан, кто без усталости блуждал «в полунощной стороне», открывал новые земли, славил свой Устюг Великий

проследивший маршруты многих мореплавателей той поры, пишет, что плавание свои Шилов начал с Камчатки, став компаньоном селенгинского купца Андреяна Толстых. Еще до встречи с Шиловым Толстых ориентировался среди Алеутских островов едва ли не как бывалый лесовик в тайге. Впрочем, как иначе было вести торговлю среди диких берегов. Таинственность, окружавшая их координаты для европейских картографов, давно развеялась за парусами русских промышленников. Одной только детали достаточно, чтобы представить размах их плаваний. Когда суденышко Толстых «Св. Андреян и Наталия» после множества приключений, крушения у острова Беринга, зимовки

имя на карте Камчатки, Никита Шалауров и Иван Бахов, отчаянные смельчаки, спускавшиеся к Ледовитому океану по Лене, а потом из устья Яны, пытавшиеся отыскать Северо-Восточный проход...

И если имя Василия Шилова связано с именем Ломоносова, то подвиги Бахова и Шалаурова, возможно, были известны Пушкину. В экспедиции Фердинанда Врангеля участвовал мичман Федор Матюшкин. В наши дни о нем чаще всего вспоминают как о лицейском товарище Пушкина, хотя судьба его и без того незаурядна. Единственный из лицейских ставший моряком, он под началом прославленного мореплавателя Василия Михайловича Головина совершает

кругосветное путешествие на шлюпе «Камчатка».

Помните у Пушкина: «Счастливейший путь. С лицейского порога ты на корабль перешагнул шутя...» Да простят мне пушкинисты мое предположение, но как не представить себе, что в какую-либо из встреч с поэтом Мятюшкин рассказал Пушкину о Камчатке, о других своих плаваниях? Нет ли здесь одной из причин, побудивших Пушкина за несколько дней до трагической дуэли, когда дни его были уже сочтены, прочесть и оставить подробнейший конспект «Описания земли Камчатки» Степана Крашенинникова? Нет ли отголосков странствий и этих смельчаков в строках из пушкинского конспекта: «Камчатка — страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанно обвывают ее. Снега не тают на высоких вершинах...»?

Слава устюжан-землепроходцев, устюжан-мореплавателей, суждена была городу еще со времен новгородских ушкуйников, с которых и начи-

нался Устюг восемьсот с немалым лет назад. Но здесь мне придется немого отвлечься, вспомнить древний герб Великого Устюга.

Описание его, составленное в семнадцатом столетии, гласит: «В зеленом поле лежащий на берегу Нептун, увенчанный лавровым венком, держащий в обеих руках красные кувшины, из которых льется вода». Смысл устюжской геральдики прозрачен. Струи из кувшинов символизируют Сухону и Юг. Само название города произошло от слов «устье Юга». «Великим» город прозвали позднее, когда, оказавшись на перекрестке торговых путей между Архангельском и Москвой, Устюг расцвел, прославился и за морями. Мне показывали Немчинов ручей — место, где велились иноземные купцы. Пожалуй, ни одна из уцелевших до наших дней старинных карт Московии не обходит город. Иностранцы картографы, будь то Антоний Дженнинсон, доставлявший английской королеве письма Ивана Грозного, будь то Гийом Делпиль, будь то Гессаль Геритс, не забывают отметить Устюг. И не мудрено, ибо иные из них, самолично побывавшие в Московии, просто не могли миновать города, добравшись в Москву из Архангельска, другие, составив

шие карты понаслышке, видно, многое знали о нем от других путешественников.

В конце восемнадцатого века в Устюге Великом поселился штаб-лекарь Яков Фриз. Лекарь считался корреспондентом Российской Академии наук и вел записки, известные ныне как его «Летопись». Первым рассказал читателю о «Летописи» Фриза писатель Сергей Марков, обнаруживший ее в тридцатые годы. Я много слышал об этой рукописи и вот в запасниках великоустюжского краеведческого музея смог наконец взять ее в руки. Я не ждал открытий, отрывки из «Летописи» Фриза не раз публиковались, но как было избежать волнения, найдя строки: «...По именному ж царскому повелению отосланы были на казенных подводах из Вологды, из Тотмы, из Устюга и Сольвычегодска до Тобольска 500 человек мужчин для сочетания с тамошними российскими казаками и стрельцами, живущими в Сибири, для подкрепления вновь завоеванных мест».

Среди этих пятисот вольных, гулящих, как говорили тогда, людей, поступивших на государеву службу, был и будущий казачий атаман двадцатипятилетний Семейка Дежнев.

Покидающие родной город, кто на долгие годы, а кто и навсегда, «государевы люди» спускались по крутой лестнице к реке Сухоне. Лестницы той давно уже нет. На месте деревянной церкви, помнившей Дежнева, позднее была поставлена каменная. Церковь реставрируют, близко к ней не подойти. Зато можно постоять неподалеку, где к Сухоне ведет добротный асфальтированный спуск, по которому подъезжают к пристани, к паромной переправе на другую сторону реки.

На набережной Сухоны местный скульптор воздвиг славный памятник землепроходцам. Это солнечные часы, сооруженные, как гласит надпись, в честь устюжан — путешественников

прошлого, настоящего и будущего. На острие шеста, тень которого падает на нужную цифру в солнечные дни, укреплен корабельный штурвал. С этого великоустюжского времени начинались многие дороги «встреч солнцу».

«...И носило меня, Семейку, по морю после Покрова Богородицы всюду неволею и выбросило на берег... за Анандыр реку; а было нас на коче двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами себе пути не знаем, холодны и голодны, наги и босы, а шел я, бедной Семейка, с товарищами и до Анандыры реки ровно десять недель, и попали мы на Анандыру реку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы бедные врознь разбрелись...» — отписывал Дежнев о своем походе якутскому воеводе.

В Устюге — солнечные часы, а на берегу пролива, открытого Дежневым, но прозванного Беринговым, стоит ныне памятник-маяк. Этим проливом доводилось сорок лет назад проплывать геологу Ивану Паисьевичу Атласову, потомку другого знаменитого устюжанина, открывателя Камчатки. Мне посчастливилось однажды встретиться с ним в Ленинграде. Иван Паисьевич, уважаемый профессор Арктического и Антарктического института, рассказывал мне о семейных преданиях, о том, как его дед волею дорожных судеб помогал в Сибири писателю Гончарову, посуху возвращавшемуся в Петербург после путешествия на фрегате «Паллада». Я не успел в то время еще побывать в Великом Устюге. Город представлялся мне таинственным, подобно граду князя Гвидона, и, уже прощаясь, я спросил профессора об устюжанах, чем объяснить, что именно они свершили столько походов, открыли столько земель. «Не знаю, что и ответить», — сказал тогда профессор Атласов. — Я все же геолог, а ваш вопрос, пожалуй, для историка. Могу вспомнить поговорку, бытовавшую некогда в Сибири: «Без устюжан дела нет».

ОДИН ИЗ СТАРОЖИЛОВ ГОРОДА, ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ВЕЛИКОГО УСТЮГА ХУДОЖНИК ЕФСТАФИЙ ПАВЛОВИЧ ШИЛЬНИКОВСКИЙ.

МОЛОДЫЕ ГРАВЕРЫ «СЕВЕРНОЙ ЧЕРНИ» ВАЛЕНТИНА РАЗДРОГОВА И ТАТЬЯНА ВОЛОГДИНА — ПРОДОЛЖАТЕЛИ ТВОРЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ СТАРЫХ УСТЮЖСКИХ МАСТЕРОВ-УМЕЛЬЦЕВ.

И ЭТОТ КОФЕЙНЫЙ НАБОР СРАБОТАН В ВЕЛИКОМ УСТЮГЕ. ЕГО АВТОР — ЗАСЛУЖЕННЫЙ ХУДОЖНИК РСФСР ЕЛИЗАВЕТА ТРОПИНА.

С точки зрения историков, все просто. Когда новая столица Санкт-Петербург стала «окном в Европу», значение Архангельска, через который раньше велась русская торговля, померкло. Пострадали и города, стоявшие на торговых путях, ведущих из Архангельска в Москву. А устюжане, не желавшие мириться с угрозившим прозябанием, снова потянулись на восток.

Что брали они с собой в дорогу? Ларцы из просечного устюжского железа для денег и драгоценных записей о встречном, резные образы из моржовой кости устюжской и холмогорской работы. Тяжелые оклады книг, украшенные финифтью — росписью по эмали. Затейливые сундуки из жести, покрытые «морозом», секрет нанесения которого был потом забыт и поныне не полностью разгадан. Не обходились и без плетенных из бересты лаптей. (Лапти в наше время для горожанина — заманчивый сувенир в русском стиле, не более. Ходить в лаптях мало кому в голову придет, и жалеть об этом не приходится. Но старик, уговаривавший меня на воскресном устюжском базаре купить пару ступней — летних лаптей, похоже, был уверен в другом. «Ты, если возьмешь», — говорил он мне, — не вздумай на стенку вешать. Это ж оскорбление ремесла. Дома вместо тапок носи, куда здоровы приятней».) И по сей день не забыли устюжане старинные промыслы: и чем-то смешные для современности, как умение плести лапти, и северную чернь, в сравнении с лаптями недостижимо великую, признанную жюри всемирных выставок и самыми искусными ценителями народного искусства.

Удалось мне побывать на современном устюжском заводе «Северная чернь», где излюбленное ювелирами серебро покрывается черным орнаментом. Меня провели в просторный зал, где мастерицы, склонясь над столами, наносили на серебро контуры будущего рисунка.

Даже при избытке воображения не сразу удастся разглядеть на серебряной ложке или винной чарке, вышедших из рук гравера, хотя бы намек на предстоящие металлу перевоплощения. Серебро еще нужно обезжирить, тщательно очистить, обжечь. Кажется, будущие украшения витрин ювелирных магазинов стали абсолютно стерильными, но их еще обрабатывают нашатырным спиртом и лишь потом наносят лопаточкой чернь. Пламя горелки мигот зеленое, выдавая содержание меди, черневая смесь сплавляется с серебром. Теперь металл можно ковать, изгибать, но чернь не оставит серебра: она образует с благородным металлом единое целое почти на молекулярном уровне. Я попытался подсчитать операции, без которых та же чарка не попадет на стол контролера, но быстро сбился. А запутавшись в подсчетах, вдруг подумал, что, может быть, напрасно пытались проследить всю технологическую канву возникновения чудного черного рисунка.

Я смотрел, как ложки полируют на шлифовальных кругах, как тщательно покрывают рисунок лаком перед погружением серебра в ванну, где с помощью гальванопластики металл покрывается тончайшим, в полмикрона слоем золота.

Увидеть, как создается чернь, нужно было, чтобы окончательно понять очевидное — тайна ее очарования не в изощренной технологии, тайна в мастерах, связавших умение ремесленника и дар художника.

Последним из устюжских ювелиров, сберегшим древнее искусство северной черни, был Михаил Павлович Чирков, хранивший верность городу, несмотря на посулы англичан, готовых немедленно заплатить ему десять тысяч рублей золотом и чуть ли не запасших для него паспорт подданного Великобритании в начале века. Но современным очарованием северная чернь обязана другому устюжанину, Евстафию Павловичу Шильниковскому.

...Старый художник встретил меня у

порога и тут же, извинившись, отошел ненадолго к подрамнику.

— Не удивляйтесь, — сказал он, усаживая меня за письменный стол. — От возраста одно спасение — работа. А мне девяносто как-никак.

Выпускник Петербургской академии художеств, постигавший искусство офорта у известного в то время графика Матэ, Евстафий Павлович вернулся в Великий Устюг в восемнадцатом году. Он из немногих наших современников, кто в переполненном Мариинском театре слушал Шалапина, кто видел на сцене Анну Павлову, кто в Академии художеств прислушивался к советам Ильи Ефимовича Репина.

На стене в квартире художника глянецватый прямоугольник белого с золотым тиснением картона: диплом жюри Всемирной выставки в Париже. С Парижской выставки и началась новая слава северной черни.

— И за все спасибо Северу, — говорит Шильниковский. — Я, должно быть, ни одного свободного дня не провел в городе. Не иначе как слава земляков обязывала...

Монографии и статьи искусствоведов рассказывают о нем как о художнике северной черни, но близки ему и другие исконно устюжские промыслы. В его квартире я снова встретился с Дежневым. На старой фотографии Шильниковский занят резьбой по бересте. Профиль казачьего атамана окружен северным орнаментом, из него выплывают то парусники землепроходцев, то облака, то карта открытых казаками земель. Дежневским панно художник хотел проверить бересту как материал для сложных композиций.

— Но почему вы избрали Дежнева? — Он же из устюжан, как и я.

После дождливой улицы глазам не нужно было привыкать к полумраку комнатки под колокольней Успенского собора. В соседней было светлей. Пахло струганым деревом. Я прошел мимо высокого, хоть голову запрокидывай, наполненному позолоченного креста, предназначенного вскоре увенчать колокольню Никольской церкви, и отворил дверь.

Рохлецов был у себя. Помощники Рохлецова сверяли чертежи, а сам он заканчивал переговоры с судостроительно-судоремонтным заводом. Там взялись изготовить многометровый шпиль для колокольни. В старину, чтобы водрузить его наверх, пришлось бы ставить крепчайшие леса. Теперь соглашались помочь вертолетчики.

— К церкви Вознесения сначала пойдем, — сказал, освободившись, Рохлецов. — Она в Устюге первейшая красавица.

Знаменитые устюжские памятники в древности возводили по всей округе, словно стремясь сразить их красотой любого путника, с какой стороны света тот ни спешил бы к Устюгу Великому.

Мимо светлых, выложенных изразцами стен я проходил едва ли не каждый день. Половина устюжских дорог ведет через Земляной мост, соединяющий две части города, и любимый памятник устюжан было никак не миновать. Издали начинал выдаиваться над деревьями золоченый флюгер на колокольне, сквозь ветки, расставшие с листвою, проглядывала белокаменная резьба, наконец, становились видны купола, вырасставшие над ажурными килевидными закомарами. Церковь эту относят к ценнейшим памятникам московского зодчества. Предполагают, что артель, работавшая в Устюге, возвела и два храма в Москве. Сколько раз спускался я в метро на московской площади Ногина, оглядываясь на парящие в небе купола и не знал, что они в близком родстве с гордостью Великого Устюга.

— Труднее всего печь восстанавливать, — сказал Рохлецов. — Не все изразцы сохранились. Москвичи прилетели к нам тоже за изразцами.

Реставраторов мы встретили в Михайло-Архангельском монастыре, сойдя с поднебесных высот собора, где Иван Сергеевич водил меня у необъятных оснований куполов.

— Никак не расстанемся в этом году, — улыбнулся, поздоровавшись, Рохлецов. — Или снова надеетесь изразцы найти?

— Чего только в Устюге не найдешь, — ответил один из москвичей, Игорь Медведев. — А чаще и искать не надо. Вы сами все сберегли.

Изразцовые плитки, которых не хватало для восстановления печи, Медведев действительно каким-то чудом отыскал на окраинном огороде. По старинным образцам изготовят новые, хотя не сразу и не скоро: не много осталось в стране мастеров по этому ремеслу.

Ближе к вечеру, когда Рохлецов прощался и заспешил к объекту, мы нечаянно вновь вышли к Земляному мосту. Медведев стал объяснять, как выглядели устюжские соборы до поздних переделок, а с близкой автобусной остановки вдруг подошел, слышав обрывок фразы, средних лет человек.

— Послушайте, мы разве что не так сделали? Я сам камень, у Рохлецова в реставрационном участке, нам вроде по-другому объясняли.

Медведев пояснил, о чем шел разговор, и, успокоившись, наш собеседник заспешил к подошедшему автобусу.

— Так всегда здесь, — сказал Медведев. — Спрашивают, спорт, старинные книги приносят...

Я был не из знати.

Простая семья.

Сказала: «Ты темен» —

учился латыни.

Я новые земли открыл

золотые.

И это гордыни твоей

не цена.

Эти слова в своей поэме «Авось» Андрей Вознесенский вложил в уста Николая Резанова.

Резанов считался по морям не из одной страсти к приключениям. Командор и кавалер мальтийского большого креста был одним из директоров Российско-Американской компании. А «первенствовал» в компании — устюжанин, именитый купец Михайло Булдаков. Резанова связывали с Булдаковым не только компанейские дела. Первая рано умершая жена мальтийского кавалера была родной сестрой жены Булдакова, а отцом сестер был сам «Колумб Российской» Григорий Шелихов.

Резанов вошел в легенды и баллады. Булдакову не суждено было громкой славы, но просвещенностью и добротой он снискал уважение современников. В Великом Устюге он, пожалуй, был первым настоящим градостроителем. План застройки города, составленный Булдаковым в 1804 году, действовал... до 1954 года. «В знак преданности и уважения» Булдаков подарил городу свой сад, жертвовал немалые деньги на городскую аптеку, для основания которой отдал городу свою домашнюю.

Я заходил в этот сад, ставший городским парком. В бывшем доме Булдакова звенели звонки — учащихся педучилища созывали на занятия. Я подумал, что устюжане не уходили из жизни бесследно. Побережье Великого океана в их именах. На бесчестных выставках чтят их мастеров. Не об этом ли старинная поговорка, которую припомнил потомок землепроходца профессор Атласов: нет дела без устюжан?

В Вологде, ожидая летней погоды, я услышал про устюжский черный хлеб. Будто пекут его по заветным рецептам исключительно в русских печах, и не черствеет он по несколько дней и неделями в дороге. Его заворачивали в тряпицы еще первые устюжане, торпившиеся на восход, те самые «природные» бродяги, наделенные ненасытной жаждой передвижения на новые и новые места, в поисках «неведомых земель» готовые идти хоть на край света.

...Радио сулило моросащие дожди, а метеобюллетень, что ни день появляющийся на центральной городской улице,

неизменно извещал об удручающем атмосферном давлении.

Туман задерживал и реставраторов, с которыми я познакомился накануне. Как-то вечером мы вышли к реке. Никольская церковь, подсвеченная прожекторами, виднелась издали.

— Присмотритесь к ней, — сказал Медведев. — Видите зачерненные ниши вокруг окон? Они придают зданию рельефность. Не подумайте, что чернота из-за вековой пыли. При реставрации это сделали намеренно. Есть предположение, что зодчие шли от тонов северной черни.

— Вы слышали легенду, что здесь некогда прошлась с городом Дежнев?

— Возможно, так оно и было. Святой Никола слыл покровителем странников. Недаром в Петербурге при Петре построен Никольский морской собор...

А с утра наконец распогодилось. В небе над городом промчался Як-40 рейсом из Вологды, и старушка на улице нараслев сказала, как в селе Тиличики на камчатском севере:

— Яшка прилетел.

Я заторопился к причалу. Говорят, что в Великий Устюг непременно нужно плыть по реке. Тогда, проявляясь издали, город и впрямь очасливится любого приближающегося к нему.

На мостках у пристани, благо день выпал субботний, женщины полоскали длинные домотканые половики, такие ни в одну стиральную машину не втиснешь. Подошел речной трамвайчик и серьезно, как на море, загудел, созывая опаздывающих.

Минут через пять я спрыгнул на песчаный берег у села Дымково.

Великий Устюг был светел и величав. Машины, поджидавшие паром, едва виднелись на берегу. Здания, промытые дождем, белели радостно, как на картине Шильниковского. Если бы не леса, поставленные реставраторами, и не редкие дымящие трубы, не речной трамвайчик, отправившийся в обратный путь, город и не отличить от Устюга времен знаменитых его горожан.

Вроде ничего не стоило бы ему спокойно поживать на исторических лавах, как многим иным, некогда славным городам. Наверное, еще станет он знаменитым туристским центром (недаром по богатству памятников сравнивают Великий Устюг с Суздалем), но как ни коротки были мои устюжские дни, показалось мне, что одной только старой славы городу мало.

Излучина Сухоны скрывала от меня судостроительно-судоремонтный завод. Накануне я смотрел там на колесные паромы, сведенные в затон на зиму. Неподдалеку от них достраивались на стапелях мощные буксиры, которым вскоре предстояло тянуть по сибирским рекам плоты леса. Карта на заводском корпусе была исчерчена стрелами, подсказывавшими, где трудятся устюжские буксиры.

Трамвайчик вез меня обратно. На крохотной палубе женщина достала из сумки шаньгу, посолила, взяв щепотку соли из берестяного туюска. Такие же туюски я видел и в камчатских селах. Да что туюски, даже нарты, конструкцию которых, казалось бы, никому не под силу изменить, и те после прихода казаков на полуостров порой ладили по-иному. Этнографы встречали в Центральной Камчатке упряжки собак, тянущие нарты, схожие внешне с русскими розвальнями...

А Великий Устюг все приближался. Набережная будто искривлялась, обхватывала крохотный речной кораблик, торпя его к пристани. Над Никольской колокольней вилась галка. Я поднялся по отлогому спуску наверх, снова увидел штурвал на солнечных часах, заторопился к нему, но к городу приползло тяжелое облако, тени пропали, и можно было не смотреть на бетонный циферблат.

Стрелки на руке показывали пятнадцать часов, столько же было в Москве, и, начиная выпуск последних известий, диктор, как обычно, произносил: «...в Петропавловске-Камчатском полночь».

Родина

Я нем от многих слов, от многих мыслей,
От многих звуков в сердце—тишина.
Проходит ночь, а лист мой не исписан,
Чиста страница, девственна она.

О Родине я думал в эту пору,
Но Родина, сурова и мила,
Ко мне не снизошла для разговора
И в высь свою меня не позвала.

Вся в нас она с горами и лесами,
Когда ж уходим, расставаясь с ней,
Ее простор, как боевое знамя,
Нас накрывает зеленью своей.

Моя Болгария

На оба распростертых полушария
Наш век бросает сумеречную тень.
Ищу,

Кричу:
Где ты, моя Болгария,
Твой прошлый день
И завтрашний твой день?

Ищу не имя—
Дух ищущий нетленный,
Ищу не высь—
Истоков глубину,
Твой образ собираю постепенно
В себе самом,
Люблю тебя одну.

Зову тебя...
В двадцатый грозный век
Твой сын к тебе, Болгария, взывает.
Бывает одиноким человек,
Народ же одиноким
Не бывает.

Начало

Входишь в долгие дни,
Напоенные зрелым молчаньем,
Смотришь в сердце свое—
В отплывшую темную печь.
Нет там вихрей огня,
Нет углей раскаленных и жарких
Или искры хотя бы,
Которую нужно сблечь.

Откипела давно,
Отбурлила тяжелая лава,
Отгорели давно,
Оттрещали сухие дрова.
Но в нагретой печи,
В пустоте, подметенной на славу,
Я, как осенью хлеба,
Пеку золотые слова.

Николай ХРИСТОЗОВ,
Болгария

Хоровод

Скалы солнцем нагреваются в полдень,
Но в полночь они опять, как льдины.
Кое-как на скалу, уйдя от погони,
Заползли партизаны тропинкой длинной.

Автоматы их еще не остыли,
От недавней стрельбы они раскалились.
Раненых в середину партизаны сложили,
Сами замертво вокруг повалились.

Но скала, на солнце разогретая за день,
Начала остывать, леденя быстро.
Крепким сном усталым спят партизаны,
Их теперь не подняла бы даже и выстрел.

А меж тем туман пополз по Балкану,
Полетели дождя ледяные брызги,
Окоченели бы к утру партизаны,
Ни один из них не вернулся бы к жизни.

Командир проснулся, вскочил:
Тревога!
Вставайте все, поднимайте раненых.
До утра осталось не так уж много,
Через пять часов выйдет солнце раннее.

А пока все равно нам согреться нечем.
Поднимайте тех, кто сам не встанет,
Держите за руки друг друга крепче,
Начинаем хоровод—наш болгарский танец.

Чем смерти ждать, чем зубами лязгать,
Раз уж нет у нас другого ночлега,
Беритесь за руки, начинаем пляску
В ночной темноте под дождем и снегом.

На голой скале, на вершине Балкана
В ледяную, ненастную ночь осеннюю
Безмолвно и хмуро повели партизаны
Хоровод тепла, хоровод спасенья.

Шевелите ногами, двигайтесь живо,
Ледяному ветру не одолеть.
И вот тепло потекло по жилам,
Стало теплеть, теплеть, теплеть...

В ночи без песни,
В ночи беззвучно,
В лохмотьях рваных, в крови, в бинтах
Плясали люди мрачно, заученно,
За руки взявшись, соблюдая такт.

Я не плясал этот танец ужаса,
В кроватке теплой я спал тогда,
Но в глазах моих почему-то кружится
Хоровод партизан среди дождя и льда.

На ветру истории, о друзья, о люди,
Не дожить бы нам до того конца,
Когда холод мертвенный, когда стужа лютая
Проберутся в души к нам, леденя сердца.

На ветру истории, о моя отчизна,
Ты, болгарский, песенный, золотой народ,
Береги свой танец огня и жизни,
Береги старинный свой хоровод.

В Дряновской пещере

Пещерный холод, как экскурсовод,
Встречает нас в расселине, у входа,
И в глубь земли уверенно ведет
Под мрачные и тягостные своды.

Поэт, учитель, садовод, солдат—
Мы все в подземном холоде продрогли,
Идем вперед,
О нет, идем назад,
Во тьму веков, по каменной дороге.

Ни звука, ни земного ветерка,
Лишь сталактиты с потолка свисают,
Лишь сталагмиты снизу вырастают
И тянутся друг к другу сквозь века.

Друг к другу миллионы лет тянуться!
Вот эти два—осталось им чуть-чуть,
Пять миллиметров—и соприкоснутся,
Остался миг, сто лет каких-нибудь.

Над нами свод, как небо, распростерт,
Но глух и черен этот свод пещерный.
Чу, шепот... Не меня ли кто зовет?
Чу, вздох... Да нет... Почудилось, наверно.

Вот впереди остатки очага.
Повсюду кости, угли, чай-то череп.
От холода, от врага
Скрывались наши пращуров в пещере.

Косматые детеныши земли
Сидели здесь на каменные плиты
И, совершенствуясь,
Сквозь время в люди шли
Со скоростью пещерных сталактитов.

Наверх, наверх! На летнюю красу
Как бы впервые мы глядим азартно,
И паровоз среди холмов в лесу
Ревет, похожий на ихтиозавра.

Перевел с болгарского Владимир СОЛОУХИН.

Колыбельная маме

Тише, пожалуйста, тише!
Дождь, не стучи по крыше,
Ветер, не вейся птицей!
Маме молодость снится,
Дальняя, дальняя, дальняя,
Давняя, давняя, давняя.
Тише, пожалуйста, тише!

Янтарь

Янтарь, как капля меда, на ладони.
Он так же чист и так прозрачно-желт,
Что хочется попробовать на вкус.
А вдруг он вправду,
как и мед, тягуч и сладок?
И так же пахнет
Летом и цветами?

Людмила ИШУТИНОВА

По городу—что за диво!—
Шли кони,
стройно и строго,
Неся себя горделиво,
Чеканя свои шаги,
И уступали дорогу
Им надменные «Волги».
И отходили в сторону
Серьезные грузовики.
По городу—что за диво!—
Красивые, выгнув шею,
Шли кони неторопливо,
Как в давние времена,
И все городские мальчишки
Завистливо вслед глядели
Трем всадникам,
Вдвешим ноги
В веселые стремени.

Вятская гармонь

То не сказка, то не былина,
Не преданье былых времен,
В Истобенске, селе старинном,
Сделал мастер певунью-гармонь.
Сам меха ей нарядные клеил,
Голоса из меди ковал,
Разрисовывал да леплел,
Лаком-краскою покрывал.
А как взял ту гармошку в руки,
Будто душу в нее вложил,
И родились первые звуки,
Ветер их за окном подхватил
И понес за село, за поле
Песню вятской родной земли.
Пела, пела гармошка про горе
И про радость. А годы шли...
Имя мастера позабылось,
А гармонь все поет и поет,
Словно сердце его так билось,
Так и бьется, так и живет.

Репортаж об интересном

Еще долго до первого звонка, а зрители уже собрались в фойе Ульяновского областного театра кукол, чтобы перед спектаклем встретиться с «необыкновенным чудом». И малыши и взрослые — все с одинаковым интересом толпятся к большому столу, где под прозрачным колпаком разместились небольшие, все с вершок величиной, деревянные куклы. Им уже много лет. От времени краски чуть поблекли, но это не мешает восхищаться удивительным мастерством, с каким выполнены все сорок девять кукол. Они замерли каждая за своей «работой». Кто строит дом, кто обмолачивает хлеб, а кто занимается домашней стряпней. И если внимательно к ним приглядеться, то замечаешь, что у каждой куклы свое неповторимое лицо и веселая розоватая озабоченная хозяйка, и веселая розоватая красавица. И вдруг... Где-то тихо зажужжал невидимый моторчик, деревянные человечки ожили и из неподвижных кукол превратились в персонажей необычного спектакля.

Можно часами смотреть, как эти маленькие деревянные фигурки разыгрывают сцены из жизни крестьянства до революционной России. И разыгрывают так правдиво, что кажется — вот-вот почувствуешь запах свежей стружки, вылетающей из-под рубанка плотника, или услышишь звон металла, великий из деревенской кузницы. Велико искусство мастера, создавшего этот своеобразный маленький театр! «Живым деревом» называл этот свой театр уральский крестьянин Алексей Антонович Морозов. Он не был ни художником, ни механиком. Это был щедрый на выдумки человек и самолюбивый мастер, богато одаренный природой. Под его чудесными руками оживали куклы, вырезанные из березы или липы. Морозов любил этот податливый материал. Из дерева сделаны не только куклы, миниатюрная мебель и предметы быта, но и весь сложный механизм, приводящий кукол в движение.

В театре театре

Большую и трудную жизнь прожили куклы вместе со своим «родителем». Еще до революции вместе с ним объездили чуть ли не всю Россию. Сколько людей восхищались ими на праздничных ярмарках Москвы, Челябинска, Уфы, Омска, Казани, Нижнего Новгорода! Очень часто людская молва опережала мастера-кукольника. В 1923 году, когда в Москве была организована первая сельскохозяйственная выставка, Морозов получил приглашение принять в ней участие. Главный выставочный комитет присудил ему тогда Диплом второй степени. Признание его труда вдохновило Алексея Антоновича на новые замыслы. Вернувшись из Москвы, он приступил к эскизам второй серии кукол, показывающих новую жизнь колхозного крестьянства. Но этим его замыслам, к сожалению, было суждено остаться только в эскизах.

Звенит первый звонок. Уступая время куклам на большой сцене, деревянные куклы-человечки замирают, а возбужденные зрители все никак не могут оторвать от них восхищенных взглядов. И так каждый день, когда Ульяновский театр кукол гостеприимно распахивает свои двери.

Юрий УСТИНОВ.
Фото автора

ЧАСАМИ МОЖНО РАЗГЛЯДЫВАТЬ ЭТИХ ЗАБАВНЫХ ДЕРЕВЯННЫХ ЧЕЛОВЕЧКОВ, ИХ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ, ХАРАКТЕРНЫЕ ЛИЦА, ДЕТАЛИ СТАРИННОЙ ОДЕЖДЫ, ЗНАКОМИТЬСЯ С ДАВНО УШЕДШИМ БЫТОМ РЕМЕСЛЕННИКОВ И КРЕСТЬЯН, ВОСХИЩАТЬСЯ УМЕНИЕМ И ВЫДУМКОЙ МАСТЕРА, СОЗДАВШЕГО ЭТОТ УНИКАЛЬНЫЙ ТЕАТР.

По замусоленным схемам

Семидесятые годы двадцатого столетия оставили в истории заметный след. В эти годы особенно ощутимыми стали принципы мирного сосуществования между государствами. В политическом лексиконе истекшего десятилетия прочное утверждение получило слово «разрядка». Отношения между СССР и странами капиталистического мира стали приобретать отчетливо выраженную позитивную основу, закреплённую в официальных межгосударственных договорах. Новое развитие получили экономические, торговые, научные и культурные связи нашей страны с другими странами.

Тысячи американцев и европейцев приезжали в Советский Союз, знакомились с жизнью нашего народа. Свои теплые чувства к нашей стране они охотно высказывали на страницах газет, в интервью по радио и телевидению. Живые рассказы туристов, побывавших в СССР, их статьи, репортажи, интервью помогали лучше понять советский народ, его мысли, стремления, чаяния. Однако этого понимания бояться определённые круги в США и других капиталистических странах. Они не желают, чтобы укреплялась дружба между советским народом и народами США и капиталистической Европы.

Буржуазные средства информации с возрастающей энергией стараются нагнетать атмосферу подозрительности и даже страха перед СССР, запугивают обывателя несущейся советской «военной угрозой», якобы нависшей над капиталистическим миром.

О том, как советологи США и Англии клеветают на нашу страну, на наш народ, рассказывает книга А. Беляева «Фигуры из нового и старого света» («Молодая гвардия», 1980 г.). Автор раскрывает суть вышедших в последние годы в США и Англии сочинений Г. Смита, Р. Кайзера, Р. Хинли.

По три года провели в Москве Смит и Кайзер, работая корреспондентами «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Однако они не были объективными исследователями жизни нашей страны. Они приехали в СССР с уже сложившимся взглядом на жизнь советского общества и с вполне определенной задачей, которую поставили перед ними хозяева, — накопить побольше фактов, подтверждающих определенную концепцию, основанную на давно замусоленных антикоммунистических схемах. Они не очень-то хотели и потому не нашли в жизни советских людей ничего достойного ува-

жения, кроме, разумеется, взглядов тех отдельных индивидуумов, которых оба журналиста туманно именуют «информаторами», да отщепенцев, выдворенных в разное время за пределы СССР. В книге советологов не прозвучало никаких новых мотивов в оценке советской художественной культуры.

Рональд Хинли в своей книге «Русские писатели и советское общество. 1917—1978» предпочитает даже не употреблять выражение «советская литература», а говорит о «современных русских писателях, проживающих в СССР» или «о русской литературе в советский период». Рассуждения Хинли о литературной жизни в Советском Союзе весьма путанны и противоречивы. Советологи клеветают на многих советских писателей и, наоборот, дружно расхваливают разного рода отщепенцев. «Книги Смита, Кайзера, Хинли, — пишет А. Беляев, — направлены на разжигание ненависти к советскому народу, на дискредитацию общественного устройства Советского государства.

Но как никому не удавалось ладошкой прикрывать солнце и погрузить мир во мрак, так никому не удалось преградить дорогу правде о реальном социализме, о советском человеке и его образе жизни».

Наталья ДРЫКОВА

ПОЭЗИЯ

«Простое — то, что сложно»

В одном из стихотворений своей новой книги «Стихи без названия» («Молодая гвардия», 1980 г.) Сергей Баруздин обращает внимание на то, что теперь поэты «все каверзней пишут стихи», «мудрят и морочатся». Он не сторонник такой поэзии. «Художник! Приоткрой чуть-чуть себя и нарисуй простое — то, что сложно», — восклицает он.

В стремлении к простоте, искренности, правдивости — творческое кредо поэта. А сформировано оно было во время Великой Отечественной войны. С нее у Баруздина начинается все. Участник обороны Москвы, солдат, артиллерийский разведчик, он прошел путь до Берлина и Праги. Этот путь стал главной вехой в судьбе и смыслом творчества. Подтверждением тому его прозаические произведения — роман «Повторение пройденного», «Повести о женщинах» и, конечно же, стихи, вошедшие в новую книгу.

Война для поэта не только в прошлом. «Ты говоришь: войну не вспоминай — не вспоминаю, не могу забыть», — пишет он. И это «не могу забыть» имеет у него очень емкое значение. Он не может забыть, потому что не имеет права, потому что это долг перед собственной совестью, перед фронтовыми товарищами, не дожившими до мая сорок пятого. В книге много пронзительных строк о войне. Они не броски, в них мало неожиданных слов и оборотов. Но они поражают достоверностью бытовых деталей, чувств, мыслей. Они будто не сочинены, а

записаны под диктовку сердца. Война для поэта — не только в прошлом, она входит в стихи не одним воспоминанием. Автор остро переживает ее залпы из прошлого в настоящее. Особенно если видит, как они наступают близких, любимых людей.

*Будь ты проклята, война!
До чего хитра ты.
Через тридцать с лишним лет
Догнала солдата.*

Конечно, не только для Баруздина война стала точкой отсчета в жизни. Она повлияла на многих мальчишек, повзрослевших до поры, на фронте узнавших, почему фунт лиха. Но для него она не просто начало судьбы, часть биографии. Для него она вся судьба, вся биография. Через призму войны он видит и вчерашний, и сегодняшний, и будущий день. Ее мерки для него самые верные. Ими пользуется он в жизни, в работе, в дружбе. И о сегодняшних друзьях он пишет как фронтовиках.

*С ними словно в разведку
Я сейчас выхожу.
И не знаю иную,
Не знаю иную я мерку.*

На фронте к поэту пришла настоящая любовь и стала верной спутницей на долгие годы. В его любовной лирике много доброты и нежности. Но, пожалуй, больше всего ее одухотворяет рыцарское отношение к женщине. «Я думаю о войне, сначала — о тебе, потом — о себе». В этих строках, в этой случайной последовательности — только штрих рыцарского отношения. Можно без преувеличения сказать, что этим духом проникнуты все стихи о любви, все строки о любимой. Автор старается всегда находиться в тени, на первый план выдвигая образ женщины.

В слове поэта «жизнь» и «любовь» — синонимы. Он бережно относится к своему чувству, говорит о нем негромко, но всегда искренне. Жизнь без любви бессмысленна. Она дарит человеку силу и нежность, делает мир светлее и лучше. И поэт не боится говорить об этом снова и снова, не боится показаться банальным. Потому что следует по точному компасу, имя которого — сердце. А оно никогда не обманывает — ни в жизни, ни в поэзии.

Анатолий ИВАНУШКИН

ПРОЗА

Первая — и единственная

Книга Бориса Богданкова «Лед и пламя» («Детская литература», 1980 г.) автобиографична, а ее название напоминает читателю: человека на жизненном пути подстерегает холод неудач и горьких утрат, противостоит которому может только пламенный характер.

Спокойно, без суеты и спешки, не стараясь понравиться читателю, автор рассказывает о своей жизни. О доме за Нарвской заставой в Ленинграде, где он жил перед войной, о своих родителях, о том, в какие игры играли мальчишки его двора, какие праздники праздновали,

как пришел он после ремесленного училища на Кировский завод, как ездил на Север с геологической партией...

В книге Б. Богданкова нет экзотических описаний и захватывающих приключений. Тем не менее читаешь ее со всевозрастающим вниманием. За обыденными событиями — рос, учился, работал — проступает другой, куда более увлекательный сюжет: история нахождения человеком своего «я», история становления человеческой личности. Вот мальчик встретился с чужим горем и получил первый урок сострадания, вот он сталкивается с хулиганами и учится ненавидеть хамство и жестокость, презирать тех, кто может обидеть слабого; вот он знакомится с чудесной природой Севера и начинает понимать, как важно человеку жить в мире и дружбе с травой, деревьями, реками, зверями; вот он начинает читать серьезные книги, и у него появляется интерес к людям, живущим за тысячи километров от его дома, и к тем, кто жил много веков назад; вот он становится сталеваром и узнает, что такое рабочая солидарность и взаимовыручка. Рабочий паренек учится понимать суть вещей, в нем пробуждается тонкость чувств, он осознает, что такое долг, честь, совесть...

Рассказывая о своей жизни, Богданков прямодушен и искренен, не хочет замалчивать свои ошибки и просчеты. Не боится показаться смешным и беспомощным, описывает, как не слушался его пила, когда учился он плотницкому делу, как в момент плавки не вовремя ударил ломом и вместо шлака выпустил сталь, как из-за его оплошности чуть было не унесло течением плот с ценным грузом. Прямота и честность рождает доверие к автору, к его оценкам и суждениям. За повествованием следит интересно еще и потому, что Богданков — отличный рассказчик: он наблюдателен, вдумчив, умеет выделить важное от пустяков, умеет выбрать яркое, точное слово.

Стоит, вероятно, заметить, что рабочая профессия не эпизод, не полоса в его жизни (как пишут в биографии: прежде чем стать писателем, работал и т. д.), а постоянное занятие.

Предисловие к этой книге написал писатель Сергей Львов. Он дружил с Борисом Богданковым, их дружба помогла рождению книги, хотя С. Львов подчеркивает: это не литературная запись, все от первой до последней строчки написал сам автор. Кончается предисловие горькой нотой: Борис Богданков умер сорока четырех лет от тяжелой болезни, оставшись автором одной-единственной книги. Можно горько пожалеть, что он не успел написать других. Можно от души порадоваться, что он сумел написать одну эту — «Лед и пламя».

Владимир ШЕВЕЛЕВ

Ради победы правды

В основе рассказов, составляющих эту книгу, — факты, в общем, хорошо нам известные. События гражданской войны, пер-

вых лет революции — мы знаем о них по документам партии и государства, по дорогим нам воспоминаниям их современников и участников, по историческим исследованиям, наконец, по десяткам замечательных художественных произведений. Мы — взрослые. А те, кому еще только предстоит прочесть много хороших и разных книг, — юные читатели? Именно для них живо, увлекательно, динамично рассказывает о гражданской войне, о нелегком для молодой Советской страны времени известный детский писатель Сергей Алексеев в своей новой книге «Красные и белые» («Детская литература», 1980 г.).

Под этим заголовком объединены десятки коротких, порой трагических и горьких, а порой вызывающих добрую улыбку рассказов. Действуют в них герои реальные и вымышленные. Истории о подлинных событиях гражданской войны, таких, например, как героическая оборона Царицына Десятой армией командарма Ворошилова или полный драматизм рассказ о потоплении Черноморской эскадры — чтобы не достались немцам интервентам ни миноносец «Прозительный», ни линейный дредноут «Советская Россия», ни другие корабли, — чередуются с историями, придуманными писателем, но такими, которые вполне могли бы происходить на самом деле.

Совсем короткими — полторы-две странички — эти рассказы. А речь в них идет о делах героических и очень важных для страны и народа, отстаивающего завоевания социалистической революции в бою с контрреволюцией, в бою, где «правда с неправдой встретились». Героизм и мужество людей, всем жертвующих ради победы правды, — такова основная, объединяющая тема книги. Качества эти присутствуют в первую очередь тем, кто был впереди, — большевикам, соратникам Ленина, красным командирам. Из рассказов, вошедших в книгу «Красные и белые», юный читатель узнает о жизни и подвигах Николая Щорса и Григория Котовского, Василия Чапаева и Михаила Фрунзе, Семена Буденного и Олега Дундича, Сергея Лазо и бакинских комиссаров. Легендарные личности, «люди из легенды», они неизменно вызывают читательские симпатии. Им, этим «одухотворенным людям», пытаются противостоять в книге силы прошлого (недаром в названии присутствует и слово «белые»), силы, стремящиеся не без помощи извне повернуть вспять колесо истории: царские генералы Каледин и Корнилов, Деникин и Юденич, адмирал Колчак и барон Врангель. Но дни их власти и могущества сочтены, потому что никому еще не удавалось повернуть вспять течение истории. «Социалистическое Отечество в опасности!», «Все на борьбу с Деникиным!» — на эти призывы партии большевиков откликнулись сердца тысяч и тысяч простых людей, которые знали, на чьей стороне историческая правда, и уходили защищать ее с оружием в руках.

Не секрет: писать для детей — дело непростое. Писать одновременно доступно и захватывающе. Писать так, чтобы дать читателю максимум информации и вместе с тем оставить некоторый «зазор» для самостоятельного размышления. Еще более усложняется задача, когда тема избрана столь ответственной, когда надо рассказать о героическом прошлом Родины. Задача эта требует органичного художественного решения. Именно такое решение темы, на мой взгляд, и содержится в книге Сергея Алексеева, автора многих детских книг, умеющего увлекательно писать для детей, тонко чувствующего своего читателя.

Юрий ЮРЬЕВ

МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

И ЕЩЕ ОДНА МОНА ЛИЗА...

Калифорнийский художник Уилл Эшфорд «написал» на склоне холма в окрестностях Сан-Франциско гигантскую копию Джоконды. Художник, которому помогли его жена и приятель-топограф, разделил засеянный декоративной луговой травой участок (61×43 метра) на квадраты и по точной системе разбросал на них 353 килограмма искусственного удобрения. Весной, когда трава проросла, те места, которые получили больше аммониевого сульфата, стали гуще и темнее. Эшфорд рассказывает, что выбрал для своего эксперимента известное полотно Леонардо да Винчи, потому что считал, что оно хорошо знакомо среднему американцу. И действительно, травяной портрет имел такой успех, что полиция была вынуждена поставить у ближайшего перекрестка постоянный пост — любопытных было так много, что они мешали движению. К сожалению, к осени трава пожелтела, портрет побледнел и исчез.

ОРБИТА, БОЛГАРИЯ

Материнский отпуск — отцам

В 1974 году в Швеции был принят закон о так называемом «отцовском отпуске»: муж имел право получить такой отпуск, если его жена по профессиональным или личным причинам вскоре после рождения ребенка возвращается на работу или учебу.

Несмотря на подтрунивание со стороны знакомых и ядовитые реплики в прессе, нашлось несколько сот мужчин, пожелавших воспользоваться своим новым правом. А в 1979 году отцовский отпуск взяло уже более 10 тысяч отцов, не отказавшихся стирать пеленки, возиться у кухонной плиты и гулять с детьми. Всякие смешки прекратились — прошедшие годы показали, что дети, за которыми присматривают отцы, а не матери, воспитываются вовсе не хуже тех, заботу о которых осуществляют исключительно мамы.

Шведские активистки движения за равноправие женщин считают, что ответственность за воспитание ребенка с первых дней его жизни должна быть общей, и если родители могут заменить друг друга, то качество воспитания от этого только выиграет. Социологические исследования подтверждают это.

Шведский пример оказался заразительным — недавно аналогичный вопрос обсуждался в британском парламенте. Определенного решения пока не вынесено. Депутат-консерватор Ян Гоу во время дебатов заявил: «Если бы этот закон вошел в жизнь, то наша гордость — британский парламент — на долгое время лишился бы своих наиболее мужественных и активных депутатов, поскольку, как замечено, именно такие депутаты почему-то имеют тенденцию обзаводиться многими детьми...»

МАЛЬЯР ИФЬЮШАГ,
ВЕНГРИЯ

Похудеть любой ценой?

«Женщина никогда не является ни слишком худой, ни слишком богатой» — утверждает американская поговорка. Америка, да и не только Америка, одержима культом стройности. В печати публикуются множества ограничительных диет, в продаже имеется масса патентованных лекарств, целая армия специалистов предлагает свои услуги по избавлению от излишнего веса. Сомневающимся страдают гипертонией, инфарктом, диабетом и другими болезнями, сопутствующими полноте. Так что же — лучше быть худым? Отнюдь нет, возражают специалисты из Национального института здравоохранения, обследовавшие за последние четверть века 5209 американских мужчин и женщин. Оказалось, что худоба от болезней не гарантирует — смертность среди людей с недостаточным весом равна смертности людей с излишним весом и в обоих случаях превышает средние величины. И с той и с другой стороны действуют факторы риска.

Впрочем, подобные выводы не особенно влияют на сознание людей, желающих похудеть во что бы то ни стало и как можно быстрее, пользуясь какими-либо чудодейственными таблетками. В результате приема разных сомнительных патентованных средств дело доходит порой и до трагического конца. Так было, например, с 17-летней жительницей западногерманского города Золингена Региной Девкерт, страстно мечтавшей похудеть. Однажды сосед, встретив ее на лестнице, был удивлен заданным ей странным вопросом: «А где же здесь выход на улицу?» Позже этот сосед сообщил, что Регина оказалась ему чем-то одурманенной. Час спустя ее уже не было в живых: она упала на тротуаре перед домом и разбила себе затылок. Ее отец сразу же предположил, что это не был обычный несчастный случай. Так и оказалось. В ее комнате были найдены пустые пузырьки из-под патентованного средства для снижения веса «Х-112», а вскрытие подтвердило, что девушка находилась под воздействием этого препарата.

Уже до этого в печати приводились отрицательные отзывы врачей об «Х-112» и других подобных средствах. Но только после происшедшей трагедии стало известно, что в ФРГ без всяких рецептов продается свыше двадцати аналогичных препаратов, имеющих опасные побочные действия. Было принято решение правительственных органов о тщательном изучении действия этих лекарств. Это вызвало протесты фармацевтических фирм, утверждающих, что средства совершенно безвредны и не могут приводить к какому-либо побочному действию. Кто выйдет победителем из этого спора, покажет будущее. Во всяком случае, ясно, что фармацевтические фирмы не собираются отступать от своих позиций, гарантирующих им широкий и весьма доходный сбыт патентованных снадобий «для приобретения стройной фигуры в кратчайшее время».

ДЖОРНО,
ИТАЛИЯ

ПШЕКРУЙ,
ПОЛЬША

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПО ЗАКАЗУ

Погода им, как говорится, благоприятствует, но им и без того бесконечно хорошо вьюет. То пройдет, то присядут. Рука в руку. Сверкает морская гладь, и волны тихо накатываются на берег.

Резкой сиринг тормозов, и рядом с влюбленной парой останавливается молочный фургон. Двое в масках, с короткими автоматами в руках выпрыгивают из него и затаскивают Джоконду и Джой в кабину. Машина начинает плутать по улицам города, пока не останавливается у здания банка. Юноша и девушка в оцепенении: свиристим шепотом гангстер предупредил их, что они теперь заложники при малейшем движении он будет стрелять. В затылок Джой упирается холодное дуло автомата. Один из бандитов вбегает в двери банка. Слышится автоматная очередь, затем испуганный крик. Вот он выбегает, швыряет в кабину мешки с деньгами, и машина срывается с места.

Как ни странно, но позже на месте преступления никто из полиции не появился, да и банк в конце концов не потерял ни цента. Кас-

сир, выполнявший роль статиста, даже получил потом небольшое вознаграждение. Всю эту сцену Джоконда организовал для своей невесты Джой, которая однажды то ли в шутку, то ли всерьез сказала ему: «Как я была бы счастлива, если бы мне удалось увидеть ограбление банка!» И любящий Джоконда на следующий же день заказал всю вышеописанную сцену у фирмы «Льоузин».

Фирма эта, находящаяся в городе Сиэтле, специализируется на выполнении самых странных желаний своих клиентов — только плати доллары. Ее владелец, 33-летний Парис Уолтерс, прокладывает прутья необыкновенную: берет напрокат кареты, мотоциклы, вертолеты, снимает квартиры, замки и хижинки, уговаривает, покупает и продает. Кажется, он может устроить все. Существование фирмы он объясняет так: «У людей чем дальше, тем больше забот. Увеличивается инфляция, растет число разводов, возрастает безработица. Многие хоть на короткое время желают сбегать из реальности в царство снов».

Естественно, что такое бегство обходится недешево. Один торговец из Сан-Диего заказал Уолтерсу реализацию сцены из некоего романа, герой которого попадает сначала на Таити, где веселится с прекрасными аборигенками, затем — к пиратам и т. д. Все было выполнено по желанию заказчика, которому пришлось изрядно раскошелиться. Выбает, правда, что у заказчика не хватает фантазии, и тогда Уолтерс охотно помогает. Так, некая миссис Самуэлсон никак не могла решить, чем отметить день рождения мужа. По сценарию Уолтерса муж сначала был похищен прямо из своего рабочего кабинета, затем помещен в подземную камеру пыток, а потом для контраста оказался в роскошно убранном восточном гареме, где его песнями и танцами встретили шесть прекрасных девушек, которые подносили ему экзотические напитки и осыпали цветами. Мистер Самуэлсон был очарован и бормотал: «Ну вот, наконец-то я побывал в мире сказок!»

ГАНГСТЕР... ОХРАНЯЕТ БАНКИ

Рональд Биггс был одним из участников «граблений века» в 1963 году, когда с поезда на трассе Лондон—Глазго была похищена баснословная сумма в 2,5 миллиона фунтов.

Биггс был приговорен к 30 годам тюрьмы, однако бежал и скрывался в Австралии, а потом обосновался в Бразилии, которая решительно отказывается выдать его английским властям. Гангстер уже не раз удивлял мир своими довольно эксцентричными «идеями», перепробовал различные занятия, даже хотел выступать в качестве певца...Сейчас,

однако, он удивил даже своих давних знакомых. Биггс заявил, что в Бразилии угрожающе растет преступность, и он принял решение вступить в борьбу с ней, для чего основывает собственное агентство. «Учитывая мое прошлое, я могу именно в этой области считаться специалистом»,—заявил он.

Агентство Биггса будет заниматься установкой специальных запоров и устройств, поднимающих тревогу в частных квартирах и учреждениях, а также обеспечивать охрану банков.

«МЛАДИ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЕСТЬ И ТАКОЙ МОТОЦИКЛ

Желание внести свое имя в список обладателей мировых рекордов побудило двадцатилетнего Рейнгарда Бауера из Рейкхеншванда (ФРГ) попытаться сконструировать самый маленький мотоцикл в мире. Высотой всего в 41 сантиметр, но с рабочим объемом цилиндра двигателя в 50 кубических сантиметров, крошечный мотоцикл способен развивать скорость до 30 километров в час. Микромотоцикл обладает и таким достоинством: он складывается, при этом его высота уменьшается до 26 сантиметров. С подобными габаритами и полным весом в 10 килограммов новое транспортное средство легко «ставится на стопанку»... в портфеле.

«ШТИЙНЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

БАСТУЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

Туристы и зеваки на улицах Голливуда довольны: ведь не каждый день можно увидеть, вот так, запросто, прославленных кинозвезд, группы и поодиночке бродящих по тротуарам. Они бастуют, бастуют не на сцене, а в жизни. Забастовка, в которой принимают участие 60 тысяч американских актеров, продолжается уже долгое время. Эта война между актерами и владельцами киностудий является в истории Голливуда одним из самых серьезных и затяжных конфликтов. Его причина — назревающий технический переворот в мире телевидения. За последние четыре года американцы купили два миллиона видеомагнитофонов, с помощью которых можно увидеть практически любой кинофильм (копия стоит сравнительно недорого). Шестнадцать миллионов телезрителей подключены к системе кабельного телевидения, которая дает возможность делать индивидуальные заказы из запасников видеоинформационного центра. Шесть миллионов человек абонируются на спутниковое телевидение. Для кинопродюсеров это выгодно: намечается расширение сбыта их продукции.

При возобновлении трехлетних договоров между продюсерами и артистами последние потребовали себе шесть процентов от прибылей, которые будут получены продюсерами при прола-

же телевизионных передач, записанных на видеокассетах и видеопленках.

В противоположном лагере высказываются так же категорично: крупные телекомпании и независимые предприниматели считают, что эти требования удовлетворить невозможно. Деловая конъюнктура нестабильна, а безработица увеличивается. На одном из профсоюзных собраний известный артист Эд Ашер, признанная звезда малого экрана, заявил: «Я отношусь к двум процентам своих коллег, доходы которых за прошлый год составили 50 тысяч долларов. Но 60 процентов из нас получили за весь год менее тысячи долларов. Большая часть актеров проводит гораздо больше времени в конторах по трудоустройству безработных, чем на съемочных площадках».

Кто отступит? Актеры намерены держаться стойко. Забастовка обходится киномагнатам в 40 миллионов долларов в неделю. Но разне легко решиться на хотя бы частичную потерю прибылей?

Первая массовая забастовка американских актеров произошла летом 1960 года и продолжалась шесть недель. Тогда стоял вопрос об участии в прибылях от фильмов, продаваемых на телевидение, и актерам удалось добиться удовлетворения своих требований.

«ПУЭН», ФРАНЦИЯ

КАТАСТРОФА В ЛУИЗИАНЕ

В американском штате Луизиана в самом буквальном смысле слова разверзлась земля. Разверзлась — и с громopodobным рокотом поглотила озеро величиной в четыре квадратных километра, одиннадцать грузовых судов, восемь буксиров, буровую установку стоимостью в пять миллионов долларов, несколько домов, ботанический сад и часть лесистого берега. Меньше чем через три часа на месте катастрофы остался лишь грязевый кратер диаметром около 1200 метров.

Причиной произошедшего, по заключению геологов, явилось то обстоятельство, что вследствие неверных расчетов при бурении была задета отработавшая соляная шахта, расположенная на глубине 400 метров. Под давлением воды скважина начала стремительно расширяться, разрушая

дно озера. Как свидетельствуют очевидцы, вода ринулась в глубину с такой силой, что вызвала волну высотой в несколько метров, которая, бешено вращаясь, обрушилась в подземные пустоты. Чудом обошлось без человеческих жертв.

Эксперты опасаются, что стены соляных шахт будут постепенно растворяться в воде и в кратер могут спалиться другие участки берега. В штабах пентагоновских экспертов на эту редкую катастрофу, вызванную людьми, смотрят с особой озабоченностью: в обширных соляных копях Луизианы хранится большая часть стратегических запасов нефти США стоимостью около 20 миллиардов долларов, а также различные компоненты и отходы атомного производства.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

ЛЕБЕДИ И САМОЛЕТЫ

В болотах и маленьких озерах вблизи военного аэродрома Верле-се, неподалеку от Копенгагена, в последние несколько лет каждой весной появлялись прилетающие из теплых стран лебеди, которые устраивали здесь гнезда и растили потомство. Эти мирные птицы, однако, представляют большую опасность: столкновение истребителя при взлете или посадке с лебедем, весящим от 10 до 22 килограммов, угрожает гибелью не только птице, но и самолету. Чтобы избежать этого, ученые-биологи предложили остроумный способ, основанный на знании привычек лебедей. Оказыва-

ется, эти птицы, выбрав место для поселения, не пускают туда других лебедей, а видя, что облюбованный ими район уже занят их соплеменниками, никогда не располагаются даже вблизи него. Были изготовлены несколько пар бутылочных лебедей, которых поместили в пятидесяти метрах от взлетных полос аэродрома. Предположения биологов полностью оправдались: повисшая в небе над аэродромом стая лебедей, увидев на земле «пришельцев», резко взмыла вверх и улетела в поисках другого, свободного места.

«ЛАНД ОГ ФОЛЬК», ДАНИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении

— Ну, коли одна работа, то не мешало бы и развешаться. Хочу пригласить тебя за город.

— Нет, нет! — энергично запротестовал Новицкий. — Какая деревня, мне надо на хлеб зарабатывать. Мне, как в милиции, за звездочки деньги не платят. Мне надо продукцию выдавать. Осенью выставка, а в выставочном бездарь окопалась, через них даже лауреату трудно пробиться.

— Жаль, — сказал Корнилов. — А я думал, съездим с тобой в село Орлино, там старая церковь полуразрушенная, древний иконостас...

— Знаю, знаю. Церковь Никола-угодника. Построена в конце девятнадцатого века. Ничего интересного иконостас представлять не может.

— А вот грабителей заинтересовал.

— Какие сейчас грабители. Шантрапа, небось, без понятия.

— Серьезные грабители, — на всякий случай сказал Игорь Васильевич: уж очень хотелось ему вытащить Новицкого в Орлино. — А иконостас мог от старой церкви остаться. Ведь была же и раньше в Орлине церковь?

Новицкий молчал. Раздумывал. «Думай, думай, — улыбнулся Корнилов. — Небось, на такую приманку клюнешь. А там разберемся».

— Если бы уж заодно там пару этюдов сделать, — наконец сказал Николай Николаевич. — Да ведь ты, наверное, все влопыхах. С сиреной.

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

ОТВЕЧАЮЩИЙ

— Два часа тебе хватит?

— Два часа? Да это роскошь! Я...

— Знаю, знаю, — перебил художника Игорь Васильевич. — Ты в цейтноте. Тебе на жизнь надо зарабатывать. Завтра в восемь заведу. Жди у подъезда. — Он нажал рычажок аппарата. Усмехнулся по-доброму: «Вот так с вами, с вольными казаками, надо — по-военному!»

Прикинув, сколько потребуется времени на дорогу, Корнилов набрал номер управления, попросил дежурного связаться с орлинским участковым уполномоченным, предупредить, чтобы ждал в половине десятого у церкви.

С Новицким Игорь Васильевич познакомился при обстоятельствах не слишком приятных. У художника украли новенькую — только что из магазина — «Волгу», и начальник главного управления попросил Корнилова взять это дело под личный контроль. Как-никак — народный художник, лауреат Государственной премии. «Волгу» нашли в тот же день. В лесу под Зеленогорском. В машине кончился бензин, и похитители, наверное, испугавшись кого-то, бросили ее, даже не разграбив. Корнилов возил художника в лес, туда, где обнаружили машину. Новицкий был восхищен оперативностью милиции.

— Надо же! Так быстро! — шептал он, внимательно осматривая «Волгу». Заглянул в багажник, в мотор. Особенно умилило его то, что в «бардачке» оказалась целой и невредимой коробка с красками.

— Домой я вас повезу сам! — заявил он Корнилову, и как Игорь Васильевич не отнекивался, пришлось ему сесть в машину Новицкого, попросив при этом водителя своей машины одолжить художнику бензина.

— Буду писать ваш портрет, — сказал Николай Николаевич, когда они выехали на Приморское шоссе. — У вас лицо характерное.

— Характерное для милиционера? — усмехнулся Игорь Васильевич.

— Ну почему же? — обернулся к нему Новицкий. — Прежде всего мне понравились глаза. Они у вас задумчивые и грустные...

Что еще понравилось художнику, Корнилов в тот раз не узнал, потому что их спасло только чудо. Художник, заговорившись, выехал на левую сторону дороги, и встречный самосвал, дико завизжав тормозами, съехал на обочину, подняв тучу пыли. Новицкий тоже затормозил и минут десять приходил в себя, понору выслушивая отборные характеристики води-

теля самосвала. Корнилов видел, как художник полез в карман и, наверное, предлагал водителю деньги, но тот замахнул на художника кулаком и, зло сплюнув, пошел к своему самосвалу.

«Вот ведь как бывает, — отрешенно думал Игорь Васильевич, наблюдая за Новицким. — Нашел человек машину и тут же чуть не расстался с жизнью. Да и я-то, дурак, дал себя уговорить. На своей давно уж был бы дома».

До города они ехали молча. Лишь только Новицкий начинал разговор, подполковник показывал ему вперед, на дорогу, и художник, сердито покрутив головой, замолкал. Вел он машину плохо, рассеянно. То шаркался от обгонявших автомобилей, то сам принимался обгонять там, где это было опасно.

— Вы меня у Петропавловской крепости высадите, — попросил Игорь Васильевич, когда слева мелькнули минареты татарской мечети. — Мне тут рядом.

Прощаясь, Новицкий протянул подполковнику визитную карточку:

— Буду рад показать вам свои работы. Заходите в мастерскую. И портрет я ваш сделаю. Не отступлюсь.

— Николай Николаевич, я многие ваши работы знаю. — Корнилов задержал в своей руке руку художника. — Они мне по душе. Вот только...

— Что только? — насторожился Новицкий.

— Водить машину вам противопоказано, Николай

Николаевич. Бросьте вы это дело. Слишком рассеяны.

— Спасибо за совет, — холодно ответил Новицкий. И, словно спохватившись, добавил мягче: — И за то, что машину нашли.

Через три дня Новицкий позвонил подполковнику на службу и веселым голосом сообщил, что отвез «Волгу» в комиссионный магазин.

— Жена на радостях обещала купить мне ящик марочного коньяка. Пока не раздумала — жду вас в мастерской.

С тех пор они подружились.

— Миленький, разве ж я упомяну всех, кто к нам ходит? — сказала Лебедеву пожилая, еще очень красивая дама, жена актера Солодовникова.

Актер уже месяц пребывал на гастролях. Солодовникова усадила Володю в старинное кресло, а сама забралась на маленький, тоже старинный, диванчик с затейливой изысканной спинкой.

— Когда Солодовников в Ленинграде, у нас не дом, а содом и гоморра! Все время люди. И идут и идут. И по делу и без дела. Я только и знаю, что пою их чаем. Раньше в этой вазе, — она кивнула на огромный хрустальный ковчег, стоявший на круглом, красного дерева столе, — всегда лежали шоколадные конфеты, но попробуй наласиться на такую ораву. Теперь я покупаю карамель...

Лебедев вежливо кивал, исподволь разглядывая огромную комнату. Красивая старинная мебель, картины на стенах. Кажется, в этом доме иконы не коллекционируют.

— Наталья Борисовна, — он вытащил из кармана несколько фотографий, — вы не помните фамилии всех, кто приходит в ваш дом, но, может быть, узнаете в лицо?

— Как интересно! — улыбнулась Солодовникова. — Я так люблю смотреть детективы. Сколько раз говорила Солодовникову: уговори Пимена поставить Сименону. И сыграй комиссара Мергрэ. Пимен — это главреж Островерхов. Ах, ну конечно, я знаю Олежку, — воскликнула она с восторгом. — Ну, конечно, знаю! Очень, очень милый мужчина. Солодовников зовет его хаусмайором. — Наталья Борисовна весело засмеялась, протягивая Лебедеву фотографию Барabanщикова, найденную Бугаевым в парголовском доме.

— Что вы можете сказать о нем?

— Милый, очень внимательный человек. С большими связями. Он так выручает меня с косметикой. Ну... понимаете, — Наталья Борисовна кокетливо улыбнулась, — я женщина немолодая, мне нужна хорошая

косметика... французская. Да! — вспомнила она. — Когда Солодовников болел, Олежек доставал ему самые дефицитные лекарства.

— И много он брал, так сказать, за комиссию? — не утерпел и спросил Лебедев, нарушив предупреждение шефа — не уклоняться от главного и не затрагивать до поры до времени щекотливые темы.

— Ах, вы об этом? — Наталья Борисовна поскурилась. — Милый мой, кто же будет вдавливаться в такие детали, когда человек приходит к вам в дом и приносит как раз то, чего вам так недостает?

— Простите. Меня сейчас интересует другое. Этого Олежа фамилия Барabanщиков?

Солодовникова равнодушно пожала плечами, показывая, что фамилия ей незнакома.

— Он не предлагал купить иконы?

— Нет. Он помог нам купить кое-что из мебели. Этот милый диванчик. — Наталья Борисовна нежно провела рукой по спинке дивана, на котором сидела. — И самое главное — муж не имел хлопот со своей машиной. Олежек устраивал ему все эти осмотры, проверки, запчасти, колеса. — Она взмахнула руками, словно хотела показать безбрежность автомобильных услуг, оказываемых Барabanщиковым.

— У вас какая машина?

— «Волга».

— Стоит в гараже?

— Нет, у дома, вы, наверное, видели, когда шли к

нам. Белая «Волга». А что, держать около дома опасно?

Лебедев хотел сказать, что не опасно. Но вспомнил недавнее «автомобильное» дело.

— Это как повезет.

— Ну вот, а Олег обещал нам подыскать гараж! Теперь вы им так заинтересовались, что я, наверное, долго его не увижу.

— Барabanщиков погиб, — сказал Лебедев. — Несчастный случай. Этим и вызван мой интерес. Хотелось бы знать всех его знакомых, друзей.

— Погиб?! — с ужасом ахнула Наталья Борисовна. — Бедный человек... Автомобильная катастрофа?

— Нет. Упал неудачно. — Лебедеву не хотелось говорить подробно. — Кому-то из ваших друзей Барabanщиков тоже помогал?

— Да, конечно. У зятя «Жигули» — Олег помогал ему с ремонтом. Приятелям мужа, актерам, тоже кое-что доставал. — Она перечислила несколько фамилий. Лебедев записал, подумав, что перечню людей, связанных с Барabanщиковым, не будет конца.

— Наталья Борисовна, когда вы видели в последний раз Олега, он не говорил вам, что собирается в Москву?

— Нет. Вообще-то он в Москву часто ездил.

— Он один... — Лебедев хотел сказать «занимался снабженческими делами», но сдержался и спросил: — У него не было помощников?

— Не знаю. Никогда об этом не слышала, — холодно ответила Солодовникова. — Вы не выпьете чашечку чая?

Лебедев понял, что пора уходить.

С Георгием Степановичем Озеровым, кандидатом филологических наук, старшим лейтенантом встретился только к вечеру. Встретился в институте, где Озеров состоял старшим научным сотрудником. Лебедев пытался дозвониться до него и утром и днем. Но все было напрасно. Домашний телефон не отвечал, в институте трубку снимала все время одна и та же женщина и скороговоркой говорила: «Георгий Степанович на совещании у завсектором», «Георгий Степанович на совещании у директора», «Георгий Степанович проводит совещание».

— Ну и дела! — удивлялся Лебедев. — Что они там, только и делают, что заседают?

Лишь один раз дама сказала: «Георгий Степанович вышел в буфет». Это все-таки был намек на то, что Георгий Степанович — живой человек.

А в пять трубку взял сам Озеров. На просьбу о встрече он заявил категорично:

— Нет, нет! У меня вся неделя расписана! Только в следующий вторник.

— Нам необходимо встретиться сегодня,— сказал Лебедев.— В любое время.

— Как некстати, как некстати!— почти пропел Георгий Степанович.— Что-нибудь срочное?

— Чрезвычайно срочное,— невольно подлаживаясь под тон собеседника, ответил старший лейтенант.— Я не стал бы вас беспокоить по пустякам.

— В шесть у меня ученый совет.— В голосе Озерова появилась задумчивость.— Я мог бы сейчас, но вам до шести не успеть.

— Успею.— Лебедев ковал железо, пока горячо.— Через двадцать пять минут я у вас. Полчаса нам хватит.

— Я встречу вас в вестибюле,— обиженно сказал Озеров. Наверное, из-за того, что ему не оставили выбора.— У нас вахтер очень строгая женщина.

Лебедев приехал на пять минут раньше условленного времени. «Строгая женщина» оказалась маленькой добродушной старушкой. Оторвавшись от книги, которую она читала через большую лупу, старушка спросила Лебедева, к кому он пришел. Услышав фамилию Озерова, сказала:

— Поднимитесь на второй этаж, налево в конце коридора, шестая комната...

— Я подожду,— махнул рукой Лебедев.— А то еще разойдемся.

Старушка снова принялась водить лупой по строчкам, а старший лейтенант уселся в сторонке в старое удобное кресло.

Высокий, с маленькой птичьей головой мужчина быстро сбежал по красивой мраморной лестнице, остановился посреди вестибюля и огляделся по сторонам. Заметив Лебедева, он подошел и спросил шепотом:

— Вы не из милиции?

Лебедев поднялся.

— Товарищ Озеров?— Они обменялись рукопожатием.

— Очень хорошо, очень хорошо,— сказал Георгий Степанович.— Здесь можно и поговорить.— Он показал на кресла.— У меня, понимаете, сутолока. Собираются на ученый совет, курят и прочее. Присядем.— И первым опустился в кресло, поставив рядом коричневый «дипломат» и подтянув привычным движением серые брюки.

— Не пустила?— шепнул он, кивнув на старушку.— Я вам говорил— мегера. Ей все равно— что министр, что милиция.

Лебедев хотел сказать, что все было наоборот, но Озеров ответа не ожидал, посмотрел на часы, озабо-

ченно покачал головой. «Сеико» носит»,— машинально отметил старший лейтенант и спросил о Барабанщикове.

Георгий Степанович откинулся назад и несколько секунд задумчиво смотрел на Лебедева, медленно потирая руки.

— Да, да,— наконец сказал он.— Я знаю Барабанщикова. Я даже знаю, что вы можете мне сказать об этом знакомстве. Но проблему надо рассматривать комплексно. Взвешивать все «за» и «против». Барабанщиков— дитя эпохи дефицита. Да, да! Именно! Мы не скрываем, что у нас есть дефицит: дефицит времени, дефицит некоторых товаров. Народ стал жить богато. Никто не хочет носить штиблеты фабрики «Скорход».

Лебедев украдкой скосил глаз на свои скороходовские сандали.

— А вспомните, что было раньше,— за ними гонялись!— Озеров снова посмотрел на часы.— Я занятой человек. Моя жена работает на полторы ставки в поликлинике. И у меня нет тещи, которая стояла бы в очереди за штиблетами фирмы «Топман». А если бы и была— она не смогла бы отвезти мою машину на станцию техобслуживания и протерчать там целый день. Но вот ко мне домой приходит Барабанщиков...

— Вам его кто-то порекомендовал?— прервал Лебедев Георгий Степановича.

— Наверное. Но кто— не помню. Прошло уже года три. И вот приходит Барабанщиков и предлагает свои услуги. Принесит костюм, приносит импортные штиблеты, приносит кассеты для магнитофона. Он не рвач, он берет лишнюю десятку-две, и все. Но ведь он выстаивает очереди! Он воюет с мастером на станции техобслуживания, чтобы тот как следует отремонтировал мою машину. Кто от этого выигрывает? И он, и я, и прежде всего государство. Я не теряю рабочий день...

— Можно, наверное, потратить на свой автомобиль и субботу,— как бы между прочим вставил Лебедев.

— Товарищ Лебедев, у вас есть автомобиль?— В голосе Озерова было столько иронии, что Лебедев понял: не стоит перечить— пускай высказывается.

— Вот то-то!— Георгий Степанович молчанием старшего лейтенанта понял по-своему.— Придет время— барабанщиконы исчезнут, как исчез в свое время нэп. Отомрут, как отомрет само слово «дефицит». Но я с вами согласен,— продолжал он, хотя Лебедев еще ничего не успел сказать.— Я с вами согласен— есть этическая сторона вопроса. Есть! Но как быть между этими Сциллой и Харибдой? Отказаться от услуг Барабанщикова и терять массу времени? Сяеого личного и служебного? Или стоит пойти на

маленький компромисс?— почти задумчиво спросил Озеров.— Барабанщиков не афиширует свою деятельность. Он оказывает услуги не каждому. Только хорошо знакомым ему людям. Можно сказать— своим друзьям. Ну, естественно, тем, кто имеет возможность чуть-чуть переплачивать. Вы знаете, как, например, строились наши с ним отношения?— Озеров стал потирать руки, словно они у него озябли на морозе.— Олег Анатольевич привозит мне цветной телевизор «Рубин-614». Тоже в некотором роде дефицит. Хорошая трубка и так далее. Привозит и тут же вручает мне чек. Чтобы ни-ни— все только из магазина! И на хрустальную вазу— чек и на французские духи— жене ко дню рождения— тоже чек. Это же совсем меняет характер отношений. Стоимость вещи плюс оплата за хлопоты. Вы со мной не согласны?

— Георгий Степанович, вы, может быть, все-таки постараетесь вспомнить, кто познакомил вас с Олегом Анатольевичем?

— Понимаю, что ваш приход вызван серьезными обстоятельствами,— сказал Озеров.— Вы не рассказываете, у вас свои служебные секреты, но я догадываюсь, что Барабанщиков где-то перешел грань закона. Да-да, я понимаю.— Он предостерегающе поднял ладони, словно хотел удержать Лебедева от разглашения служебной тайны.— Но вспомните, как я познакомился с Барабанщиконым, не могу.

На вопрос Лебедева, не коллекционирует ли он иконы или другие предметы старины, Озеров ответил отрицательно.

— Сугубо бытовые услуги! Сугубо! И раз в год— техосмотр автомашины. Но это ведь тоже быт?— спросил он, улыбнувшись.

У Георгия Степановича была «Волга». Стояла у дома. С гаражом обещал помочь тот же вездесущий Барабанщиков.

Когда старший лейтенант спросил у Озерова, знает ли он кого-нибудь из клиентов Барабанщикова, Георгий Степанович задумался, чуть прищурил глаза, и сказал:

— Ну как же, знаю! Аристарх Антонович Платонов... Кажется, инженер из какого-то «кабз». Раз или два встречались. Обедали в обществе Олега Анатольевича. Но уж как они там строят свои отношения— не знаю.

Закончив говорить, Озеров вопросительно посмотрел на старшего лейтенанта. Как будто хотел спросить: «Ну что там еще у вас? Есть вопросы?»

О том, почему интересуются Барабанщиконым, Георгий Степанович не спрашивал. «Из деликатности, что ли?»— подумал старший лейтенант, но тут же отбросил эту мысль. Его собеседник не слишком деликатничал, развивая свою теорию о дефиците. Лебедеву показалось, что Озеров не только не хочет спросить его, чем вызван интерес к «хаусмайору», но даже не хочет, чтобы он, Лебедев, рассказал ему об этом.

— Я бы с удовольствием встретился с вами и вечером,— сказал Георгий Степанович, прощаясь и долго не выпуская из своей руки руку Лебедева.— но после защиты, сами понимаете... Товарищеский ужин. Хотя это и осуждается, но куда денешься— традиция. А завтра— опять уйма дел. В субботу везу машину в ремонт, в воскресенье...— Он не досказал, что за дела у него в воскресенье, и отпустил, наконец, руку Лебедева. Лицо его вдруг стало замкнутым.— Честь имею,— сказал Озеров холодно, словно ему вдруг стало неловко за предыдущую велеберечивость, поднял с пола свой «дипломат» и удалился чуть прыгающей походкой.

Подполковник Корнилов учил своих сотрудников анализировать не только факты, которые им удавалось высунуть в ходе розыска, в многочисленных беседах с людьми. Он учил их скрупулезно анализировать ощущения, вынесенные из общения с человеком. «Интуиция не последнее дело в нашей работе,— говорил он.— Это хороший начальный импульс. Вам не понравился человек? Если бездумно с этим согласиться— получится пошлейшая предвзятость. Ей грош цена. От нее только вред. Но если вы постараетесь трезво и глубоко разобраться, почему он вам не понравился, какие черты его характера вас неприятно поразили, какие слова заставили насторожиться, вы на правильном пути. Отбросив внешнюю шелуху, вы можете обнаружить такие черточки человека, такие детали, которые помогут судить о характере его поведения в экстремальных обстоятельствах».

Старшему лейтенанту Озеров не понравился. Возвращаясь в главное управление и думая о Георгии Степановиче, он никак не мог отделаться от раздражения. Самое неприятное ощущение осталось у него от разительного контраста между бесконечным прощальным рукопожатием, которое, казалось бы, говорило ну если и не о добром расположении, так о некоторой почтительности к представителю закона, и неожиданно холодным «честь имею». Так бывало у Лебедева не раз— когда кто-то, разговаривая с ним один на один, вдруг замечал приближение треть-

его — своего знакомого, при котором он не хотел даже вида подавать, что может так почтительно или дружелюбно разговаривать с милиционером. Но здесь никто не нарушил их интимной беседы: старушка дежурная по-прежнему была занята своей книгой, в вестибюле они стояли одни. Да и Озеров не походил на трусаватого недалекого человека. В чем же причина такой резкой перемены в настроении? Лебедеву надо было отстриться от своего раздражения и на холодную голову прокрутить всю беседу с Георгием Степановичем снова. «Может быть, я сам допустил какую-нибудь бестактность? Обидел чем-то ученого?» — думал он, но погасить раздражение полностью старшему лейтенанту не удавалось.

Преклоняясь перед богатым опытом своего шефа, умом принимающего рекомендации, Лебедев не всегда мог справиться со своими чувствами. Он был молод.

Еще шесть лет тому назад, заканчивая политехнический, Лебедев и думать не думал о работе в милиции. Уже состоялся разговор с представителем завода «Электроаппарат» — Володя проходил там преддипломную практику, — и Лебедева познакомили с начальником лаборатории, в которой ему предстояло работать. Но однажды в институтский комитет комсомола вместе с секретарем райкома приехали два молодых парня из Главного управления внутренних дел. Лебедев был членом комитета, раньше занимался шефской работой, но на последнем курсе отошел от общественных дел. И надо же было в тот час ему заглянуть в комитет! Один из работников управления оказался на редкость красноречивым. Рассказывая на факультетском бюро, куда его привел Лебедев, о непростой, но интересной службе в милиции, он первым сагитировал пойти туда по комсомольской путевке самого Володю.

И вместо лаборатории «Электроаппарата» Лебедев оказался в научно-техническом отделе Главного управления внутренних дел. Принимая решение пойти служить в милицию, Лебедев надеялся на то, что ему придется иметь дело с людьми. И, конечно, свою роль сыграла особая романтика, которой для многих молодых людей окутаны слова «следствие» и «уголовный розыск». Ровно год понадобился ему для того, чтобы убедиться: особой разницы между работой в заводской лаборатории и в НТО ГУВД не существует. Лебедев написал заявление с просьбой перевести его в уголовный розыск. И как его ни уговаривал заместитель начальника Главного управления полковник Селиванов остаться в НТО, где его знания в области физики нашли прекрасное применение, Лебедев настоял на своем.

«...Тоже мне, деятель», — думал старший лейтенант о кандидате филологических наук Озерове. — Вот как все вывернул — даже политэкономии приспособил к себе. Такой кого хочешь уговорит, заставит белое принять за черное. А что его пресловутый дефицит? Все эти хрустальные вазы да финские ботинки? Форс — и боле ничего! Добро бы какой-нибудь хапуга из мясного магазина так действовал — тогда понятно: ворованные капиталы пристроить надо. А то ведь ученый! Да и с его зарплатой особенно не пошпикуешь».

Тут он вспомнил про магнитофонные кассеты, о которых упоминал Озеров. «А на них какие чеки мог принести Барабанщиков? Их ведь у жуков-перекупщиков добывать надо. Что-то, товарищ Озеров, у вас концы с концами не сходятся. История про чеки — для лопухов. Да и проверь теперь — требовал он от «хаусмайора» чеки или нет. Можно врать, сколько влезет. Врать-то врать, — остановил себя Лебедев, — да ведь о смерти Барабанщикова я ни словом не обмолвился. Тут есть над чем подумать!»

16

В управлении уголовного розыска Семена Бугаева называли везунчиком. Не то чтобы у него всегда все получалось, — знал капитан и неудачи, — но в силу его жизнерадостного, веселого характера, умения подслушивать над своей неудачей многие всерьез считали, что ему просто везет. На этот раз Семену действительно повезло. На совещании у Корнилова Бугаев вдруг вспомнил, что девушка, с которой он вчера познакомился, раскланялась с Платоновым.

— Товарищ подполковник, в районе Зверинской улицы Аристарх никого не назвал?

Корнилов заглянул в список.

— Назвал. Федоров Петр Иванович, доктор медицинских наук. Зверинская, дом тридцать семь. — Он внимательно посмотрел на Семена. — Молодец, Бугаев. Сосед Платонова может знать о нем больше.

Капитан про себя улыбнулся, но смолчал.

Дом тридцать семь был совсем рядом с платоновским домом. Бугаев постоял несколько секунд в нерешительности возле подъезда, подумал, что неплохо бы захватить с собой пакет молока, — эффект был бы стопроцентный, появившись он с пакетом в руке перед той девушкой, но потом махнул рукой. Что, если там не живёт никакая девушка, а встретит его в дверях сам доктор медицинских наук? Хорош он будет с этим пакетом!

Когда Семен позвонил в дверь, залаяла собака. «Неужели совпало?» — успел подумать он. Дверь открылась. На пороге стояла та самая девушка. В легком сарафанчике она выглядела совсем по-домашнему. Эрдель тихо рычал у нее за спиной. Некоторое время девушка молча разглядывала Бугаева. У него даже шевельнулась тревога, что она его позабыла. Потом она покачала головой и тихо сказала:

— Ну, Галка-трепуха! — и тут же крикнула эрделью: — Микки, перестань! Он принес тебе молока.

Бугаев развел руками.

— Ах, даже так! Микки, он пришел без молока. Собака громко залаяла.

— Вот видите? — сказала девушка. — Он вас растерзает.

— Молоко в машине. А я к вам по делу.

— Это становится совсем интересно, — пробормотала девушка и посторонилась, пропуская Бугаева в квартиру. — Да не бойтесь. Микки никого не трогает.

— Тем более, что вчера я пытался кормить его булочкой.

Они прошли в небольшую комнату, в которой стояли письменный стол, простенький стеллаж с книгами, старенький кожаный диван. Девушка села на крутящееся кресло у письменного стола, показала рукой на диван. Эрдель улегся у ног Семена, внимательно поглядывая на него.

И тут Бугаев вдруг остро пожалел, что вызвался идти по этому адресу. Кто знает, как отнесется девушка к его деловому визиту, к его вопросам? Отвез бы вечером пакет молока её подружке Гале в кафе — и осталось бы легкое, теплое воспоминание о стройной улыбочкой брюнетке с голубыми глазами.

— Вы дочь Петра Ивановича? — спросил он.

Девушка кивнула.

— Вас зовут...

— Людмила.

— Людмила Петровна, — сказал Бугаев, словно провел какую-то черту между тем легким трепом, который был вчера, и серьезной беседой, которой предстояло начаться сейчас.

— А меня зовут Семен Иванович Бугаев. Я старший инспектор уголовного розыска. — Капитан достал удостоверение и протянул Людмиле. Она взяла его и стала внимательно разглядывать. Потом вернула, покачав головой.

— Ну и дела. Что-то случилось?

— Нет, Людмила Петровна. Я должен был проконсультроваться с вашим отцом...

— Папа будет часов в девять вечера. А я не медик.

Совсем по другой части.

Бугаев посмотрел на нее вопросительно.

— Учусь в институте Герцена.

— Людмила Петровна...

— Не называйте меня так официально, — попросила девушка, чуть капризно нахмурив брови.

— Люд, в вашем доме бывал Олег Барабанщиков?

— А... а... Этот хлюст! Я всегда говорила, что он плохо кончит. — Она пристально посмотрела на Бугаева. — Но вы! Неужели вчера вы все так ловко разыграли, чтобы... Лицо у нее сделалось совсем по-детски обиженным.

— Если я начну вам говорить про совпадения, вы мне не поверите, — грустно сказал Семен.

— Не поверю. Таких совпадений не бывает.

Бугаев пожал плечами.

— Что же случилось с Барабанщиковым?

— Он умер.

— При загадочных обстоятельствах?

— Вы читаете много детективов?

— Предпочитаю романы про любовь.

— Люд, будем считать, что разминка закончена.

— Что-что?

— Это у нас на совещаниях бывает — соберемся, попкируем, а потом за дело.

— И у вас совещания бывают?

Бугаев улыбнулся примирительно и кивнул головой.

— Простите. Я готова ответить на все ваши вопросы.

Когда через час капитан вышел из квартиры Федоровых, он знал, что Олег Барабанщиков собирался с одним своим приятелем ехать в Москву по очень важному делу. По возвращении он обещал подарить Люде французские духи и принести пару старинных книг. «Используйшь в своей дипломной работе и будешь оставлена в аспирантуре». Вот что сказал Люде «хаусмайор» Барабанщиков. Люд утала от Бугаева только одну деталь — фраза не кончалась на «аспирантуре», а имела продолжение: «И выйдешь за меня замуж». Зато она сообщила Бугаеву, что приятель Барабанщикова имел «Волгу», чему Олег очень завидовал. Кроме того, в записной книжке Семена прибавилось два телефона — один Людин, домашний, другой — ее папы, служебный.

Однако разговор с Людиминой папой не добавил ничего нового. Людя знала о Барабанщикове значительно больше, чем ее папа, известный в городе хирург.

17

— Вас кто ко мне послал? — Михаил Игнатьевич Новорусский, управляющий строительным трестом, смотрел на капитана Бугаева строгими, немигающими глазами. Да и весь он, сухой, поджарый, был напряжен, словно только одно и делал в жизни — отжидал докуливых посетителей.

— Интересы дела, — сдержанно улыбнулся Бугаев, ожидая, когда Новорусский пригласит его сесть.

— Это вы мне бросьте, молодой человек. — Михаил Игнатьевич не скрывал раздражения. — Мне красивые слова не нужны. Кто вам дал мои координаты? Почему вы считаете приличным допрашивать меня о каком-то никому не известном человеке?

— Может быть, вы пригласите меня сесть? — вежливо спросил Бугаев.

— Садитесь. — Новорусский резким движением указал на стул. — Только у меня времени в обрез. Завтра уезжаю в Москву, готовлю доклад на коллегию министерства. — Он засунул руки в карманы и остановился перед капитаном.

— Вопрос у меня простой, — начал Семен. — Что вы можете рассказать об Олеге Анатольевиче Барабанщикове? О его образе жизни, о знакомых?

— А скажите мне, пожалуйста, товарищ...

— Бугаев, — подсказал капитан.

— Товарищ Бугаев, — Семен заставил себя не среагировать на это издевательское «ё», — у вас есть разрешение на разговор со мной? И почему мне не позвонил ваш начальник Селиванов? Мы с ним не первый год знакомы.

— Я могу дать вам телефон полковника Селиванова. — Бугаев вытащил из кармана записную книжку. — Вы ему позвоните. Может быть, у него появится желание побеседовать с вами в управлении.

— У меня уже не будет времени навестить его, — пробормотал управляющий и сел, положив руки на стол и сцепив пальцы. — Я начну с того, что Барабанщикова я практически не знаю. — Новорусский расцепил пальцы и стукнул костяшками левой кисти по столу. Слово точно поставил. — Я с ним встречался несколько раз. Очень скользкий тип. — Он снова стукнул костяшками о стол.

— Могу я узнать о цели ваших встреч?

— Это сугубо личные дела. Я не намерен их обсуждать.

— Хорошо, — согласился Бугаев. — Барабанщиков приходил к вам домой или на работу? Может быть, вы встречались с ним где-то в другом месте?

— Он приходил домой. Никогда не задерживался...

Минут пять — не больше.

— Он приезжал на машине?

Михаил Игнатьевич пожал плечами.

— Его никто не сопровождал?

— Нет.

— Он не рассказывал вам о своих клиентах, о знакомых?

— Товарищ Бугаев, у меня создается впечатление, что вы слабо представляете себе, с кем имеете дело.

— Я сегодня полдня беседую с клиентами «хаусмайора» Барабанщикова, — зло сказал Семен и подумал: «Накапает на меня, как пить дать накапает».

— С клиентами кого? — странно было видеть управляющего озадаченным.

— С клиентами заурядного доставалы. Кому — что. Одному импортные сигареты, другому — старинную мебель, третьему — шипованную резину. А уж вам-то, Михаил Игнатьевич, стыдно было иметь дело с прохвостом.

— А вы нахал. — В голосе Новорусского появились стальные нотки, но Бугаева уже понесло:

— Не думаю, что останется безнаказанным потворство спекулянту, — сказал он сердито. — Хотя бы морально...

— Только без угроз, — сказал Михаил Игнатьевич, но металл из его голоса куда-то пропал. — Я вам ответил на все ваши вопросы. Подробнее могла бы рассказать жена, но она сейчас в отпуске, в Кисловодске.

— Когда в последний раз приходил к вам Барабанщиков?

— Он приходил... Он приходил... — задумался управляющий. — Жена улетела двадцать восьмого августа вечером, Барабанщиков был утром. Да. Утром. Принес... — Новорусский спохватился. — Он что-то принес по просьбе жены. С тех пор я его не видел. Вам достаточно этого?

— Вы никогда не слышали от Олега Анатольевича о его приятеле, у которого есть «Волга»?

— О машинах мы с ним как-то разговорились. Я люблю автомобили. У нас, правда, нет личного автомобиля. Двухместная служебная... Много объектов. Но машины я люблю. Барабанщиков жаловался, что никак не может приобрести «Волгу». «Жигули» не престижны, заявил он. — Михаил Игнатьевич снова улыбнулся. — И взахлеб рассказывал о своих знакомых, обладающих «Волгами».

— Вы не помните, кого он называл? — с надеждой спросил капитан.

— Да я, собственно, и слушал-то невнимательно. У него столько знакомых—Олег Анатольевич любил козырнуть громкой фамилией. По-моему, какого-то артиста называл. Очень известного. Потом летчика. Да, больше всего его задевало то, что «Волгу» приобрел какой-то мастер.

— Мастер?
— Да, мастер. Не то на заводе, не то в каком-то ателье.

— Подробнее не помните?
— Нет.

Бугаев поднялся.
— Что, все это...—Новорусский неопределенно покрутил рукой,—действительно будет как-то обобщаться?—Он тоже встал из-за стола и медленно пошел к двери, а сам внимательно смотрел на Бугаева. Сколько раз капитану приходилось видеть в людях эту резкую перемену, как только появлялась опасность огласки. И как паршиво он себя чувствовал в таких случаях, как гадко становилось на душе. «Уж лучше бы хамил до конца,—подумал он об управляющем.—Не стал бы разговаривать вовсе, выгнал. И то легче было бы».

— У нас сейчас задача другая,—хмуро ответил он.—Но выявленный материал всегда обобщается.
— Любопытно, любопытно. Я все-таки позвоню Селиванову. Как вернусь из Москвы.

Уже на пороге Бугаев сказал Михаилу Игнатьевичу:
— А вы даже не поинтересовались, что с Барабанчиковым стряслось.

— Это меня не касается, товарищ Бугаев,—не моргнув глазом, ответил управляющий трестом и захлопнул за капитаном дверь.

18

— И что же украл у покровителя Николы-угодника?—спросил Николай Николаевич, удобно разваляясь на заднем сиденье «Волги».

— Ничего.
— Как это—ничего? В последний момент грабителей обуюло раскаяние?

— Вор, похоже, был один. Совхозный сторож нашел его в церкви на полу. Без сознания. По дороге в больницу он умер.

Новицкий присвистнул:
— Есть все-таки бог на свете!
— Вот такие пироги,—задумчиво сказал Корнилов.

— Вы что, клюквенника пожалели или скорбите, что не смогли его допросить?
— Человек все же...

Новицкий неопределенно хмыкнул.
Машина миновала Среднюю Рогатку, неслась по Киевскому шоссе. Николай Николаевич приподнялся с сиденья, взглянул на спидометр и сказал недоверчиво:

— Вот она, справедливость. Ехал бы я с такой скоростью, у меня отобрали бы права...
Шофер засмеялся:

— Да ведь вы, Николай Николаевич, сами от своих прав отказались!
— Он еще издевается.

— Ты, Саша, и правда не гони,—строго сказал Корнилов водителю.—Не на пожар.

— А я ведь тебе, Игорь Васильевич, жизнью обязан,—примирительно сказал Новицкий.—Не продай тогда машину—как пить дать угрохался бы. Рассеянный я стал, ну просто божье наказание... Да, кстати, иконы остались в церкви?

— Участковый говорит—все целехонькие. Я ведь и сам первый раз туда еду.

— Первый раз?—подозрительно спросил Николай Николаевич.—Откуда же ты знаешь, что иконostas там старый? Тоже участковый сказал? Он у вас что, специалист по древнерусскому искусству?

Корнилов засмеялся.
— Он у нас просто хороший мужик. Симпатяга. А про иконostas это я домыслил.

— Домыслил!—Новицкий покачал головой, хотел что-то еще сказать, но в это время загудел зуммер телефона. Корнилов снял трубку. Дежурный по уголовному розыску докладывал, что экспертиза установила подлинные номера «Жигулей», найденных у деревни Лампово. Машина украдена в Москве, числится в розыске уже два года.

— Да, попался вор,—покачал головой Корнилов.—Ничего своего: «Жигули» украдены у одного человека, документы на машину—у другого, пистолет, сдается мне, тоже чужой...

— И пистолет при нем был?—удивился Новицкий.
— Был. Ты, кстати, Николай Николаевич, посмотри.—Подполковник протянул художнику фотографию погибшего.—Может, видел когда. Среди вашего брата немало всяких барыг отирается.

— Да, ходят, к сожалению, по мастерским. То иконы предложат, то бронзу.—Новицкий внимательно рассматривал фотографию.—Красивый был мужчина. Кого-то он мне напоминает...—Чуть отодвинул от себя фото, прищурился.—Нет, пожалуй, мы не встречались.—Он вернул карточку подполковнику.

Продолжение следует.

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

23 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА СМЕНЫ

(Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2 и 5 журнала).

ПЯТЫЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в три хода (2 балла).

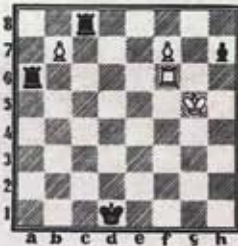
АТАКУЮТ МОЛОДЫЕ ЧЕМПИОНЫ

В высшей лиге недавнего всесоюзного шахматного мужского первенства, проходившего в Вильнюсе, победного финиша с одинаковым показателем—10,5 очка из 17 возможных достигли два молодых спортсмена: 27-летний Александр Белявский, международный гроссмейстер из Львова, и 22-летний международный мастер из Красноярска Лев Псахис. Обоим были вручены золотые медали чемпионов страны, а сибиряк—дебютант высшей лиги—к тому же добился права на присвоение ему звания «Гроссмейстер СССР».

Думается, что любителям шахмат доставит немало приятных минут изучение партий новых наших чемпионов, в которых они продемонстрировали высокое искусство на турнире в столице Литвы.

К довольно запутанному, несмотря на отсутствие ферзей, положению пришел после 24-го хода черных поединок между А. Белявским (у него были белые фигуры) и

Ход черных. Как должна завершиться борьба при лучших действиях обеих сторон? (3 балла).

ШЕСТОЙ ТУР

1. e4 e6 2. Фe2. Как называется такое начало шахматной партии? (1 балл).

ШЕСТОЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в три хода (2 балла).

Ход черных. Могут ли они добиться победы в случае правильной игры белых? (3 балла).

III

1. Kf3 c6 2. Kc3 Kf6 3. e4 d5. Каково наименование этого шахматного дебюта? (1 балл).

Участники олимпиады посылают в адрес редакции ответы на задания пятого тура не позднее 15 мая, на задания шестого тура—25 мая 1981 года.

Ответ на каждое из шести заданий нужно отправлять в адрес нашей редакции на отдельной открытке. Решения, полученные в конвертах, рассматриваться не будут. Вверху слева лицевой стороны открытки обязательна пометка «23-я шахматная олимпиада «Смены», тур такой-то», а на обороте сверху справа (над решением или ответом) необходимо проставить регистрационный олимпиадный номер отправителя. Напоминаем, что пользоваться надо только сокращенной шахматной нотацией.

международным мастером из Московской области Валерием Чеховым.

У черных не хватает пешки, однако их шансы кажутся достаточно приличными ввиду вроде бы активной позиции. Тем большее признание заслуживает тонкое, пронзительное маневрирование белых, которым удается нащупать в неприятельском лагере пешечные слабости и осуществить красивую жертву качества (ладья за коня).

25. Ca3—b2! Kpg8—f7 26. a2—a3 Lb8—c8 27. Cc4—a2 Ld8—d6 28. Lh1—e1 Lc8—d8 29. Ld1:d4! Ld6:d4 30. Le1:e6 Kpf7—f8 31. Le6:b6 Ld8—d7 32. Cb2—c1 Ld7—c7 33. Kpb1—c2 f5—f4 34. Lb6—e6 g6—g5 35. Le6—e5 Kpf8—g7.

Подготовка решающего пешечного штурма на ферзевом фланге окончилась, и теперь «пехотины» белых становятся неукротимыми.

36. b5—b6! Lc7—d7 37. Kc3—b5 Ce7—f6 38. Kb5:d4 Cf6:e5 39. Kd4—e6+ Kpg7—f6 40. Ke6—c5 Ld7—e7 41. a3—a4!, и черные капитулировали, ибо их ладья беспомощна в борьбе с рвущимися в ферзи связанными пешками партнера.

На второй диаграмме отображена сложная ситуация, возникшая после 23-го хода белых во встрече Л. Псахиса (красноярский шахматист играл черными) с международным мастером из Еревана Симбатом Ллутяном.

И в данном поединке победитель явно удачнее и целесообразнее лавирует, нежели противник.

искусно выжидая наиболее подходящего момента для овладения инициативой.

23... Kpg8—h8 24. h2—h3 Фe7—d7 25. La3—e3 Фd7—f5 26. Le3—e2 Le8—d8 27. Le1—d1 Ld8—d7 28. b2—b3 Kph8—g8 29. Kpg1—h2 Kpg8—h8 30. Kph2—h1 Kf6—h5!

Уже сейчас черные намечили замаскированную ловушку, основанную на жертве качества. Соперник, конечно, просмотрел эту остроумную «задумку», но ведь известно, что без ошибок никто не проигрывает

31. Ld1—e1 Lf8—e8 32. Kph1—g1 Cg7—d4 33. Cg5—e3 Cd4—f6 34. Ce3—h6 Lf8—g8 35. Kpg1—h1 Cf6—d4 36. Kc4—e3 Фf5—f6 37. Ke3—g4?

Белые не выдерживают напряженной схватки и попадают в капкан, позволяя молниеносно сплести вокруг своего короля матовую сеть.

37... Lg8:g4! 38. h3:g4 Фf6—h4+ 39. Kph1—g1 Kh5—g3!, и белые перед лицом неотвратимого мата сложили «оружие».

Рисунки Игоря СУРОВЦЕВА

ПОДАРИМ УРЕНГОЙ ДЕТСКОМУ БИБЛИОТЕКУ

Радостно читать в эти дни редакционную почту, где часто попадаются письма, подобные вот этому, пришедшему из Приморского края:

«В мае 1979 года учащиеся Лучегорской очно-заочной средней школы по призыву журнала «Смена» отправили в Новый Уренгой свои книги. И вот снова одними из первых в Лучегорске учащиеся нашей школы откликнулись на призыв журнала «Смена» собрать 30 тысяч книг для детей газовой столицы страны. Их поддержали многие комсомольские организации Лучегорска.

Член комсомольско-молодежной бригады строительного управления Приморской ГРЭС С. А. Андриянова сказала: «Три вроде бы и не связанных друг с другом события — 60-летие ленинского плана ГОЭЛРО, пуск пятого энергоблока Приморской ГРЭС, самого мощного на Дальнем Востоке, и сбор детской литературы в подарок маленьким уренгойцам — все эти события сплачивают и вдохновляют нас. Пошлем в подарок уренгойцам ленточку, которую разрежали 18 декабря 1980 года лучегорцы при пуске энергоблока-200». Призывая своих читателей собрать детскую библиотеку в Уренгое, журнал «Смена» тем самым призывает развивать ответственность молодого поколения не только за создание надлежащих условий для детей Уренгоя, но и за страну в целом. Глядя на вереницы учащихся, спешащих сдать детские книги уренгойцам, вспоминаешь некрашенные слова: «Жито по зернышку — горы накошены». У лучегорцев добрые традиции: помогать тем, кто ждет твоей помощи. Лучегорцы сдавали кровь бойцам сражающегося Вьетнама, каждый взрослый житель Лучегорска считает своим долгом сдавать трудовые сбережения в Фонд мира, а теперь мы будем гордиться, что наши книги читают дети Уренгоя.

Н. Боев, директор очно-заочной Лучегорской средней школы, Приморский край.

В дар уренгойским детям для оформления интерьера библиотеки подарил часть своей уникальной коллекции кукол, собранной им со всех стран света, художественный редактор издательства «Малыш» Юрий Николаевич Поливанов. Веселые человечки и зверюшки, сказочные существа, сделанные из дерева и папье-маше, из перьев, меха и тканей, переселившись на далекий Север, в уютные и теплые комнаты библиотеки, обрадуют ребят.

Новая библиотека уже построена, а посылки продолжают идти в ее фонд.

Сообщаем имена читателей и названия организаций, приславших книги в детскую библиотеку. Из Москвы: И. Гольберг, Л. Жукова, Д. Жадан, О. Русланова, М. Дёмина, А. Шилова, Р. Михайлова, Петрушина, М. Кулагина, учащиеся 6-Б класса школы № 838, С. Чуркин, А. Бадак, Д. Баранов, О. Арнольдич, В. Михайлова, Л. и И. Гореловы, Владимировичи, О. Архипова, С. Соболева, учащиеся школы № 437, В. Николаева, Н. Рыжкова, В. Буранков, учащиеся 5-Б и 10-Б классов школы № 368, 5-Б класса школы № 3, Т. Карпухина, С. Никонов, Е. Романова, В. Иткин, О. Завражина, К. Пономаренко; Л. Наумова, Г. Стрелков из Архангельска; Н. Маланчик из Армавира, учащиеся школы № 5 из Арзамаса, учащиеся школы № 6 из Александровска, Л. Пивоварова из Анапы, Л. Кривулец из Бреста, Т. Роцина из Брянска, А. Глупак из Бело-

ва, В. Кугель из Бене Латвийской ССР, учащиеся 7-А класса школы из Березников, И. Муршова из Бобруйска, учащиеся школы № 25 из Бийска, сотрудники отдела социального обеспечения из Белгорода, учащиеся педучилища из Буйнакска, И. Полеско и учащиеся 4-Б класса школы № 13 из Волжского, работники Воркутинского горкома комсомола, Щербаквы из Вязьмы, В. Романов и учащиеся группы № 61 учебно-курсового комбината из Ворошиловграда, Павленко из Владивостока, Ю. Коптева из Воткинска, В. Баланина из Валдая, Г. Гурова из Волгограда, учащиеся 4-А класса школы из г. Владимира, учащиеся 6-А класса школы № 1, районная детская библиотека, первичные организации любителей книги из Гайворона, О. Зернова из Грозного, учащиеся пединститута из г. Глазова, сотрудники библиотеки хрустального завода из Гусь-Хрустального, С. Бокова из Горняка, Павлов из Губахи, В. Давиденко и учащиеся 6-В класса школы № 12 из Донецка, А. Куцбина и учащиеся школы № 17 из Дмитровграда, Т. Круглова из Дубовки, Г. Шалонко из Домодедова, М. Бунятин из Еревана, Смирнова из Егорьевска, участники Дома пионеров из Евпатории, Смольниковы из Ельни, А. Шульга из Ейска, учащиеся пединститута из Елабуги, учащиеся из г. Жданова, В. Сенько и В. Яковенко из Житомира, Г. Кашурникова из Зеленогорска, Степановы из Зеленодольска, студенты четвертого курса физико-математического факультета пединститута из Златоуста, Степановы из Зеленогорска, З. Глебова из Заводоуковска, В. Леонтьева из Иркутска, З. Леукина и совет пенсионеров из Ирбита, Г. Зорина из Ижевска, студенты педучилища из Ивано-Франковска, учащиеся 3-А класса школы № 5 из Измаила, Л. Климова и В. Кондря из Кишинева, сотрудники городского узла связи и учащиеся школы имени С. Нерис из Каунаса, учащиеся 2-Г класса школы № 50 и 7 класса школы-интерната № 7 из Кургана; Ахмадулины и учащиеся 4-В класса школы № 112 из Казани; из г. Куйбышева: О. Аксенова, Акасмов, учащиеся 2-А класса школы № 49, учащиеся 8-А класса школы № 11; из Краснодара: Р. Захарченко, А. Ткачев, учащиеся 2-А класса школы № 77; сотрудники управления по делам строительства и архитектуры из г. Калинина; из Киева: Л. Удинцева, А. Бровченко, Е. Колесов, И. Лукашевич, В. Мишев, учащиеся школы № 61; А. Гудков и Н. Пчелкина из Калининграда, Андреева и студенты из Кемерово, Э. и А. Аграментовы из пос. Кала Азербайджанской ССР, Г. Немчинова из г. Кола Мурманской области, учащиеся 9-Б класса школы № 26 из Краматорска, С. Мамонова из Калязина, С. Сытникова из Комсомольска-на-Амуре, А. Марченко из Кировска, С. Товарщик из Керчи, студенты педучилища из Карасука, И. Ремшельгас из Кохтла-Ярве, В. Даниленко из Калустина Яра, учащиеся 6-А, 6-В, 4-В классов школы № 2 из Кокчетова, Н. Щелкунова из Карпинска, учащиеся 3-А класса школы № 31, В. Колесников и М. Ганзе из Липецка; из Ленинграда: В. Харзина, Непомнящие, Ю. Гребенчикова, Е. Сидоренко, Т. Морозова, учащиеся 3-А класса школы № 383, учащиеся 10 класса школы № 24; Лендеровская детская библиотека из Карельской АССР, В. Максимычев из Лыскова, учащиеся 9-Б класса школы № 3 из Лобни, П. Губенко и

студенты 3 курса педагогического факультета мединститута из Львова, Т. Косая и В. Панфилова из Муромы, учащиеся 4-А класса школы № 35 и А. Шевченко из Мурманска, П. Штинг из Миасса, члены комсомольской организации дошкольных учреждений из Марганца, Л. Леонтьева из Макушина, сотрудники СГПТУ-13 из Майкопа, сотрудники центральной городской библиотеки из Миллерова, Н. Вервейко из Мукачева, А. Крючкова из г. Навои, учащиеся школы № 9 и Н. Савельева из Нижнекамска, Н. Шимкович из Находки, Н. Пушница из Никополя, В. Дервоедова из Нижнего Тагила, учащиеся 5-Б класса школы № 2 из г. Николаевска, учащиеся 4-А класса школы № 18 и И. Оносов из Новотроицка, рабочие комбината древесных плит из Нововятска, сотрудники научно-исследовательского института и Р. Покромкин из Новочеркасска; из Новосибирска: В. Малышев, Ж. Добкин, Ж. Колесников, учащиеся школы-интерната № 150, учащиеся 6-В класса школы № 130, учащиеся школы № 11 и М. Иванова из Новомосковска, Д. Дронов из Новгорода, Р. и Ф. Олейник из Остёра, сотрудники отдела юстиции облсполкома Львовской обл., Н. Лугарь из Отрадного, Аничина из Онеги, Зельдовы из г. Орджоникидзе, учащиеся 4 класса школы № 2 из Орехова, Е. Якишук из Одессы, работники плодово-ягодной станции из Орла; учащиеся 4-А класса школы № 34, С. и Д. Власовы, Г. Щербаквы и виноградчики из Перми; студенты, учащиеся школы № 16, В. Гольдманис из Полтавы; учащиеся 8-Б класса школы № 2 из Петропавловска, Е. Гоман из Петрозаводска, учащиеся 3-Б класса школы из Пущино-на-Оке, учащиеся 10-Б класса школы № 5 из Павлодара, Э. Мишулина, учащиеся школы № 28 из Ревды, Т. Черкаева из Рудного, учащиеся школы № 3 из Рошала, Э. Памирский из Райчихинска, учащиеся 6-Б класса школы № 67 из Ростова-на-Дону; Щелобоковы, Н. Иванчихина, В. Кастрон из Риги; учащиеся 4-Б и 5-Б классов школы № 3 из Сорочинска, учащиеся 3-А класса школы № 8 из Ставрополя, учащиеся 5 класса школы № 50 и Е. Леонтьева из Саратова, Л. Пителина из Саранска, учащиеся 4 класса школы № 7 из Солнцева; из Свердловска: Марушина, С. Чистяков, Т. Курьян, Т. Световитова; Л. Выгодова из Симферополя, А. Грачева из Скопина, учащиеся 4-Б класса школы № 5 из Сарны, студенты педучилища из Слободского, Т. Гаичика из Семипалатинска, учащиеся 5-А класса школы № 21 из Сызрани, учащиеся 2-А класса школы № 14 и Ю. Чиркин из Тюмени; Г. Логинова, П. Савельев, А. Данкова из Тулы; И. Горещкая и Г. Шибяев из Томска, учащиеся школы № 189 из Ташкента, Дубкова и Ю. Карклинис из Тбилиси, учащиеся 2-Б класса школы имени В. И. Ленина из Талды-Кургана, учащиеся 5-В и 4-Г классов школы № 6 из Тарту, члены КИД школы из Ткавчелы, учащиеся 5-А класса школы № 82 и Н. Тизова из Уфы, учащиеся 4-В класса школы № 1 из Ужгорода, З. Волкова из Ульяновска, З. Данилина из Хмельницкого, Г. Пода из Херсона, учащиеся 3-В класса школы № 42 и учащиеся 4-Г класса школы № 127 из Харькова; Л. Юлихина, А. Белова, учащиеся 6-Б класса школы № 70, учащиеся 6-Б класса школы № 2 из Хабаровска, Е. Подгаевская и И. Назаров из Химок; А. Шелудяков, Данилов, учащиеся 3-Г класса школы № 35 из Чебоксар, Н. Евдокимова и Е. Шубина из Чистополя, из Челябинска: А. Вавилова, Антроповы, Е. Копытова, учащиеся 6-Б класса школы № 126; Н. Рябов и А. Волочугин из Череповца, Валиповы из Шенкурска, учащиеся 2-А класса школы из Шатуры, Г. Суровцева из Южно-Уральска, Г. Крутиков из Фрязино, Варановы из Щелково, учащиеся 4-А и 4-В классов школы № 2 из Электростали, А. Пономарева из Йошкар-Олы, Приваловы из г. Цулукидзе, И. Маркелова из г. Энгельса; Т. Жданова из с. Кослаш Калмыцкой АССР, В. Митяевский из Калининградской области, В. Адаменко из с. Константинополь, Т. Бойко из пос. Кантемировка, сотрудники библиотеки из пос. Красная Горка, учащиеся 3 и 4 классов школы из пос. Керва Московской области, Е. Карчинский из с. Курчурган, учащиеся 8-Б класса школы из пос. Курлово, А. Павлова из с. Комсомольское, учащиеся 10-В класса школы из Кустанайской области, учащиеся школы из Ю. Каменского, учащиеся 2 класса школы из пос. Юргамыш Курганской области, учащиеся 4 класса школы из пос. Юрцево, Н. Катаева из пос. Ильинка Донецкой области, С. Колодкин из с. Старый Двор, учащиеся 5-Б класса Пресновской школы из Северо-Кавказской области, учащи-

еся 8 класса школы из с. Толстовка Амурской области, учащиеся школы № 62 из пос. Троицкий, Е. Жданов из пос. Туза Кировской области, С. Николенко из с. Воздвиженка, И. Козынина из пос. Видяево, учащиеся школы № 15 из пос. Верхне-Везенское, учащиеся 2 класса из с. Восход Калужской области, учащиеся 4-Б класса школы из пос. Ватутино Московской области, Э. Бутов из пос. Михайловка, Т. Гаревских из пос. Мундыбаш Кемеровской области, Е. Овечкина из пос. Мирный, В. Талашов из пос. Молочное Вологодской области, работники участковой больницы из с. Мостки, Е. Ремезова из дер. М-Зеркальцево, учащиеся 8 и 2 классов школы № 8 из дер. Новомажарово, Монгуш из с. Целиннов, М. Романенко из с. Знаменское, учащиеся школы из с. Затяжье Одесской области, учащиеся 2-Б класса школы из с. Залаир, Линины из пос. Хайдаркан Ошской области, О. Атласова из с. Хатырик, учащиеся 8 и 9-А классов школы из с. Бандурово, Е. Баткеева из Брянской области, Ромашины из пос. Шерловая Гора Читинской области, Ильин из с. Шеломки, В. Кравец из Абхазской АССР, учащиеся 4 класса из пос. Артем Владимирской области, Ю. Сапаров из пос. Аксубаевский Татарской АССР, Е. Севастьянова из совхоза Уманский, учащиеся 2-В и 4-В классов школы № 1 из пос. Увельский Челябинской области, учащиеся 10 класса из с. Промысловка, члены клуба Интернациональной Дружбы из пос. Покровское Днепропетровской области, учащиеся 7 класса школы из с. Урелики, учащиеся 9 класса школы из пос. Первомайский Московской области, С. Назарова из пос. Полярные Зори, учащиеся 3-Б класса Новосаганжарской школы из Полтавской области, Л. Бекетова из пос. Покровка Донецкой области, С. Киркова из Гродненской области, И. Ахтулова из дер. Греково Кировской области, К. Селиханова из Гудермесского района Чечено-Ингушской АССР, В. Качанова из пос. Ясная Поляна Донецкой области, Г. Харькова со ст. Ягул Удмуртской АССР, В. Назарова из пос. Ладан Черниговской области, А. Хорош из пос. Ляляно Пермской области, Г. Залодная из пос. Лысье горы Саратовской области, В. Шемьякина из дер. Олятово, учащиеся 10-А класса школы из пос. Хомяково, Дружина и Морозова из Смоленской обл., Ф. Аванская из пос. Аван, М. Баскаков из пос. Заречный, С. Чалыгин из пос. Копьево, учащиеся 4-А класса школы со ст. Казанская, учащиеся 6-Б класса школы № 2 из Аральска, А. Ковалевич из пос. Сосьва, учащиеся 7-Б класса школы № 1 из Ульяновки, учащиеся школы № 15 из п/о Верхне-Воронежское, В. Прудников из Макеевки, З. Гуленок из Анненского, учащиеся 6-Б класса школы № 2 из Аркалыка, Л. Манчинская из Гороховца, учащиеся 7-В класса школы из с. Чельно-Вершини, З. Гулина из пос. Железнодорожный, школьники из Усть-Каменики, Г. Сорокина из пос. Макушино, М. Малиновская из Макинска, Соловьева из пос. Старово, О. Асун из пос. Керяжье, учащиеся школы № 23 из Ишиморского края, Т. Грачева со ст. Брюловецкая, школьники из с. Иртышский, учащиеся 4-А класса школы № 12 из г. Алапаевска, Авдонина из с. Ельники, Е. Усова из пос. Перьяславка, сотрудники СГПТУ № 13 из пос. Фокино, Бессонова из с. Сары-ТЮЗ, школьники из с. Восход, Смирнова из пос. Сокол, Попова из Верецагино, Кириченко из г. Левска, Куций из с. Мешон, учащиеся 9 класса школы № 5 из Свердловской области, учащиеся 5-В класса школы № 2 из г. Ленска, учащиеся 2-А класса из Макеевки, студенты группы 831 иностранного факультета ЕГПИ из Елабуги, Л. Фалунина из пос. Яготино, Н. Леденева из г. Артемовский, школьники из с. Таужна, учащиеся 9 класса школы из с. Чусовитино, Черяковы из пос. Вахтан, учащиеся школы № 2 из пос. Скрунда, комсомольцы из пос. Коммунар, Тулопыцева из пос. Росляково, Соколова из с. Богословское.

Редакция горячо благодарит всех читателей, приславших книги в детскую библиотеку Нового Уренгоя. Новые книги просим посылать по адресу: 626718, Тюменская область, г. Новый Уренгой, библиотека имени журнала «Смена», Детям Уренгоя.

TRABARACA

Музыка Евгения МАРТЫНОВА
Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

СВАДЕБНЫЙ ВАЛЬС

*Ах, как невеста смотрит отрешенно!
Ах, как взволнован гордый жених!
Главное слово вам, молодожены,
Свадебный танец для вас двоих.*

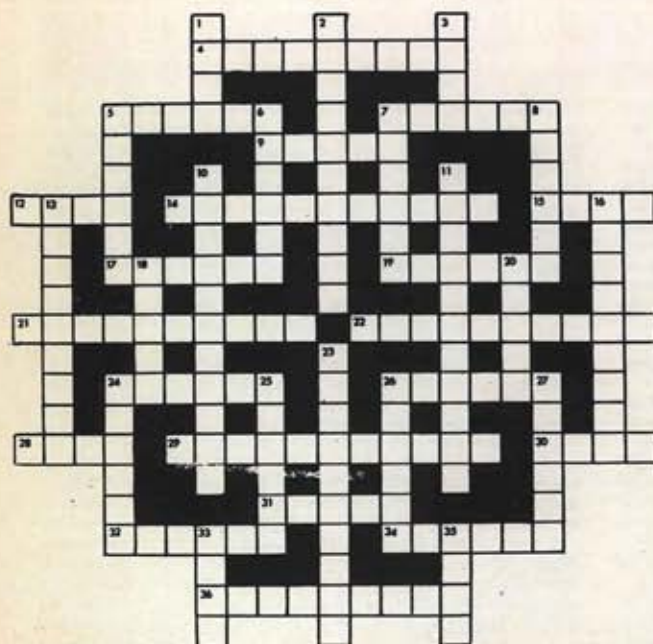
Припев:
Прямо к небу взметнулся,
по земле расплескался
Светлый танец надежды—торжественный вальс,
чудо-вальс.
И далекое эхо,
эхо этого вальса,
Пусть останется в сердце навечно у вас.

*Вы не забудьте, вальсу подпевая,
Жить начиная нынче всерьез,
Что, к сожаленью, в жизни не бывает
Счастья без горя, любви без слез.*

Припев.
Пусть эхо вальса вас хранит бессонно,
Вы этот вечер вспомните вновь.
Пусть, как большое ласковое солнце,
С вами по жизни идет любовь.
Припев.

КРОССВОРД

Составила З. МАРКОВА,
г. Курган

По горизонтали:

4. Северное созвездие. 5. Помещение для овец. 7. Порт в Южной Индии. 9. Река во Франции. 12. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 14. Народный артист СССР, режиссер, лауреат Ленинской премии. 15. Южное плодовое дерево, кустарник. 17. Персонаж балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 19. Роман О. Гончара. 21. Картина И. И. Левитана. 22. Певчая птица. 24. Пушной зверь. 26. Действующее лицо романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 28. Город в Коми АССР. 29. Самоходный железнодорожный вагон. 30. Горная система на юге Турции. 31. Легкая постройка для мелкой торговли. 32. Город в Финляндии. 34. Многолетняя лекарственная трава. 36. Особый прием в игре на музыкальных инструментах.

По вертикали:

1. Стихотворение Н. А. Некрасова. 2. Композитор, Герой Социалистического Труда. 3. Французская писательница XIX века. 5. Центр воеводства в Польше. 6. Полуостров в Северной Америке. 7. Слон, обитавший в ледниковый период. 8. Промысловая рыба семейства сельдевых. 10. Положительное качество, сознание своей ценности, прав. 11. Старинный город в Московской области. 13. Герой Советского Союза, летчик, применивший один из первых ночной таран. 16. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 18. Приток Селенги. 20. Лабораторный стеклянный сосуд. 23. Защитное древесное насаждение. 24. Советский детский писатель. 25. Деталь для замыкания электрических цепей, пуска различных механизмов. 26. Материк. 27. Бечева, стягивающая концы лука. 33. Хищник семейства кошачьих. 35. Химический элемент, инертный газ.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 2

По горизонтали:

1. Барсова. 4. Казачок. 7. Ковка. 9. Шаталов. 10. Тюльпан. 11. Анапа. 12. Атрибут. 13. Мурильо. 14. Олифа. 15. Карасор. 16. Рустика. 17. Илеша. 18. Никосия. 22. Нарцисс. 26. Коленкор. 27. Эстафета. 29. Карадаг. 31. Карабин. 33. Лерка. 34. Токката. 36. Лопаксин. 38. Гусли. 39. Кралево. 40. Солodka. 41. Лимит. 42. Муляжи. 43. «Ряженье». 44. Цевка. 45. Афалина. 46. «Трутень».

По вертикали:

1. Башмакин. 2. Статика. 3. Акватория. 4. Катамаран. 5. Альтист. 6. Консонанс. 8. Владилена. 19. Ижора. 20. Опера. 21. «Искра». 23. Астра. 24. Цифра. 25. Сутки. 28. Герасимов. 29. Катакомба. 30. Глаголица. 31. «Калистрат». 32. Нонпарель. 35. «Колокол». 37. Абонент.

Знакомый голос

ВСТРЕЧАЮСЬ С ПЕСНЕЙ, КАК С ДОБРЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Людмила Сенчина создала на эстраде обаятельный образ «воздушной», мечтательной девушки, трогательно верящей в добро и удивленной щедростью судьбы, дарящей ей нехитрое, но теплое и настоящее человеческое счастье.

Как и когда родился этот образ? С песней «Золушка» — одной из тех, что принесли молодой артистке популярность? В годы учебы на отделении музыкальной комедии Ленинградского музыкального училища имени Римского-Корсакова? Или еще раньше — когда бегала Людмила загорелой девчонкой в деревенскую школу под Николаевом, а вечерами и в погожие летние дни, бродя по лужку и налевая, грезила, как выйдет в великолепном концертном платье на эстраду перед огромным затихшим залом и запоем для всех свои любимые песни?

— Я не верила, что такое может случиться наяву, — рассказывает Людмила, — оттого и мечтала так смело. Хочу петь, люблю петь — почему бы и не вообразить, не представить самое невозможное! На то и мечта.

Когда Людмила приехала в Ленинград поступать в музыкальное училище, прием на все отделения был уже закончен, но случайно встретившиеся два педагога по вокалу согласились прослушать девочку с Украины — поступить теперь все равно уже нельзя, так хотя бы дать совет, стоит ли приехать в следующем году.

Людмила спела «Серенаду» Шуберта, «Неужели это мне одной?» Портинова и украинскую народную песню — предстала, так сказать, во всех жанрах. А главное, совсем не боялась (не экзамен ведь!) и разливалась

треями-руладами... И уж совсем не ожидала, что для нее сделают исключение и позволят после этого прослушивания сдавать приемные экзамены.

Приглашение в Ленинградский театр музыкальной комедии сразу же по окончании училища было новым чудом, настоящим подарком судьбы, о котором Людмила не смела и мечтать. Здесь началась настоящая высшая школа искусства: буквально «каторжная» работа — бесконечные ежедневные уроки по вокалу, танцам, репетиции, спектакли. Зато и постоянные премьеры. Людмила спела все заглавные партии всех шедших тогда в театр спектаклей: Ганку в «Веселой вдове» Легара, Лиду в «Восемнадцать лет» Соловьева-Седого, Лидочку в «Свадьбе Кречинского» Колкера... Первый успех, овации, цветы...

Ныне уже шестой год судьба певицы связана с Ленинградским эстрадно-симфоническим оркестром под руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР Анатолия Бадхена. С этим коллективом объехала она всю страну. Особое сердечное тепло — строителям Саяно-Шушенской ГЭС, где ленинградские артисты ежегодно проводят фестивали искусств «Саянские огни». Здесь не просто подшефные, не просто любители, а самые близкие, родные, которые помнят, ждут, радуются каждой встрече.

У Людмилы Сенчиной уже давно есть своя собственная аудитория, которой не надо рассказывать, кто она такая, которая благодарно примет все, что подарит ей певица. Здесь ждут ее такой, какой знают и любят. Здесь

очарованы ее обаянием, женственностью, тонким артистизмом, внутренним и внешним «оживлением» в песни, из которых она делает своеобразные маленькие новеллы.

— С удовольствием пою легкие, обаятельные песни. Они мне нравятся, но не трогают глубоко, — признается Людмила. — Поразили, ранили душу другие песни. Когда композитор Валерий Гаврилин подарил мне «Черемуху» — я поняла, что это действительно моя песня. У Гаврилина свой особенный, необыкновенный и очень правдивый ключ. Сразу в самом сердце проникает не надрывная, но такая глубокая, настоящая русская «Черемуха», которая «с землей связана», «к земле привязана».

Много песен в исполнении заслуженной артистки РСФСР Людмилы Сенчиной стали лауреатами ежегодных телевизионных конкурсов: «Черемуха» и «Шутка» Гаврилина, «Зов синевы» Петрова, «Всегда и снова» Фрадкина, «Добрая сказка» Пахмутовой...

Людмилу Сенчину уже не устраивает ее бывшая милая, поэтичная, но несколько инфантильная девочка, которая полюбила всем. Она переросла ее и ищет серьезные, значимые стихи, которые заставят думать, волноваться; музыку, которая заденет самые главные, порой неосознанные струны человеческого сердца. Ищет свой новый образ. Думается, некоторые его черточки она уже нашла: даже в сценическом наряде артистка явно предпочитает народный покррой и национальный орнамент. Но основой нового образа она считает, конечно же, будущие песни.

Эдда ЗАБАВСКИХ